

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ И КИНО РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ
Агентство по культурно-историческому наследию

**ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
НАРОДОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ**

Выпуск №2

Горно-Алтайск
2005

ББК 63.4
63.5
82.3 (2)
83.3 Алт
Изу 39

Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири.
Выпуск 2.

Сборник научных трудов

/ Под ред. В.И.Соёнова, В.П.Ойношева. Горно-Алтайск: АКИН, 2005. 152 с.

Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю.
(г.Барнаул)

РЕКОНСТРУКЦИЯ НЕКОТОРЫХ АСПЕКТОВ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ПОСЕЛЕНИЯ ТЫТКЕСКЕНЬ-2

Поселение Тыткескень-2 находится в среднем течении Катуня на второй левобережной надпойменной террасе, на правом берегу ручья Тыткескень, в его предустьевой части. Общая площадь поселения составляет около 6 тыс. кв.м. Открыто оно было М.Т. Абдулганеевым в 1983 г. (Абдулганеев М.Т., 1985, с.189). А.Л. Кунгуровым и Н.Ю. Кунгуровой за 1984-1986 гг. небольшими раскопами было вскрыто около 70 кв.м площади поселения (Кунгуров А.Л., Кунгурова Н.Ю., 1986). Стационарными раскопами под руководством Ю.Ф. Кирюшина с 1988 по 1994 гг. раскопано 1066 кв.м (Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 1993, с.25). Вся исследуемая площадь вскрыта до аллювия, который представляет собой крупный речной песок вместе с галечнико-глыбовым материалом хорошей окатанности. Общая мощность отложений составляет от 0,45 м до 2,6 м (Барышников Г.Я., Кирюшин Ю.Ф., 1990, с.26-27).

Памятник имеет сложную стратиграфию. Слои, вмещающие археологические находки, выделяются в разрезах более темным цветом за счёт большей гумусации. Стерильные прослойки эолового песка более светлого цвета, и их мощность между культурными горизонтами в северо-восточной части раскопа достигает 0,4 м. Ближе к склону горы мощность песков эолового происхождения уменьшается, постепенно сходя на нет (Барышников Г.Я., Кирюшин Ю.Ф., 1990, рис.2).

Слои песков большей гумусации, содержащие археологические находки, имеют характер «линз» различной степени мощности, степени гумусации и распространённости на вскрытой площади памятника. Эти «линзы» содержат археологические находки (каменные артефакты, керамику, кости) и следы жизнедеятельности человека (прокалы, хозяйственные ямы, каменные кладки). Для обозначения таких «линз» мы используем термин культурный горизонт. Всего выделено девять культурных горизонтов.

На поселении Тыткескень-2 благодаря прослойкам эолового песка мы имеем чёткую относительную хронологию. Наиболее ранним комплексом являются материалы 9 к.г. Далее в хронологическом порядке идут материалы 8, 7, 6, 5, 4А и 4 к.г. К наиболее позднему времени относятся материалы третьего к.г.

К третьему к.г. относится долговременное жилище №1, котлован которого врезан в слой позднего неолита и лёгкие наземные конструкции, располагающиеся к югу от жилища №1. Мы не можем однозначно определить последовательность их сооружения. Возможно, что они являются частью единого археологического комплекса, и мы имеем дело с летними (наземные конструкции) и зимними жилищами (жилище №1).

Относительная хронология поселения Тыткескень-2 дополняется серией радиоуглеродных дат полученных по костям животных из 4, 6 и 7 к.г. Радиоуглеродные даты выстроились в хронологической последовательности и не происходит «наложения» дат. Для 7 к.г. получена дата 7970±95 лет (СОАН-5152). Для 6 к.г. получены четыре даты: 6860±90 лет (СОАН-5149), 6620±95 лет (СОАН-5150), 6585±85 лет (СОАН-5151) и 6510±130 (ГИН-8455). Для 4 к.г. получены две даты: 5430±140 (ГИН-8456) и 5360±90 лет (СОАН-5148).

Таким образом, по нашему мнению следует датировать:

8 горизонт	– первой половиной – серединой VII тыс. до н.э.
7 горизонт	– концом VII – началом VI тыс. до н.э.
6 горизонт	– конец VI – первая половина V тыс. до н.э.
5 горизонт	– серединой – второй половиной V тыс. до н.э.
4А горизонт	– началом IV тыс. до н.э.
4 горизонт	– второй третью IV тыс. до н.э.
3 горизонт	– концом IV тыс. до н.э.

Материалы поселения Тыткескень-2 свидетельствуют о том, что на протяжении различных исторических периодов место в устье р. Тыткескень привлекало человека. При-

чины этого обусловлены несколькими факторами, анализу которых посвящена данная часть исследования.

Важным моментом при реконструкции хозяйственной деятельности населения поселения Тыткескень-2 является анализ климатических условий во время его функционирования. А.М. Малолетко считает, что в Горном Алтае в голоцене климат формировался под воздействием тех же факторов, что и в наши дни, рельеф не претерпел существенных изменений, солнечная радиация была более менее постоянной (Малолетко А.М., 2002 с.43). В голоцене люди могли найти экологически благоприятные условия, мигрируя из одного района в другой. Для них большее значение имели не многолетние климатические изменения, а погодные условия сезонного масштаба (обильные снегопады, дожди, паводки, чередование оттепелей и заморозков) (там же, с.57).

Одним из моментов, определяющим выбор в пользу размещения здесь поселения, следует считать наличие выходов кремня. В материалах поселения всех горизонтов хорошо прослеживается ситуация, когда при обилии каменного сырья предпочтение отдавалась не галечному материалу из русла Катуня и Тыткескени, а блокам сырья из коренных выходов на поверхность древних кремнисто-карбонатных отложений, выделяемых геологами в баратальскую свиту. Из образцов кремня с поселения Тыткескень-2 отобраны пробы на петрографическое изучение их состава. Анализы показали, что породы сложены мелкозернистым агрегатом кварца (Бырышников Г.Я., Малолетко А.М., 1997, с.111). Г.Я. Барышников и А.М. Малолетко выделяют в 6 км от устья Тыткескени вдоль долины ручья на протяжении 800 м обнажения на склонах пачки кварцитов и кремневых разностей темно-серого цвета с переходами в серый с массивной, мелкозернистой или кристаллической структурой. Сопоставление результатов геохимических анализов образцов с поселения и данного выхода позволило Г.Я. Барышникову и А.М. Малолетко говорить о наличии корреляционных связей (Бырышников Г.Я., Малолетко А.М., 1997, с.153).

В 6 км от устья Тыткескени находится каменоломня – уникальное образование, созданное руками человека. Породы каменоломни разбиты трещинами «на отдельные блоки различной размерности – от 10–30 см до отдельных почти листоватых пластинок мощностью первые миллиметры» (Бырышников Г.Я., Малолетко А.М., 1997, с.154). Породы каменоломни имеют окраску от чёрного до светло-серого с голубым и розовым оттенком. Часто кремень имеет пятнистую окраску с прожилками и нитевидными разводами беспорядочного направления (Бырышников Г.Я., Малолетко А.М., 1997, с.101). Проведённые анализы подтвердили связь каменного материала памятника Тыткескень-2 с породами каменоломни (Бырышников Г.Я., Малолетко А.М., 1997, с.156).

Просматривается одна интересная особенность. В горизонтах, с восьмого по четвёртый, каменные артефакты изготовлены из кремня чёрного, белого и молочного цвета, серого или серого с чёрными прожилками. Девяносто пять процентов всех кремневых артефактов третьего горизонта выполнены из кремня чёрного цвета. Просматривается определённое предпочтение при отборе сырья. Причём прослеживается ещё одна интересная особенность: в горизонтах с восьмого по четвёртый предпочтение при выборе сырья отдавалось блокам сырья или плиткам, в материалах третьего горизонта в качестве заготовки использовались желваки кремня, у которых качество ниже из-за большого количества микротрещин. Из-за плохого качества сырья мастер не мог управлять плоскостью расщепления. В материалах третьего горизонта гораздо больше случаев, когда из-за микротрещин приходилось выбрасывать артефакты на стадии пренуклеусов. Создаётся впечатление, что в эпоху энеолита население исследуемого памятника не использовало выходы кремня, эксплуатировавшиеся в мезолите и неолите.

Вторым моментом является то, что долина Тыткескени выходит на водораздел Катуня и Семы. Это обстоятельство могло быть важным при ведении охотничьего хозяйства. К сожалению, имеющиеся материалы девятого и восьмого горизонтов не позволяют реконструировать формы хозяйства у оставившего их населения. По остальным горизонтам имеются остеологические коллекции, позволяющие реконструировать формы хозяйства у населения с седьмого по третий горизонты.

Вопросы о типах хозяйства населения памятника Тыткескень-2 уже поднимались в научной литературе, предпринимались попытки реконструкции форм хозяйства у неолитического населения Средней Катуня. В настоящий момент обозначились два подхода к

этой проблеме. Один из них изложен Н.Ю. Кунгуровой. Проанализировав каменный инвентарь с поселений Майма-3, Тыткескень-2 (3, 4, 7 горизонты), Усть-Куюм, Куюм-брод, она приходит к выводу, что основной инвентарь этих памятников составляют «... вкладыши охотничьего оружия колюще-метательного типа (кинжалов-копий, дротиков, стрел)» (Кунгурова Н.Ю., 1997, с.4). Н.Ю. Кунгурова делает вывод, что в экономике населения Катуня охота была специализированной с ориентацией на стадных животных (косуля, марал). Исследователь отмечает, что орудия рыболовства на этих поселениях малочисленны и «... их, скорее всего, следует причислять к орудиям индивидуальных промыслов, не игравших основной роли в хозяйстве населения» (Кунгурова Н.Ю., 1997, с.4).

А.В. Шмидтом высказано предположение, что основу хозяйства неолитического – энеолитического населения Горного Алтая составляло рыболовство (Шмидт А.В., 2001, с.195). По его мнению, в пользу рыболовства как основы хозяйства неолитического населения Средней Катуня свидетельствует расположение поселений в устьевой зоне притоков Катуня, изобилующих рыбой и наличие на памятниках этого времени относительно большого количества рыболовных стерженьков (там же, с.195-196). А.В. Шмидт считает, что именно рыболовство становится причиной процентного сокращения мелких пластин, значительная часть которых шла на производство вкладышей оружия колюще-метательного типа. Возросшая роль рыболовства отодвигает охоту на второй план (там же, с.195-196).

По нашему мнению, говорить о наличии на памятниках этого времени относительно большого количества рыболовных стерженьков нельзя. На поселении Тыткескень-6 в слое раннего неолита найден один стерженьок рыболовного крючка (Киришин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., 1994, с.112, 114). На поселении Тыткескень-2 один стерженьок рыболовного крючка обнаружен в материалах третьего культурного горизонта и в материалах четвертого культурного горизонта найдено жальце от составного рыболовного крючка. Таким образом, находки рыболовных принадлежностей из поселенческих комплексов в устье Тыткескени представлены единичными предметами и не составляют представительных серий.

Занятие рыболовством не могло привести к деградации призматической техники расщепления, причины которой следует искать в появлении изделий из металла в эпоху энеолита.

В большом количестве рыболовные принадлежности встречены только в погребении в Нижнетыткескенской пещере-1. В погребении найдено 8 каменных утяжелителей для составных рыболовных крючков, 3 костяных жальца (Киришин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф., 1995, с.30, 34), принадлежащих крючкам разных типов. Данное погребение авторы относят к большемысской культуре и считают его шаманским (Киришин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф., 1995, с.50–53). Соответственно, речь идёт о шаманском погребении со *специфической атрибутикой*, несколько нестандартной для обычного погребального инвентаря (Киришин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю., Кадиков Б.Х., 2000, с.54). Делать выводы о ведущих формах хозяйства у населения большемысской культуры на Средней Катуня по одному погребению нельзя.

Большое разнообразие типов рыболовных крючков в погребении свидетельствует о высоком уровне развития рыболовного снаряжения, но эти типы орудий могли быть принесены на территорию Средней Катуня из предгорий Горного Алтая.

С.И. Эверстов подробно разбирает формы и приёмы рыболовства у народов Верхнего и Среднего Приобья в каменном веке. У приобских аборигенов рыболовство не потеряло своего первостепенного значения до начала XX века. Они промышляли рыбу круглый год. Регулярная рыбная ловля определила своеобразные черты быта приобских аборигенов: изготовление одежды из рыбьей кожи, селькупский календарь и т.д. В реках бассейна Оби водятся 69 видов и подвидов рыб, из которых 33 служат объектами промысла. На притоках Оби до недавнего времени существовали рыболовецкие колхозы (Эверстов С.И., 1988, с.40-41). Всё это, вместе с анализом археологического материала, позволило сделать вывод, что «главным источником существования неолитических племен Приобья было рыболовство» (там же, с.40-41).

Для исследования возможностей рыболовства, как основной отрасли хозяйства населения Средней Катуня в неолите, считаем необходимым привлечь данные из этногра-

фии алтайцев. Л.П. Потапов писал, что «... рыболовство у южных алтайцев отсутствовало» (Потапов Л.П., 1953, с.210), у северных – он отмечал наличие таёжного рыболовства (Потапов Л.П., 1953, с.5-8). Интересные сведения по хозяйству алтайцев приводятся в материалах ясачной комиссии, работавшей в Бийском округе в 1832 году. В.Н. Владимиров приводит данные о количестве зверей и рыбы, добываемых алтайцами в год (Владимиров В.Н., 1990, с.156) (табл.1).

В.Н. Владимиров отмечает, что «приводимые ясачной комиссией цифры носят скорее приближённый, оценочный характер» (Владимиров В.Н., 1990, с.153). Исследователь пишет, что добывались преимущественно таймени и хариусы (Владимиров В.Н., 1990, с.156). К началу 60-х гг. XIX в. население 7 дючин составляло 11775 алтайцев (Владимиров В.Н., 1982, с.177). Если взять максимальные значения количества рыбы, добываемой в год, то получится, что в среднем в год потребление рыбы на человека составляло 0,84 кг. Эти расчёты носят очень приблизительный характер, но, даже несмотря на это, они красноречиво свидетельствуют о роли рыболовства в хозяйстве алтайцев. Видимо, есть основания говорить о том, что в хозяйстве алтайского населения рыболовство не играло значительной роли и стояло по своему значению на последнем месте после скотоводства, охоты и собирательства.

По С.И. Эверстову, современные термодинамические исследования дают ценную информацию по температурному режиму водоёмов, интенсивности нарастания ледяного покрова и т.д. (Эверстов С.И., 1988, с.13), и игнорирование этих данных может привести к ошибочным представлениям. Исследователи фауны Алтая отмечают, что температура воды оказывает существенное влияние на температуру тела рыб, а также на такое важное биологическое явление как созревание икры. У ряда рыб низкая температура воды вызывает спячку (Кучин А.П., 2001, с.8). Кроме того, холодная вода негативно влияет на развитие планктона, мелких и зелёных водорослей, которые являются пищей для рыб. Холодная вода и бурное течение (скорость 3–5 м/сек.) Катуня на исследуемом участке являются неблагоприятными факторами для некоторых видов рыб.

В Горном Алтае водятся 27 видов рыб и два вида миног (Кучин А.П., 2001, с.8). Мы рассмотрим современное состояние биоресурсов Средней Катуня и попытаемся разобраться, какие породы рыб могли быть объектом промысла населения Средней Катуня в эпоху неолита. Температура воды в Катуня в её среднем течении ниже, чем в Верхнем Приобье и на Нижней Катуня. Из-за этого некоторые породы рыб, обитающие в Оби и заходящие в Катуня на нерест, не поднимаются выше Сросток, Маймы и Усть-Семы, другие породы рыб из Оби поднимаются вверх по Бии и нерестятся в Телецком озере или Чулышмане (дальневосточная минога, сибирская минога, осётр, стерлядь, нельма, щука, сибирская плотва, сибирский пескарь, золотистый карась, сибирская щиповка, окунь, ёрш). Телецкий сиг, сиг Правдина – эндемики Телецкого озера. Выше, в верховьях Катуня и водоёмах Юго-Восточного Алтая, водится алтайский осман. Восточный лещ, линь, серебристый карась, сазан (каarp), судак, обитающие сейчас в водоёмах Горного Алтая, были искусственно акклиматизированы в XIX-XX вв. Гораздо шире распространены таймень, ленок или усуч, сибирский хариус, сибирский елец, голян, сибирский голец, налим, пестроногий подкаменщик, сибирский подкаменщик. Эти породы рыб обитают на Средней Катуня. Именно они могли быть объектом промысла населения Средней Катуня в эпоху неолита. Голян, сибирский голец, пестроногий подкаменщик, сибирский подкаменщик промыслового значения не имеют. Промысловое значение имеют только пять видов рыб – таймень, ленок или усуч, сибирский хариус, сибирский елец, налим. Активный промысел на эти виды рыб в основном осуществляется в низовьях Катуня или на Телецком озере с применением сетей или перемётов не круглый год, а в весеннюю или осеннюю путину.

Информацию о формах хозяйства обитателей поселения Тыткескень-2 даёт анализ костных остатков (определения выполнены А.В. Гальченко и П.А. Косинцевым), полученных при раскопках. В общей сложности проанализировано 2212 костных остатков (табл. 2, 3, 4). Необходимо отметить, что А.В. Гальченко и П.А. Косинцев работали с разными остеологическими коллекциями. А.В. Гальченко работал с коллекциями, полученными в ходе раскопок 1989-1991 гг., П.А. Косинцев – с материалами 1992-1994 гг. В коллекциях нет ни одной рыбьей кости. Во всех горизонтах большинство костных останков принадлежит копытным среднего размера (косуля, кабарга, сибирский горный козёл, муфлон). Видовой

состав животных наводит на определённые размышления. А.В. Гальченко работал с остеологическими коллекциями третьего, четвертого, четыре-А, шестого и седьмого горизонтов (табл.2, 3). По его определениям, во всех горизонтах первенство принадлежит косуле, на втором месте идёт сибирский горный козёл. В материалах третьего и четвертого горизонтов, по его мнению, имеются кости домашних животных, в третьем – крупный рогатый скот и лошадь, в четвертом – лошадь и овца. Кости дикой лошади встречены в материалах седьмого горизонта.

При работе с коллекциями А.В. Гальченко отмечал плохую сохранность костей. До нас дошли обломки некогда целых костей, которые он характеризовал как «сильный бой». В работе, посвящённой хозяйству древних племён Горного Алтая, А.В. Гальченко отмечал трудности в отделении костей домашней лошади от диких форм тарпана и кулана, мелкого рогатого скота (овца, коза) от мелких парнокопытных (сибирский горный козёл, горный баран, косуля, дзерен, сайга и др.) (Гальченко А.В., 1995, с.74). По его мнению, вопрос о скотоводстве у афанасьевцев остаётся дискуссионным, а у племён большемысской культуры – ещё более дискуссионным (Гальченко А.В., 1995, с.74).

П.А. Косинцев работал с материалами трёх горизонтов (четвертого, шестого и седьмого). Так же как у первого учёного, у него во всех горизонтах первенство по особям принадлежит косуле (табл. 4), на втором месте идёт муфлон, третье–четвертое – делят кабарга и дикий козёл.

По сравнению с ихтиофауной, животный мир Горного Алтая более разнообразен и в его фауне есть представители всех соседних регионов: европейско-обского, восточносибирского, центрально-азиатского, арктического. Г.Г. Собанский отмечает, что алтайская горная страна отличается исключительным богатством видового состава диких копытных. Современная фауна насчитывает девять видов – кабарга, косуля, марал, лось, северный олень, сибирский горный козёл, алтайский горный баран, кабан, дзерен. В недавнем прошлом (200-250 лет назад) на Алтае обитали ещё три вида – антилопа сайга, як байкальский и антилопа оронго (Собанский Г.Г., 1982, с.23).

Неумеренный промысел и другие антропогенные факторы привели в первой половине XX века к катастрофическому сокращению запасов копытных. В 60–70-х гг. прошедшего столетия наметился рост численности копытных, началось восстановление ареалов.

Современные данные по копытным животным Горного Алтая нельзя механически использовать для реконструкции типов хозяйства неолитического населения. Наиболее оправданным будет привлечение материалов второй половины XIX – начала XX века, когда воздействие человека на природу Горного Алтая было не столь значительно, домашних животных меньше в 3–4 раза, пашни невелики, ядохимикаты и удобрения не применялись.

В XIX веке ежегодно на территории нынешней Республики Алтай добывалось до 200 тыс. особей косули (Собанский Г.Г., 1990, с.255). По расчётам Г.Г. Собанского в XIX веке в Горном Алтае плотность населения косули должна была составлять в среднем около 50 голов на 1 тыс. га (Собанский Г.Г., 1992, с.119). Причём, исследователь отмечает, что это вполне реальная величина и даже сейчас в некоторых европейских странах, урбанизированных и плотно заселённых, плотность косули на 1 тыс. га достигает до 150–200 голов (там же, с.119). Одной из особенностей поведения косуль является передвижение во время миграций табунками, численность которых даже в 40-е гг. XX века достигала нескольких сотен (там же, с.120). В XIX веке А.М. Никольский отмечал, что жители Уймона весной 1882 г. зарезали до 300 косуль согнав их в степь, где их не выдерживал тонкий слой весеннего наста (там же, с.118).

По современным данным плотность населения кабарги в Горном Алтае меняется в широких пределах от 0,5-2 до 40-50 и более особей на 1 тыс. га, а наибольшая плотность во второй половине 80-х гг. XX века достигала на западе региона 100-120 особей на 1 тыс. га (Собанский Г.Г., 1992, с.32-33). Известны случаи, когда с площади 6–7 кв.км пять охотников добывали 40-45 кабарог (Собанский Г.Г., 1992, с.32-33).

В исторически недавнем прошлом лосей в Горном Алтае было очень много. По скромным подсчётам – в среднем 4 особи на 1 тыс. га (в настоящее время есть урочища, где плотность в 1,5–2 раза выше) (Собанский Г.Г., 1992, с.148–149).

Ареал обитания сибирского горного козла в настоящее время сильно сокращён. В работе Г.Г. Собанского указывается, что и в прошлом область распространения этого

животного на севере не доходила до предгорий (Собанский Г.Г., 1992, с.203). На помещённой в работе схеме северная граница ареала этого животного проходит по р. Чемал (Собанский Г.Г., 1992, рис.19). Эти животные являются типичными представителями высокогорья. Характерной чертой поведения козлов является их стремление при опасности встать на отстой – какой-нибудь утёс на неприступной скале. Такое поведение спасает их от таких хищников как волк, медведь, но не от человека.

С.В. Ошибкина отмечает для памятников неолита особенность в размещении их на стыке ландшафтных зон, где биомасса достигала высокой продуктивности (Ошибкина С.В., 1996, с.8). Поселение Тыткескень-2 размещено именно в такой зоне, на стыке среднегорья (с характерными для него остепнёнными долинами) и высокогорья. Косуля, благородный олень являются представителями среднегорья. Этим животным требуются остепнённые пространства или лес с небольшим подлеском. Кабарга – представитель горнолесной области (Кучин А.П., 2001, с.224). Муфлоны, сибирские горные козлы и горные бараны представители высокогорья. Вероятно, что способы охоты на этих животных различались. По этнографическим данным у северных алтайцев для охоты на козулю и маралов применялись традиционные методы массового покола на переправах, использовались ямы и засеки, пересекающие тропу, по которой обычно проходили козули и маралы (Потапов Л.П., 1948, с.218-220). Петли нередко ставили на тропах и без устройства завалов (Собанский Г.Г., 1992, с.33). Охота на муфлонов, сибирских горных козлов и баранов, вероятно, осуществлялась с помощью индивидуальных приёмов охоты.

Определения А.В. Гальченко позволяют предположить, что население третьего и четвёртого горизонтов привлекало, помимо всего прочего, при выборе места для поселения наличие широкой долины Катунь, удобной для выпаса скота. Выводы о наличии скотоводства у населения четвёртого горизонта требуют дальнейшей проработки. Однако подобные предположения не противоречат современным представлениям о возникновении скотоводства в эпоху неолита. В западных районах Средней Азии разведение крупного и мелкого рогатого скота известно ещё для VI тысячелетия до н.э., а козы и овцы (Дам-Дам-чешме 2) – возможно для ещё более раннего времени (Виноградов А.В., 1981, с.165). В.Ф. Зайберт поднимает вопрос о появлении скотоводства в средней полосе лесостепного Казахстана уже в начале неолита в конце VII-VI тысячелетий до н.э. (Зайберт В.Ф., 1992).

Появление в финальном неолите и энеолите долговременных жилищ полуземляночного типа (горизонты 4 и 3) свидетельствует об определённой осёдлости населения. Вполне возможно, что это связано с занятием скотоводством.

Таким образом, основу хозяйства всех исследуемых нами горизонтов поселения Тыткескень-2 составляла охота на копытных животных. Объектом охоты являлись представители среднегорья (косуля, кабарга, благородный олень) и высокогорья (сибирский горный козёл, муфлон, горный баран).

Население исследуемого нами памятника смогло достичь высокого уровня адаптации к природным условиям. Размещение поселения на стыке высокогорья и среднегорья позволило создать устойчивый тип хозяйства и обеспечить получение постоянного достаточного продукта.

Литература

1. Абдулганеев М.Т. Работы в горном и лесостепном Алтае // АО 1983 года. – М., 1985. – С.189-190.
2. Барышников Г.Я., Кирюшин Ю.Ф. Геологические и геоморфологические условия формирования археологического памятника Тыткескень в среднем течении Катунь // Археологические исследования на Катунь. Сборник научных трудов. – Новосибирск: Изд-во Наука. Сибирское отделение, 1990. – С.23-30.
3. Барышников Г.Я., Малолетко А.М. Археологические памятники Алтая глазами геологов. – Томск, 1997. – Ч. 1. – 160 с.
4. Виноградов А.В. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья. – М.: Наука, 1981. – С.173.
5. Владимиров В.Н. К вопросу о социально-экономическом развитии южных алтайцев в XVIII-XIX веках // Археология и этнография Алтая. – Барнаул, 1982. – С.170-186.

Таблица 1

Данные по рыболовству у алтайцев в XIX веке (по В.Н. Владимирову)

Дючины	Район кочевания (дан по Л.П. Потапову)	Количество зверей (шт.)		Добыча рыбы (пуд.)	
		от	до	от	до
1.	Правый берег Катуня, преимущественно в районе Маймы	5855	11730	50	100
2.	По р. Урсул и Кеньге	3755	7390	25	50
3.	По р. Чарыш, Кан, Белому и Чёрному Аную	3640	6180	20	40
4.	По р. Кан и Чарыш	7580	14905	100	200
5.	По р. Кан и Кеньге	6730	13345	80	150
6.	По р. Кан, Чарыш и Кеньге	2125	4120	15	30
7.	По р. Катунь (левый берег), Урсул, Кеньге	3690	6175	30	50

Таблица 2

Видовой состав животных (определения Гальченко А.В.)	Горизонты поселения Тыгкескень-2														Итого	
	второй		третий		четвертый		четыре-а		шестой		седьмой		кол-во костей	кол-во особей		
косуля	шт	шт	шт	шт	шт	шт	шт	шт	шт	шт	шт	шт	шт	шт		
сиб. горный козел																
благ. олень																
як-кр. рог. скот																
кр. рог. скот																
лошадь																
кабан-свинья																
овца																
медведь																
Н.к.о. Ближе к мелким копытным																
Н.к.о. Ближе к крупным копытным																
Н.к.о. Ближе к мелким парнокопытным																
Н.к.о. Ближе к косуле																
Итого:	17	5	120	6	597	15	45	1	115	5	187	6	1066	38		

Таблица 4

Видовой состав животных (определенная П.А. Косинцева)	Горизонты поселения Тыткескенъ-2															
	четвертый		шестой		седьмой		Итого:									
	кол-во костей	шт	кол-во особей	шт	кол-во костей	шт	кол-во особей	шт	кол-во костей	шт	кол-во особей					
Косуля	14	4,106	2	50	7	1,049	2	40	9	6,522	2	66,67	30	2,618	6	54,55
Муфлон	2	0,587	1	25					1	0,725	1	33,33	3	0,262	2	18,18
Кабарга	3	0,88	1	25									3	0,262	1	9,09
Косуля-кабарга	57	16,72			56	8,396							113	9,86		
Козел дикий (Capra sp.)					3	0,45	1	20					3	0,262		
Баран-козел дикие	60	17,6			82	12,29			52	37,68			194	16,93		
Млекопитающие среднего размера (копытные из предыдущих групп)	205	60,12			486	72,86			76	55,07			767	66,93		
Благородный олень					14	2,099	2	40					14	1,222	2	18,18
Благородный олень-лось					19	2,849							19	1,658		
Итого:	341	100	4	100	667	100	5	100	138	100	3	100	1146	100	11	100

6. Владимиров В.Н. Хозяйство южных алтайцев в конце XVIII – первой половине XIX в. // Археология и этнография Южной Сибири. Барнаул, 1990. – С.150-160.
7. Гальченко А.В. Фауна Нижнетыткескенской пещеры 1 и охотничье хозяйство древних племён Горного Алтая // Археология Нижнетыткескенской пещеры 1. – Приложение 1. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1995. – С.70-94.
8. Зайберт В.Ф. Атбасарская культура. – Екатеринбург, 1992. – С.221.
9. Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Многослойное поселение Тыткескень-6 на Катунь // Археология Горного Алтая. – Барнаул, 1994. – С.111-124.
10. Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф. Археология Нижнетыткескенской пещеры 1. – Барнаул, 1995. – С.150.
11. Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю., Кадиков Б.Х. Древнейшие могильники северных предгорий Алтая. – Барнаул, 2000. – С.116.
12. Кунгуров А.Л., Кунгурова Н.Ю. Работы Бийского отряда // АО 1984 г. – М., 1986. – С.287-288.
13. Кунгурова Н.Ю. Охота неолитических обитателей Катунь // Известия лаборатории археологии (выпуск №2). – Горно-Алтайск, 1997. – С.3-8.
14. Кучин А.П. Флора и фауна Алтая. – Горно-Алтайск, 2001. – 264 с.
15. Ошибкина С.В. Понятие о неолите // Неолит Северной Евразии. – М., 1996. – С.6-10.
16. Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. – М.;Л., 1953. – 444 с.
17. Собанский Г.Г. Копытные Горного Алтая. – Новосибирск: «Наука», 1982. – 256 с.
18. Шмидт А.В. К проблеме «деградации» призматической техники расщепления в Горном Алтае // Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий (Материалы XLI Региональной археолого-этнографической студенческой конференции. – Барнаул, 25-30 марта 2001 г.). – Барнаул, 2001. – С.194-196.
19. Эверстов С.И. Рыболовство в Сибири. Каменный век. – Новосибирск, 1988. – С.143.

Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 05-01-01390а)

***Посвящается 170-летию со дня рождения
Г.Н. Потанина – выдающегося российского ученого,
путешественника и общественного деятеля***

Кубарев В.Д.
(г.Новосибирск)

ПЕТРОГЛИФЫ АРАЛ-ТОЛГОЯ И ПРОБЛЕМЫ ДАТИРОВАНИЯ ДРЕВНИХ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ АЛТАЯ И МОНГОЛИИ

В течение нескольких полевых сезонов (1998,1999,2001 гг.) у государственной границы Монголии и Китая, на западном побережье оз. Хотон-Нуур, в местности Арал-Толгой (рис.1) проводились исследования на, неизвестном ранее, памятнике наскального искусства Монгольского Алтая (Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Э., 1998; они же, 1999). Он находится в зоне биосферного заповедника и отличается от других петроглифических памятников Монголии, компактным расположением рисунков на скальной гряде, ориентированной длинной осью с востока на запад. Общее число рисунков составляет не более 300 изображений.

В полевом сезоне 2001 года были проверены и скорректированы планы расположения петроглифов, скопированы на полиэтиленовую пленку и миколентную бумагу, ранее пропущенные рисунки. В частности, открыто самое крупное, на данном памятнике, кон-

турное изображение лошади. Уточнены и исправлены, ранее скопированные палимпсестные композиции (они же, 2001). Небольшое сообщение о петроглифах Арал-Толгоя также было опубликовано во Франции (Jacobson E., Kubarev V.D., Tseveendorj D., 1999).

В статье о последних открытиях на Монгольском Алтае, в небольшом разделе, написанном автором, были кратко обозначены проблемы датирования петроглифов Арал-Толгоя (Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., 2000, с.48-50). В другой публикации Кубарева В.Д., рисунки Арал-Толгоя отнесены к древнейшим петроглифам Западной Монголии (неолит – ранняя бронза) (2001, с.64). В связи с находкой на этом же памятнике небольшой группы изображений птиц, опубликована отдельная статья, в которой рассматривался образ птицы в наскальном искусстве Монгольского Алтая (Кубарев В.Д., 2002). Отдельные сюжеты из Арал-Толгоя, связанные с образами саяно-алтайского оленя и кабана, также использовались автором в качестве датирующих аналогий, при написании двух статей (Кубарев В.Д., 2003а; он же, 2003б). Ряд сюжетов и композиций из Арал-Толгоя был опубликован, ещё в одной, недавно вышедшей работе автора. Она включена в сборник статей, посвященный 75-летию А.А. Формозова (Кубарев В.Д., 2004).

Таким образом, петроглифический памятник Арал-Толгой, даже по предварительным сообщениям и отдельным статьям, уже известен исследователям наскального искусства Центральной Азии. Данная статья посвящена краткому обзору и анализу наиболее интересных образов наскального искусства Арал-Толгоя, а также дискуссионным вопросам датирования алтайских петроглифов.

Сюжеты, аналогии и интерпретация. Изображения различных животных выполнены в основном на горизонтальных плоскостях невысокой горной гряды, в архаичной контурной технике, сильно выветрены и покрыты темной патиной. В зверином репертуаре Арал-Толгоя чаще всего воспроизведены крупные и одиночные изображения промысловых животных: оленей, быков, лошадей, козлов, баранов, кабанов, и редкие сцены охоты на них. Очень кратко рассмотрим самые главные персонажи и сюжеты исследованного памятника.

Олени (рис.2 – 1,2). Общее число изображений составляет около 80 экз., то есть почти 1/3 от общего количества рисунков Арал-Толгоя. На этом памятнике олень, несомненно, – главный и значимый персонаж. По массивным, роскошным рогам нетрудно узнать марала (*Cervus elaphus sibiricus*) – обитателя не только лесов, но и открытых пространств. В летний период, спасаясь от гнуса, маралы заходят и в высокогорную зону. В Монголии и на Алтае марала обычно называют *буеу*, то есть буквально *самец*, *бык марала*.

В петроглифах Арал-Толгоя присутствуют также редкие изображения северного оленя (*Rangifer tarandus*), легко узнаваемые по характеру ветвления рогов. Так же малочисленны рисунки северных оленей в комплексе Туру-Алты (Российский Алтай) и в петроглифах Цагаан-Салаа (Монгольский Алтай).

Изображения представлены, в основном, контурными фигурами, или контурными с силуэтным выделением шеи и головы животного. Очень часто контурный абрис фигуры оленя пересекает одна полоса, как бы отделяющая туловище от головы. Она, возможно, не имеет семантической нагрузки, а только намечает границу силуэтной выбивки шеи и головы животного, которая по каким-то причинам не была завершена. Ряд изображений маралов имеет на туловище вертикальные полосы, в двух случаях к ним примыкают или их пересекают горизонтальные полосы, создавая при этом разные геометрические фигуры на корпусе оленя. Несколько рисунков оленей выбиты в силуэтной технике. Наряду с реалистическими фигурами маралов и маралух в Арал-Толгое, встречаются рисунки животных, выполненные в геометрическом стиле. Их немного и они резко выделяются на фоне изображений оленей, выполненных в реалистическом каноне. Возможно, они выполнены в более позднее время, или в эпоху развитой или поздней бронзы.

Как правило, в Арал-Толгое, более крупные рисунки оленей изображены в виде одиночных фигур. Но маралы и маралухи также очень часто присутствуют в отдельных композициях, в сочетании с одновременными изображениями быков, лошадей, козлов, кабанов, и различного вида хищников. Олени также часто встречаются разнополыми парами и в момент совоплощения, что, очевидно, свидетельствует об охотничьем культе плодородия, в основе которого заложены первобытные представления о воспроизводстве и реинкарнации убитых диких животных.

Человек рядом с оленем показан в 5 сценах. Их можно разделить на ритуальные и охотничьи сюжеты. Так на одном из рисунков Арал-Толгоя, реалистично выполненный олень, окружен тремя фигурками людей. Они достаточно примитивны и схематичны, но, по крайней мере, в двух из них (силуэтных) можно различить женщин с большим животом (беременность?) и короткими ногами. Третий антропоморф, выполненный в контурной технике, по-видимому, передает фигуру мужчины? Рассматриваемую сцену, как и другие лаконичные сюжеты (олень + человек), воплощенные еще на двух рисунках Арал-Толгоя, могут быть определены как ритуальные или даже мифологические. Точно такие же сцены, где олень находится рядом с беременной женщиной, известны в опубликованных петроглифах Монгольского Алтая и Калбак-Таша (Кубарев В.Д., 2001а, с.69-70). Этому сюжету, получившему название «роженица и зверь» также посвящена отдельная статья (Кубарев В.Д., 2000б). По-видимому, фигурки беременных женщин из петроглифов Арал-Толгоя, выполнены несколько раньше некоторых калбакташских «рожениц», датированных энеолитом. То же самое можно сказать и об оленях, сопровождающих рисунки беременных женщин из Арал-Толгоя и Калбак-Таша.

Две другие повествовательные сцены из Арал-Толгоя следует отнести к охотничьим сюжетам. Одна, из них, по стилю, содержанию и технике нанесения (гравировка тонкими линиями, протирка), отличается от основной массы петроглифов. В ней воспроизведена коллективная (6 или 7 пеших лучников) охота на двух оленей и козлов. Возможно, это загонная охота: так как в левой части композиции охотники движутся вправо, гоня впереди себя животных, а навстречу им, бегут два лучника, нашедшихся в засаде. Один олень поражен стрелой в шею и финал удачной охоты уже предрешен. Ввиду схематичности изображений, необычной техники нанесения рисунков для этого памятника, определить дату создания сцены охоты, весьма проблематично. Но, тем не менее, – древовидные рога у оленей, колчаны? за спиной лучников позволяют предположить, что рисунки были выполнены в эпоху поздней бронзы.

Вторая сцена охоты включает традиционные и стилистически однородные для Арал-Толгоя персонажи: два оленя, бык, лошадь, козел и небольшая собака. Профильная фигурка охотника, расположенная между двумя оленями, в руках держит лук, выгнутый концами наружу (тетива не обозначена). В груди оленя торчит стрела с оперением, траекторию которой можно вычислить, если мысленно провести прямую линию к середине лука, который находится в руках охотника. Аналогичные фигурки охотников, с луком сходной конструкции известны также в древнейших петроглифах Алтая (рис.2 – 34,35).

Самые прямые параллели могут быть проведены между изображениями оленей Арал-Толгоя и Калбак-Таша (Российский Алтай), что достаточно убедительно, на наш взгляд, продемонстрировано на корреляционной таблице (рис.2 – 1,2,13-16). Как в Арал-Толгое, так и в Калбак-Таше образ оленя главенствует среди других зооморфных персонажей. Если в Арал-Толгое общее число рисунков оленей составляет около 80 фигур, то в Калбак-Таше различные по стилю изображения оленей насчитывают уже более 400 фигур. Первостепенное место по числу изображений олень занимает и в зверином пантеоне комплекса Цагаан-Салаа/Бага-Ойгур (Кубарев В.Д., 2001а, с.66,81).

В Арал-Толгое встречаются также рисунки отдельных рогов оленей или парциальных голов с рогами. Подобный изобразительный сюжет характерен и для петроглифов Калбак-Таша (Kubarev V.D., Jacobson E., Fig.236,282,378,413,599 и т.д.). Вероятно, он широко применялся в петроглифах и росписях Северной Азии. Так в пещере Хойт-Цэнкер-Агуй рога оленей и других животных изображались как отдельный сюжет в контексте основных росписей (Окладников А.П., 1972, табл.1, 2;13). Для сравнения можно привести и сведения о росписях в пещере Иркутской, где также «присутствует фрагмент изображений ветвистых рогов оленей» (Филипов А.Г., 1995, с. 129), что подчеркивает их семантическое сходство с монгольскими, байкальскими и большекадинскими писаницами. По приведенным аналогиям росписи датируются бронзовым, – началом железного века (там же, с.129).

В эпоху ранней бронзы продолжает развиваться реалистическое направление в наскальном искусстве Алтая, зародившееся ещё в неолите. Характерно, что и в этот период сохраняется древняя традиция контурного рисунка, и появляются редкие изображения оленей с древовидными рогами, которые широко распространяются в эпоху развитой и

поздней бронзы на территории Саяно-Алтая и Монголии. Есть такие фигуры оленей и в Арал-Толгое.

Маралы Арал-Толгоя показаны в статичном состоянии, преимущественно с двумя ногами, и в очень редких случаях с четырьмя ногами. Надо отметить ещё одну, исключительно любопытную особенность изображений оленей из Арал-Толгоя, – это наличие *трех конечностей* у отдельных оленей и лосей. Эта характерная деталь не привлекла бы наше внимание, если бы она не повторялась на рисунках маралов и других животных, известных в комплексе Цагаан-Салаа/Бага-Ойгур, у грота Куюс, грота Куйлю, в долине р. Кучерла, и в недавно открытых изображениях оленей у оз. Музды-Булак. Авторы последней публикации, по аналогиям из Калбак-Таша и Джазатора, датируют изображения маралов эпохой палеометалла, а перекрывающие их рисунки «в пределах бронзового века» (Молодин В.И., Черемисин Д.В., 2002, с.62). Такая хронология не противоречит нашему заключению о принадлежности изображений Арал-Толгоя к энеолиту или раннему бронзовому веку. Но нельзя не заметить, что и в росписях пещеры Хойт-Цэнкер-Агуй редкие «палеолитические» изображения животных (верблюды, «слон» и антилопа) также имеют по три ноги (Окладников А.П., 1972, рис.18,20,22). Как объяснить такое, явно не случайное сходство? Неужели подобная изобразительная традиция в изображении ног животных могла продолжаться на Алтае десятки тысяч лет, сохранившись в рисунках маралов, датируемых временем существования афанасьевской культуры? Учитывая то обстоятельство, что «трехногие» фигуры маралов и других животных, выполненные в эпоху энеолита-бронзы, известны на нескольких памятниках наскального искусства Алтая, можно ли и далее считать росписи Хойт-Цэнкер-Агуй палеолитическими? Тем более что и в Арал-Толгое присутствуют многие зооморфные персонажи и изображения птиц, открытые в росписях пещеры Хойт-Цэнкер-Агуй. Так, кроме аналогичных по стилю контурных рисунков птиц (рис.2 – 1-5), в Арал-Толгое найдены идентичные пещерным росписям, изображения антилоп, козлов, архаров с развернутыми анфас рогами и быков с рогами в виде полумесяца. В росписях Хойт-Цэнкер-Агуй также есть рогатая фигура животного, с узкой мордой в виде клюва (там же, табл.7). Этому персонажу можно привести две аналогии из Арал-Толгоя: 1) синкретичное животное с туловищем и хвостом быка, головой лося (змеевидными рогами?), с удлиненной мордой, плавно загнутой книзу; 2) рисунок марала с клювовидной мордой или точнее сказать с коротким хоботом, свисающим вниз. Третья аналогия происходит из Курман-Тау (Российский Алтай) и представляет собой контурную фигуру животного, сочетающего признаки лося (удлиненная клювовидная морда) и лошади, а может быть быка, судя по длинному хвосту (рис.3) (Кубарев В.Д., 2000а, рис.1 – а). Интерпретация подобных синкретических образов достаточно сложна, но надо полагать, что сравниваемые фигуры выполнены в одну эпоху и по семантической трактовке близки друг другу. Известно, что в искусстве окуневской и каракольской культур Саяно-Алтая, в большом числе встречаются рисунки фантастических существ, сочетающих в себе зоологические признаки различных животных. В Арал-Толгое известна и фантастичная по облику лосеподобная фигура животного, выполненная в геометрическом стиле.

В рисунках маралов из Арал-Толгоя наблюдается несомненное стилистическое сходство с фигурами оленей из древнего святилища Калбак-Таш в Российском Алтае. Они, также хорошо коррелируются с рисунками оленей и лосей из многочисленных местонахождений высокогорной Чуйской котловины. В их число следует включить: петроглифы в долинах р. Елангаш, р. Тархаты, у горы Курман-Тау и в урочище Кургак, которые расположены в одном культурно-историческом регионе и датированы эпохой ранней бронзы, т.е., не ранее III-II тыс. до н.э. (Кубарев В.Д., 1997; он же, 2004).

Новые данные, полученные в последние годы, только подтверждают наши датировки. Например, наиболее древними, из числа недавно обнаруженных в Ирбисту наскальных рисунков, необходимо считать реалистичные изображения двух контурных фигур маралух и большой контурной фигуры быка (Кубарев Г.В., 2003, с.384). В тот же год в долине р. Кок-Озёк, на ее правом берегу, на отдельном огромном валуне, обнаружено контурное изображение маралухи, быка и лошадей, выполненных в один прием (там же, с.385). Однако, изображения «реалистических» оленей и лошадей, которые в петроглифах Российского Алтая встречаются в виде одиночных, плохо сохранившихся и эскизных фигур, продолжают датироваться отдельными исследователями палеолитическим временем,

«эпохой камня», или относятся ими к «древнейшим изображениям Алтая» (Молодин В.И., Черемисин Д.В., 1999, рис.21,26,28,39; Миклашевич Е. А., 2000, рис.1; Черемисин Д.В., 2002, с.491, рис.1; Молодин В.И. и др., 2004, с.203). Тогда как выводы автора данной статьи, основанные на анализе стилистических особенностей зооморфных образов и на «расшифровке» ритуально-мифологических сцен, где главным действующим персонажем является олень, игнорируются или отвергаются. Присутствие в контексте монгольских и алтайских композиций одновременных изображений «реалистических» оленей, охотников, вооруженных луком или палицей, а также рисунков быков, лошадей и крупных собак, позволяет датировать многие фигуры оленей ранним бронзовым веком. Особенно убедительна в этом отношении сцена охоты на «реалистических» оленей, открытая недавно в верховьях р. Хар-Салаа (Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Е., 2003, рис.2 – 2).

В ранних одиночных фигурах маралов и маралух из Арал-Толгоя не «читается» мифологический подтекст, явно присутствующий в алтайских рисунках оленя поздней бронзы и раннего железного века. Но вполне реальным представляется проследить другую закономерность: преемственность древней изобразительной традиции в наскальном искусстве последующих поколений. Она заключается в том, что олень в петроглифах Алтая во все времена являлся главным объектом охоты. Как и в древних сценах охоты, так и на одиночных рисунках оленей, а также в сценах эпохи поздней бронзы можно различить вонзившиеся в тело животного дротики и стрелы, хотя изображения охотников нередко отсутствуют в завершенных композициях. В Арал-Толгое такая закономерность прослежена в шести случаях.

Козлы и бараны (рис.2 – 7,8). Их изображения довольно многочисленны (более 60 рисунков). В них нетрудно узнать сибирского горного козла (*Capra sibirica*) и снежного барана (*Ovis ammon*), на которых охотились во все времена, включая и наше время. Козлы, в основном, выполнены выбивкой по контуру и только несколько фигур выбиты в силуэтной технике. Пять фигур имеют на туловище по одной или по две вертикальных полосы. На одной из фигур таких полос четыре. Козлы, преимущественно изображались в виде одиночных фигур, изредка парой, а в отдельных сценах рядом с оленями и быками. В последнем случае они выглядят органично в контексте композиций с другими видами животных и, очевидно, одновременны им. В других случаях рисунок козла перекрывает изображение быка, и, наоборот, на две силуэтные фигуры козлов налегает контурный рисунок лошади. Смысл таких палимпсестных сочетаний не совсем понятен, но то что, это сделано не случайно, а намеренно, сомнений нет.

Если обратиться опять же к аналогиям, то оказывается, что в петроглифах Монгольского Алтая не так много встречается фигур козлов, выполненных в контурной технике. В комплексе Цагаан-Салаа/Бага-Ойгур фигур, аналогичных аралтолгойским известно всего несколько экземпляров (Jacobson E., Kubarev V.D., Tseveendorj D., 2001, Fig.712,1028), но в Калбак-Таше и Караколе изображений козлов в подобном стиле, предостаточно (см. рис.2 – 25-30).

Лошади (рис.2 – 5,6). Общее число изображений составляет около 20 фигур. Уступая в количественном отношении рисункам оленей, козлов и быков, образ лошади по значимости, несомненно, стоял в одном ряду с ними. Рисунки лошадей в нашей коллекции из Арал-Толгоя, в основном, однообразны по стилю, контурной технике исполнения, различаясь только размерами. Тем не менее, и в этой небольшой группе можно выделить реалистические и схематические фигуры. В этом отношении крупные фигуры отличаются большим реализмом, – другие, более мелкие изображения лошадей стилизованы, и их можно спутать с другими животными.

В петроглифах Арал-Толгоя лошади нередко находятся рядом с изображениями оленей, диких быков и козлов, и в одном случае в сцене охоты на них. Судя по экстерьеру, все лошади Арал-Толгоя могут быть определены как изображения диких степных лошадей. Вместе с тем, лошади иногда изображались парами, как и другие животные на этом же памятнике. Большие, и как нам представляется, более архаичные рисунки лошадей, представлены всегда одиночными фигурами. Среди них выделяется самая крупная фигура лошади, достигающая в длину 130 см (см. рис.2 – 5). На груди и шее животного выгравирована еще одна схематичная фигурка лошади, от головы которой через все туловище к крупу идет извилистая линия. Она заканчивается глубокой лункой естественного

происхождения, окруженной мелкими сколами поверхности камня. Лошадь выполнена реалистично и имеет много общих стилистических черт с рисунками лошадей из комплекса в долине реки Цагаан-Салаа (Монголия), из Калгутов и Калбак-Таша (Алтай) (ср. рис.2 – 5,6 и 23,24). Это, в первую очередь, «контурная техника» сравнимых петроглифов, во-вторых, полное соответствие в пропорциях фигур, включая голову с двумя короткими ушами, а также один и тот же технический прием изображения одной, непрерывно выбитой полосой линии брюха и ног животных. Сходство арал-толгойских и калгутинских рисунков лошадей заключается ещё и в том, что отдельные фигуры, не имеют хвостов. Отсутствуют хвосты и на энеолитических рисунках диких лошадей, рисунки которых найдены в Калбак-Таше (Kubarev V.D., Jacobson E., 1994, Fig.296). Пока неизвестно, какую цель преследовал древний художник, изображая лошадей без хвостов, но выявленная закономерность имеет явно неслучайный характер. Однако нельзя не заметить, что на лошадях Арал-Толгоя, уже присутствуют дополнительные элементы и рисунки, выбитые на туловищах животных. В основном это волнистые или прямые линии, нанесенные вдоль или поперек туловища лошадей, которые также отмечены, например, на корпусах отдельных лошадей из комплекса Цагаан-Салаа/Бага-Ойгур (Jacobson E., et al., 2001, Fig.314,315). Другие схематичные или геометризированные изображения лошадей из Арал-Толгоя, наверное, также датируются архаической порой, особенно те, которые выполнены в контурной технике.

Надо упомянуть еще о трех рисунках лошадей, которые найдены на скальных выходах Арал-Толгоя. Это две силуэтные и миниатюрные фигурки, очевидно, выполненные в эпоху поздней бронзы, и единственная фигура лошади с всадником древнетюркского времени.

Итак, стилистический анализ изображений лошадей и прямые аналогии рисункам еще одного персонажа из Арал-Толгоя, свидетельствуют о том, что основная часть петроглифов комплекса датируется энеолитическим временем или даже эпохой ранней бронзы.

Лоси. Всего в петроглифах Арал-Толгоя известно 7 фигур. В эту небольшую группу, наверное, следовало бы включить изображение еще одного животного, напоминающего мордой и рогами, лося. Но короткое туловище и длинный хвост явно не лосиные, поэтому рисунок отнесен нами к синкретичному животному. Фигуры лосей и лосих выполнены как в контурной, так и в силуэтной технике выбивки. Одна фигура лося, сопровождаемая теленком? выполнена в декоративном стиле. Туловище животного расчерчено вертикальными и косыми линиями, образующими геометрические фигуры. Голова животного с длинной горбатой мордой, полностью забито частыми точками, – рога в виде овального кольца с 6 отростками. Подобное декоративное оформление туловища типично и для других видов животных из Арал-Толгоя, а в целом и для многих зооморфных изображений Саяно-Алтая эпохи бронзы.

В двух реалистичных рисунках лосей (*Alces alces*) акцент древнего художника сделан на рогах животного, которые изображены анфас. Возможно, об этом свидетельствует и такая деталь на этом же рисунке, как изображение двух передних ног у обоих животных, в отличие от одной (задней). Создается впечатление, что передняя часть туловища лосей развернута на зрителя, а задняя часть дана в профиль.

Обращает внимание парность фигур в двух сюжетах. В одном случае это рогатые самцы, расположенные один над другим, – в другом, очевидно, лосихи, идущие друг за другом.

В двух лаконичных сценах охоты: 1) человек (сохранилась только верхняя часть фигуры) колет острым предметом в ногу лося; 2) человек держит в одной руке предмет, по форме напоминающий дубинку или палицу, – верхний конец которой, направлен к морде животного.

Ближайшими аналогиями, в территориальном отношении и, что более важно, синхронными, в плане определения хронологии изображений лосей из Арал-Толгоя, являются контурные и силуэтные рисунки лосей, известные в комплексе Цагаан-Салаа/Бага-Ойгур (Jacobson E., Kubarev V.D., Tseveendorj Д., 2001, Fig.130,177,313,903 и т.д.), Калбак-Таше (Kubarev V.D., Jacobson E., 1996, Fig.206,219,222,350,556 и т.д.), в Кургаке (Кубарев В.Д., 2001б, табл.1 – 1) и в Курман-Тау. В последнем пункте, расположенном у подножия горы Курман-Тау, на отдельном скальном выступе в 2003 г. обнаружена контурная

фигура лося или лосихи, выполненная краской светло-красного цвета (рис.4). Ее длина составляет 28 см, и она головой ориентирована влево. Здесь же различимы следы (полосы, пятна и т.п.) от других, возможно, более крупных крашенных фигур. Надо полагать, что краска, в настоящий момент плохо различимая, была намного ярче. Сохранность крашенных рисунков на этой скале объясняется тем, что на нее не попадает солнечный свет и она, в значительной мере, защищена от осадков. Находку рисунка выполненного краской, на местонахождении петроглифов Курман-Тау, следует считать уникальной для Восточного Алтая (Кубарев Г.В., 2003, рис.4; Kubarev G., Rozwadowski A., Kubarev V., 2004, Fig.4). На этой же плоскости имеются близкие по стилю «лосеподобные» животные (см. рис.3), ранее опубликованные В.Д. Кубаревым (2000а, рис.1 – а). В отличие от крашенного рисунка, они выбиты по контуру и значительно больше по размерам. Тем не менее, можно предположить их хронологическую и культурную близость, а также то, что и они были раскрашены в древности.

В Центральной Азии, наиболее близкой аналогией крашенным рисункам из Курман-Тау являются росписи в пещере Хойт-Цэнкер-Агуй (Монгольский Алтай), которые, как известно, были отнесены А.П. Окладниковым к эпохе палеолита (1972, с.54). Необходимо сказать, что рисунков лосей среди найденных там персонажей не найдено, но в росписях одиннадцатой группы один зооморфный персонаж напоминает своими пропорциями и незавершенностью рисунка (Там же, 1972, табл.7) изображение лосеподобного животного из Курман-Тау. Другое сходство заключается в том, что для изображения различных животных в пещере и на скале у Курман-Тау был применен один и тот же изобразительный прием: обведение контуров фигур краской. В контурной технике выбиты рисунки лосей на плитах Каракола (Кубарев В.Д., 1988, табл.1 – 1,3) и в петроглифах Калбак-Таша (Kubarev V.D., Jacobson E., 1996, Fig.222). Как предполагается выбитые по контуру фигуры алтайских лосей и оленей также раскрашивались красной охрой. В Калбак-Таше, у основания скалы с петроглифами, при раскопках был найден «чашечный» камень со следами краски красного цвета.

На наш взгляд, определенное сходство «лосеподобная» крашенная фигура из Курман-Тау обнаруживает с подобными изображениями на ярминских петроглифах (Окладников А.П., 1980, рис.8,10,11) и в росписях шишкинской писаницы (Окладников А.П., 1959, рис.12,13). А.П. Окладников очень удачно подметил наиболее характерную особенность таких изображений: «Это – животное с телом лося. Во всех рисунках полностью отсутствует такой характерный признак лося-самца, как мощные развилыстые рога. Изображены только короткие рожки-спицы. Речь идет явно не о самце-лосе. Не исключено, что на ярминских рисунках показаны самки-лосихи» (Окладников А.П., 1980, с.115). Судя по приведенным аналогиям, крашенное изображение лосихи? из Курман-Тау следует предварительно отнести к эпохе энеолита – ранней бронзы, хотя не исключена и более ранняя их датировка по изображениям лосей из Каракола (Кубарев В.Д., 1988, с.94-95).

В соседней с Алтаем Туве, рисунки, выполненные краской, были известны на Верхнем Енисее, у Джойского порога и в Сосновке Джойской. Персонажи: лось, бык, лошадь; сюжеты: лодка с людьми, а также около 30 окуневских масок. Животные выполнены в контурной и силуэтной технике. Я.А. Шер датирует указанные памятники энеолитом (1980, с.133). В Туве также исследованы и опубликованы крашенные рисунки из урочища Ямалык, находящимся в районе, близком к котловине Великих озер Монголии. Репертуар росписей: быки, лошади, олени, лоси и бараны. Имеются и различные знаки, в том числе косые кресты. Исследователи сравнивают некоторые фигуры животных с изображениями в пещере Хойт-Цэнкер-Агуй, однако, датируя тувинские росписи энеолитом или ранней бронзой, вплоть до скифской эпохи (Килуновская М. Е., 1990, с.198-205).

Образ лося, обитателя тайги, у древнего населения алтайских гор по популярности значительно уступал оленю, быку и лошади, что можно объяснить малочисленностью популяции этого крупного животного на территории Монгольского Алтая, как в глубокой древности, так и в настоящее время. И если в Калбак-Таше натурой мог послужить реальный лось, заходивший в горы, возможно, из таежных областей Северного Алтая, то об обитании лосей в высокогорных долинах Алтая нет никаких сведений. Однако отдельные особи могли заходить из Тувы (где также известны изображения сохатых, – см. Потапов А.П., 1957, с.430) в Чуйскую степь по долине реки Чуи, в пойме которой, еще в прошлом веке рос густой лиственный лес. Другой путь миграции лосей и оленей в

Чуйскую степь мог пролегать из таежной долины р. Башкаус (то есть с севера на юг), и далее в Монголию и Китай, через легко преодолеваемые перевалы Сайлюгемского хребта. Впрочем, какая-то небольшая популяция лосей могла обитать и в лиственных парках, расположенных на южных берегах озер Хотон-Нуур и Хурган-Нуур. Они сохранились до наших дней и надо думать, фауна древней поры была несравненно богаче. Поэтому становится понятным присутствие изображений лосей и сцен охоты на них, в высокогорных петроглифах Арал-Толгоя.

В этот ряд, традиционных для петроглифов Монгольского Алтая, образов диких зверей, следует включить и несколько рисунков птиц, обнаруженных на уплощенной вершине гряды Арал-Толгой.

Птицы (рис.5 – 1-7). Несколько необычные изображения птиц, найденные в Арал-Толгое, придают своеобразие открытому комплексу петроглифов. Семь рисунков птиц выполнены в контурной технике и показаны в профиль. Рисунки птиц – обычный, хотя и редкий сюжет в наскальных изображениях алтайских гор. Птицы из Арал-Толгоя находят стилистические параллели, например, в росписях пещеры Хойт-Цэнкер-Агуй. Но их связь не так очевидна, как представляется на первый взгляд. При формальном сходстве все же заметны и различия: так стилизованные изображения птиц Арал-Толгоя выглядят менее реалистично, чем рисунки птиц из Хойт-Цэнкер-Агуй (ср. рис.5 – 1-5 и 8,9). К тому же, фигура одной из аралтолгойских птиц, декорирована рядами полос и выбитых точек, что придает ей экзотический и нереальный вид (см. рис.5 – 5). При этом на распушенный длинный хвост птицы, налегает изображение дикой лошади с массивной головой. Контурная фигура другой птицы из петроглифов Арал-Толгоя также оригинальна и не имеет ничего общего с рисунками птиц из Хойт-Цэнкер-Агуй. У нее крупная округлая голова, две коротких ноги, – туловище, разделенное вертикальной полосой, в грудной части она имеет изображение яйца или сердца (рис.5 – 6). Подобная детализация, на наш взгляд, нехарактерна для самых древнейших изображений птиц Центральной Азии, хотя мои коллеги Э. Якобсон и Д. Цэвээндорж видят в них изображения страусов и на этом основании датируют рисунки птиц из Арал-Толгоя эпохой палеолита-мезолита. Но такое определение весьма субъективно и спорно. В настоящее время, пока трудно сказать какие из сравниваемых птиц наиболее древние. Если следовать гипотезе стадийного развития образов наскального искусства Монголии: от реалистических изображений к схематичным, то явное предпочтение должно быть отдано рисункам из пещеры Хойт-Цэнкер, которые, выглядят более «натуральными» по отношению к рисункам птиц из Арал-Толгоя. Последние находят аналогии также в более поздних изобразительных памятниках Монголии. Это рисунки птиц в контурной технике, на каменном ограждении плиточной могилы из местности Дэлийн уул (рис.5 – 10), и на оленем камне (рис.5 – 11) из местности Омгийн Холийн оворот (Волков В.В., 2002, табл.125; 109). Очень похожие на аралтолгойские рисунки птиц, изображения пернатых известны в петроглифах долины Хар-Салаа (рис.5 – 12,13), материалы, которого до сих пор не опубликованы в полном объеме. Определенная культурно-историческая, (возможно, и семантическая) связь прослеживается и с близкими по стилю изображениями птиц в каракольско-окуневском искусстве (рис.5 – 14-15), и в изобразительном творчестве культур самусьской общности Западной Сибири (рис.5 – 16). Во-первых, – это одинаковая трактовка тел птиц из Арал-Толгоя в виде яйцевидного овала, а также присутствие рядом с ними или даже внутри абрисов фигур, специально выбитых углублений, округлой или овальной формы, – символов яйца? Два округлых пятна, соединенные перемычкой (также ассоциируемые с птичьими яйцами), выбиты и внутри круглого тела хищной птицы с гипертрофированным клювом (рис.5 – 7). Во-вторых, наличие орнамента на одной из птиц Арал-Толгоя (см. рис.5 – 5). Подобная детализация, как известно, была продиктована древнейшим соляным культом и космогоническими представлениями о мировом яйце (Иванов В.В., Топоров В.Н., 1992, с.349; Косарев М.Ф., 1981, с.254; Есин Ю.Н. 2001, с.52-53). Она типична, например, для изображений птиц на самусьской керамической посуде (см. рис.5 – 16), время бытования которой определяется серединой II тыс. до н.э. (Косарев М.Ф., 1981, с.86, рис.80, 6, 10). Приблизительно этим же временем датирован и рисунок птицы с яйцевидным телом из Цагаан-Салаа (рис.5 – 17), в Монгольском Алтае (Jacobson E., Kubarev V.D., Tseveendorj D., 2001, Fig.358).

По приведенным аналогиям, рисунки птиц из петроглифов Арал-Толгоя, как, впрочем, и другие изображения животных из этого же местонахождения, логично датировать эпохой бронзы. На вопрос, – какой вид пернатых отображают рисунки птиц Арал-Толгоя и Хойт-Цэнкер-Агуй, пока нет однозначного ответа. Одни исследователи полагают, что они напоминают страусов, другие видят в них журавлей, дрофу или лебедей, и даже гусей. Но и сегодня можно наблюдать на озере Хотон-Нуур огромные стаи водоплавающих птиц, а у подножия Арал-Толгоя журавлей, гуляющих среди пасущихся домашних лошадей. Надо полагать, подобную картину можно было наблюдать и несколько тысячелетий назад.

Изображения птиц в петроглифах Арал-Толгоя сконцентрированы на самой высшей точке горной гряды (на небольшом участке скальных выходов, общей площадью не более 20 кв. м.), протянувшейся с востока на запад. С неё открывается, великолепная по красоте, панорама на окружающий горно-озерный ландшафт. Топография древнего «святилища» и природный контекст, возможно, ассоциировались палеоохотниками, с универсальной моделью мира, центральным элементом которого служит мировая гора. Горную гряду с севера и юга омывают многочисленные протоки двух небольших рек, впадающих на востоке в огромное озеро Хотон-Нуур, водная гладь которого теряется за горизонтом. Рельеф возвышенности представляет собой уплощенную «пирамиду», с постепенным подъемом с восточной и западной сторон, по ступенчатым выходам скал, на вершину горы. А крутые и голые скалы с южной стороны, и покрытый лесом северный склон, – дают основание предположить сходство скального массива Арал-Толгой с легендарной мировой горой Сумеру. В буддийской мифологии она «иногда имеет форму четырехсторонней пирамиды из 3,4,7 ступеней, симметричным слоям неба» (Неклюдов С.Ю., 1992, с.172). Вполне логичным представляется и расположение рисунков птиц на самой вершине горной гряды Арал-Толгоя, ассоциируемой с мировой горой. Как известно у многих народов в космогонических мифах о сотворении мира часто фигурирует образ птицы, ныряющей вглубь мировых вод за землей и сооружающей первоизданный холм. Сюжетная схема действия «строится в соответствии с принципом: ныряет в море одна птица и остается там, на один день. Потом ныряют две птицы и остаются там два дня... Наконец, ныряют семь птиц и остаются там семь дней, в результате чего был сотворён мир» (Топоров В.Н., 1992, с.9). Следует заметить, что в полном соответствии с содержанием мифа находится и общее число изображений птиц в Арал-Толгое.

Хронология. Компактное скопление рисунков на Арал-Толгое, судя по сравнительно-типологическому анализу изображений, имеет достаточно короткий хронологический диапазон. Его следует датировать в пределах финального неолита или ранней бронзы, и только отдельные рисунки – поздней бронзой и ранним железным веком, – потому, что для более ранних дат (мезолит, палеолит) пока нет серьезных и убедительных данных. Однако, отдельные петроглифы уникального памятника, своей изобразительной манерой и сходством некоторых персонажей, как уже упоминалось, находят параллели в росписях пещеры Хойт-Цэнкер-Агуй, датированных А.П. Окладниковым верхним палеолитом (1972, с.47). Но сравнение рисунков Арал-Толгоя, выполненных выбивкой «на открытом воздухе» и росписей, нанесенных краской в пещере Хойт-Цэнкер не совсем корректно, и показывает, что это соотношение не так очевидно, как представляется на первый взгляд. Наверное, следует и в очередной раз усомниться в датировке росписей пещеры Хойт-Цэнкер в связи с появлением новых материалов. В целом петроглифы Арал-Толгоя, своей изобразительной манерой, техникой исполнения и упомянутыми персонажами обнаруживают явные культурные связи не только с некоторыми пунктами наскального искусства Монгольского Алтая (Цагаан-Салаа, Бага-Ойгур, Хар-Салаа и др.), но находят аналогии и на западе от Монголии, – в петроглифах Российского Алтая. Рисунки Арал-Толгоя особенно хорошо соотносятся с изобразительными материалами Калбак-Таша, Каракола, Куюса и Куйлю (Кучерла I). Промежуточными звеньями этой культурной цепочки, наверное, логично назвать петроглифы в долинах рек Джазатора, Елангаша, Кок-Озёка и пунктов Курман-Тау и Кургака в Чуйской степи, а также наскальные рисунки плато Укок.

В полевой сезон 2002 года, сотрудниками Российско-Монгольско-Американской экспедиции было обследовано местонахождение Калгуты на плато Укок (Кубарев Г.В. и др., 2002, с.361; Jacobson E., Kubarev G.V., 2003, p.12-16), рисунки которого были опублико-

ваны В.И. Молодиным и Д.В. Черемисиным (1999). Малочисленность петроглифов (около двух десятков отдельных и фрагментарных рисунков), их плохая сохранность и стилистические особенности, – по-прежнему вызывают сомнения, в их палеолитической принадлежности. По нашему мнению калгутинские изображения оленя, маралух? и быков относятся к самой ранней бронзе, а отдельные рисунки козлов даже ко времени ранних кочевников (см. Кубарев В.Д., 1997; он же, 2004).

Петроглифы Арал-Толгоя также вызвали интерес у российских археологов. О них, к примеру, упоминают в своей монографии В.И. Молодин и Д.В. Черемисин (1999, с.147). Они уверены в том, что «нанесение рисунков на горизонтальные плоскости, их сильная патинизация, наконец, сами изображения, среди которых присутствуют страусы и лошади, свидетельствуют об открытии еще одного памятника, ранний пласт которого, возможно, относится к концу плейстоцена» (там же, с.148). Американская исследовательница Э. Якобсон и в данном случае солидарна с мнением указанных ученых, выделяя палеолитический пласт рисунков в Арал-Толгое, полагая, например, что изображение одного из кабанов может рассматриваться и как рисунок носорога (см. Jacobson E., et al., 1999, p.11-15).

В одной из первых статей, посвященных петроглифам Арал-Толгоя, мы предварительно датировали памятник, в пределах неолита – ранней бронзы (Кубарев В.Д., Цэвэндорж Д., 2000, с.50-51, рис.4). В настоящий момент убеждение автора, в предполагаемой ранее хронологии памятника, подкреплено новыми данными и нашими наблюдениями, которые даже позволяют сократить период функционирования древнего святилища Арал-Толгой. Возможно, основная часть петроглифов создана в финальном неолите или в начальной стадии ранней бронзы. Потому, что для более ранних дат (мезолит, палеолит) опять же нет серьезных и аргументированных данных. Даже в случаях палимпсестного исполнения рисунков Арал-Толгоя, между ранее выполненными и перекрывающими их петроглифами нет большого хронологического разрыва. Опираясь на синхронные петроглифы Калбак-Таша, Джазатора и Музды-Булака (Российский Алтай), где фигуры оленей, выполненные в одном иконографическом каноне, налегают друг на друга, – это делалось намеренно и, вероятно, было продиктовано нормами, непонятного нам ритуального действия, воплощенного в рисунках на скалах.

Идентификация петроглифов Арал-Толгоя с конкретными археологическими культурами представляется преждевременной, в отличие, например, от памятника Калбак-Таш, где кроме раннего неолитического пласта рисунков выделены художественные пласты каракольской и афанасьевской культур Алтая (Кубарев В.Д., 1992). В петроглифах Арал-Толгоя преобладают изображения диких промысловых животных, и доминирует охотничья тематика. Здесь нет рисунков одомашненных животных, сцен кочевания на быках, вооруженных пастухов и т.п., то есть нет изображений, свидетельствующих о скотоводческом характере хозяйства. Следует предположить, что аралтолгойское святилище функционировало недолго, и было создано накануне афанасьевской экспансии на Алтай. Подтверждает наш вывод малочисленность рисунков развитой и поздней бронзы, расположенных к тому же на периферии основного скопления петроглифов. К ним необходимо отнести: несколько быков в каракольско-окуневском стиле; единственную одноосную колесницу, сцену охоты на оленей, изображения оленей, выполненных в монголо-забайкальском стиле; а также всего один рисунок лучника в серповидном головном уборе.

Приведенная выше датировка петроглифов Арал-Толгоя отражает мнение автора, монгольский профессор Д. Цэвэндорж придерживается, на сей счет, иной точки зрения, считая, что рассматриваемые рисунки созданы в эпоху верхнего палеолита. Американская исследовательница – профессор Э. Якобсон отдельные рисунки датирует поздним палеолитом (см. Jacobson E., et al., 1999, p.11-15), другие петроглифы этого же памятника, неолитом и эпохой бронзы (Франкфор А.-П., Якобсон Э., 2004, рис.1,3,12,18).

Итак, высказано несколько точек зрения о хронологии этого редкого для Монголии памятника древнего искусства. И в этом нет ничего необычного, так как дискуссии всегда побуждают к дальнейшему научному поиску доказательств, позволяющих более основательно аргументировать высказанные предположения. Несмотря на результаты нашего, несколько противоречивого анализа хронологии памятника, и совершенно разных подходов в интерпретации новых произведений наскального искусства, мы считаем, что глав-

ная цель нами достигнута. Она заключалась в том, чтобы в сжатые сроки полевых исследований, осуществляемых в условиях алтайского высокогорья, получить наиболее полную информацию об уникальном памятнике. В настоящее время скопированные петроглифы полностью обработаны и в ближайшее время будут изданы отдельной монографией на трех языках: монгольском, русском и английском. Полная публикация материалов Арал-Толгоя будет осуществлена Институтом археологии Монгольской Академии наук, при финансовой поддержке университета штата Орегон (США).

Культурно-историческая значимость Арал-Толгоя как ценного источника по палеоискусству Монгольского Алтая не вызывает сомнения. Перед нами еще один памятник древней культуры, чудом уцелевший в алтайских горах.

Литература

1. Волков В.В. Оленные камни Монголии. – М., 2002. – 248 с.
2. Есин Ю.Н. Семантика декора на сосудах самуськой культуры // Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 2001. – № 7. – С.39-54.
3. Иванов В.В., Топоров В.Н. Птицы // Мифы народов мира. – М., 1992. – Т. 2. – С.346-349.
4. Килуновская М.Е. Наскальные святилища Южной Тувы // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. – М., 1990. – С198-205.
5. Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. – М., 1981. – 279 с.
6. Кубарев В.Д. Археологические памятники Кош-Агачского района (Горный Алтай) // Археологический поиск (Северная Азия). – Новосибирск, 1980. – С.69-91.
7. Кубарев В.Д. Древние росписи Каракола. – Новосибирск, 1988. – 173 с.
8. Кубарев В.Д. Каракольские сюжеты в новых петроглифах Алтая // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. – Горно-Алтайск, 1992. – С.47-48.
9. Кубарев В.Д. О петроглифах Калгуты // Наскальное искусство Азии. – Кемерово, 1997. – Вып. 2. – С.88-97.
10. Кубарев В.Д. Петроглифы Курман-Тау // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 2000а. – №5. – С.15-21.
11. Кубарев В.Д. Мифологический сюжет: «женщина и зверь» и его эволюция в петроглифах Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2000б. – С.312-317.
12. Кубарев В.Д. Анализ петроглифов и комментарии // *Mongolie du Nord-Ouest: Tsagaan Salaa/Baga Oigor. Repertoire des Petroglyphes d'Asie centrale* (ed. J.A. Sher and H.-P. Francfort). – T.V.6 – Paris, 2001а. – P.60-83.
13. Кубарев В.Д. Петроглифы Кургака // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2001б. – С.332-335.
14. Кубарев В.Д. Образ птицы в петроглифах Алтая // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. – Барнаул: АГУ, 2002. – С.77-81.
15. Кубарев В.Д. Образ оленя в петроглифах Алтая // Степи Евразии в древности и средневековье. – Санкт-Петербург, 2003а. – Кн. II. – Ч. 3. – С.70-76.
16. Кубарев В.Д. Образ кабана в петроглифах Алтая // Археология Южной Сибири. Сб. науч. тр., посвящ. 70-летию со дня рожд. А.И. Мартынова. – Новосибирск, 2003б. – С.72-77.
17. Кубарев В.Д. Древнейшие изобразительные памятники Монголии и Алтая: проблемы хронологии и интерпретации // Проблемы первобытной археологии Евразии (к 75-летию А.А.Формозова). – М., 2004. – С.228-242.
18. Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д. Terra incognita в центре Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2000. – №1. – С.48-56.
19. Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Э. Предварительные результаты полевых работ в Монголии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 1998. – С.258-265.
20. Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Э. Петроглифы Арал-Толгоя // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 1999. – С.407-410.

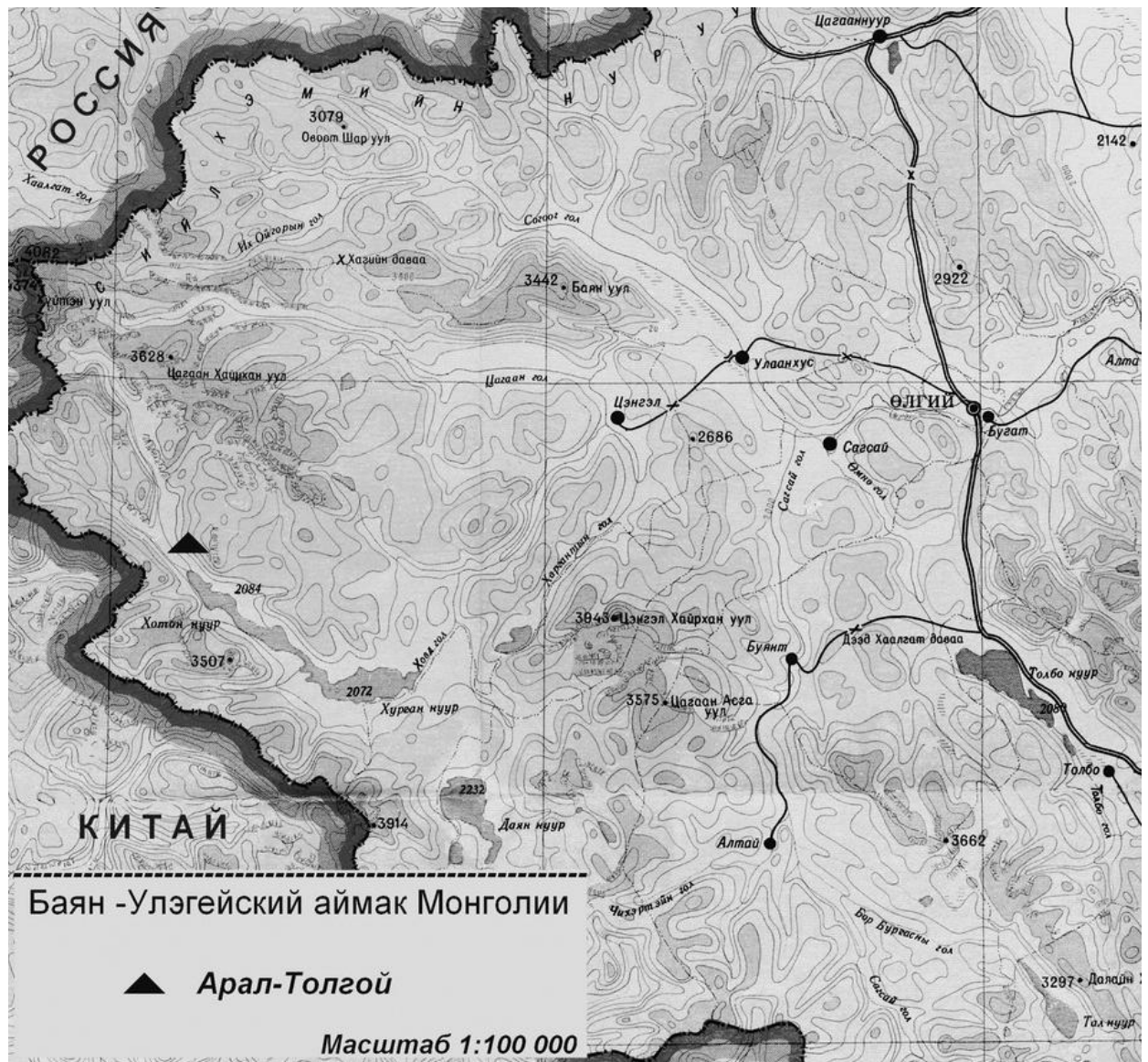

Рис.1

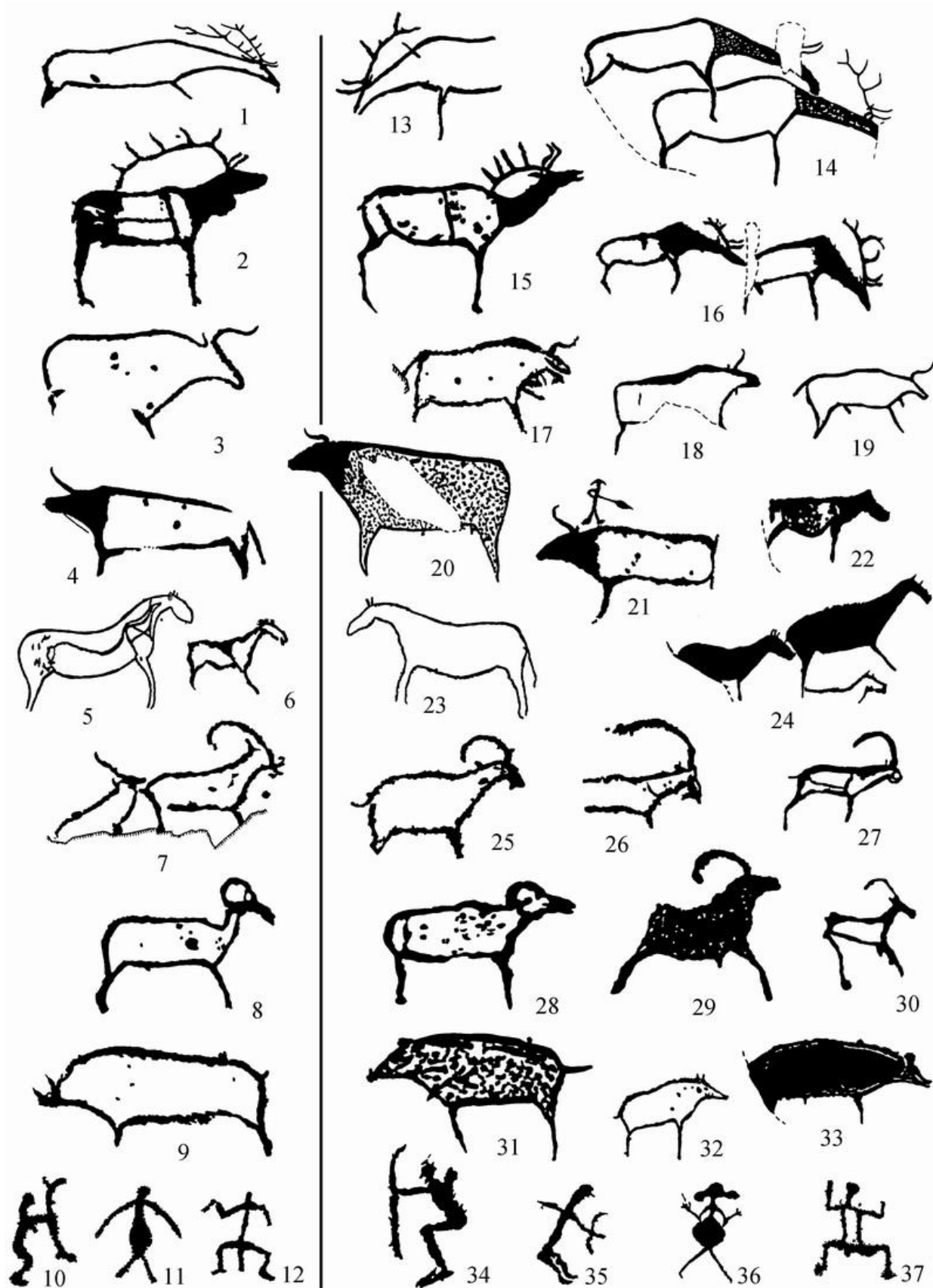

Рис.2

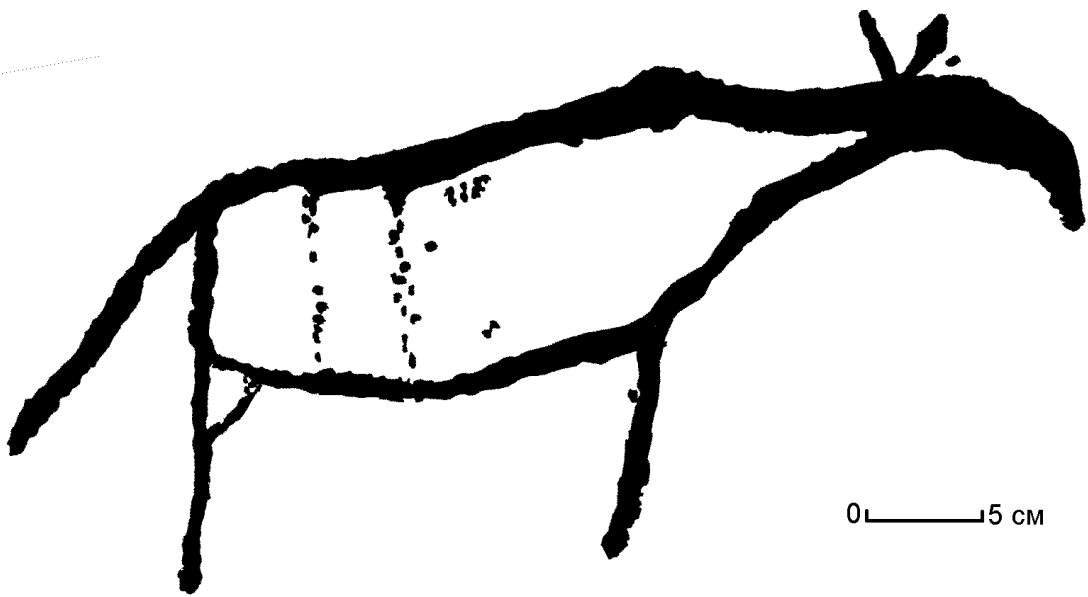

Рис.3

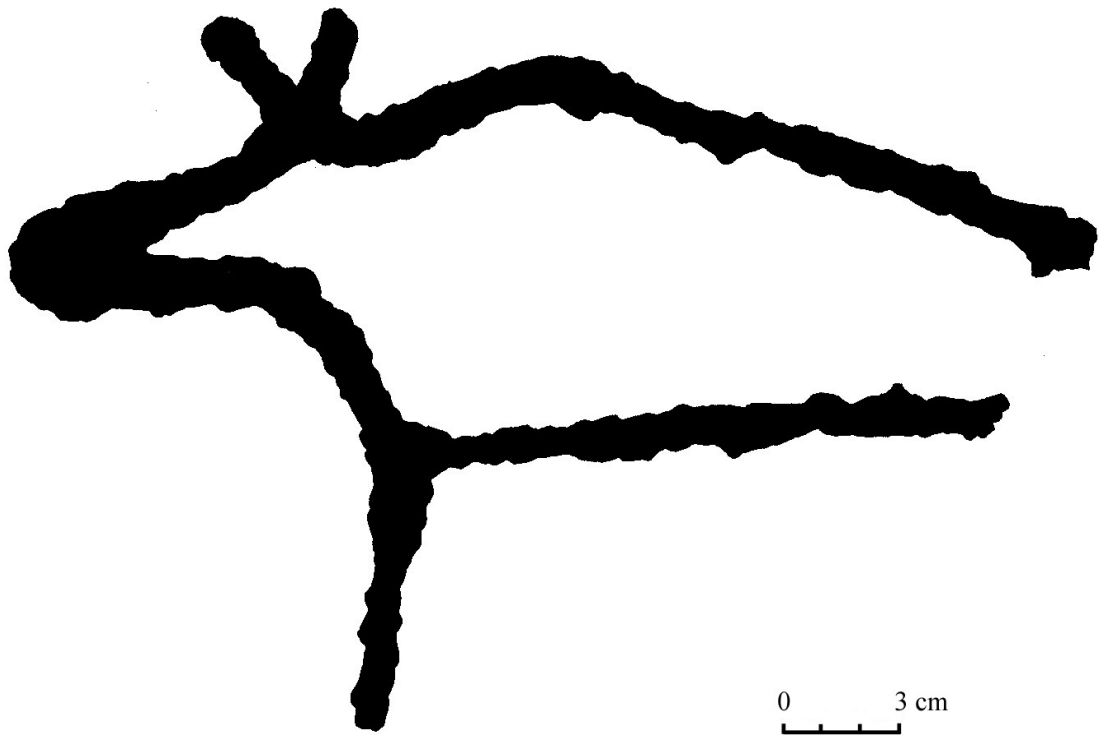

Рис.4

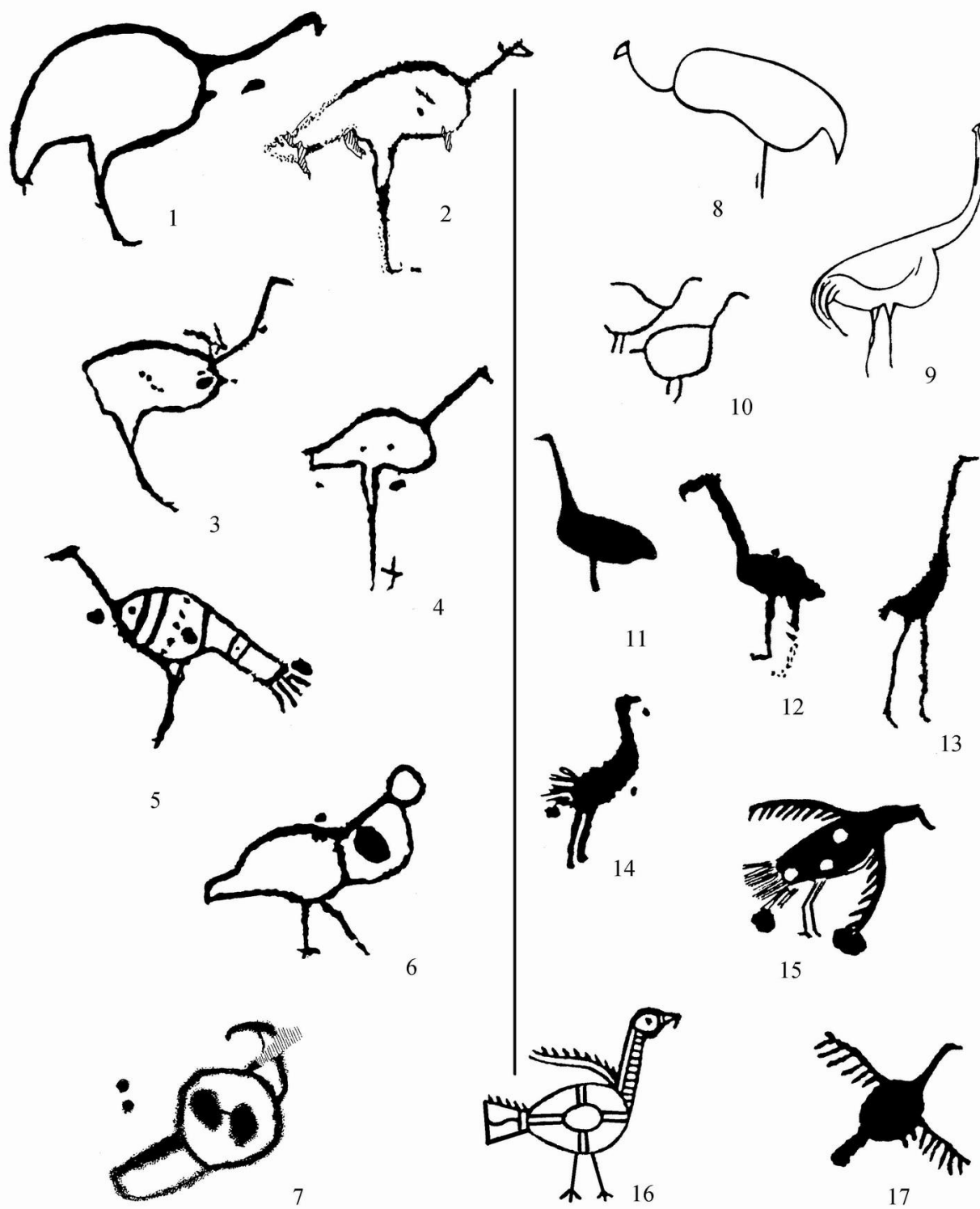

Рис.5

21. Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Э. Изучение петроглифов Монгольского Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2001. – С.336-340.
22. Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Э. Продолжение исследований петроглифов в долине р. Хар-Салаа (Монгольский Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2003. – Т.IX. – С.381-383.
23. Кубарев Г.В. Исследования в Чуйской степи (Юго-восточный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2003. – Т.IX. – С.384-388.
24. Кубарев Г.В., Якобсон Э., Цэвээндорж Д., Кубарев В.Д. Петроглифы Ирбисту // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2002 – Т.VIII. – С.361-365.
25. Миклашевич Е.А. Петроглифы долины реки Урсул (некоторые результаты стилистического и хронологического анализов) // Обзорение 1994–1996 гг. – Новосибирск, 2000. – С.38-42.
26. Молодин В.И. Наскальные изображения афанасьевской культуры // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири, – Новосибирск, 1996б. – С.178-181.
27. Молодин В.И., Черемисин Д.В. Древнейшие наскальные изображения плоскогорья Укок. – Новосибирск, 1999. – 160 с.
28. Молодин В.И., Черемисин Д.В. Палимпсест на валуне с озера Музды-Булак (плато Укок) // Первобытная археология: человек и искусство. – Новосибирск, 2002. – С.57-62.
29. Молодин В.И., Полосьмак Н.В., Новиков А.В., Богданов Е.С., Слюсаренко И.Ю., Черемисин Д.В. Археологические памятники плоскогорья Укок (Горный Алтай). – Новосибирск, 2004. – 255 с.
30. Неклюдов С.Ю. Монгольских народов мифология // Мифы народов мира. – М., 1992. – Т.2. – С.170-174.
31. Окладников А.П. Шишкинские писаницы – памятник древней культуры Прибайкалья. – Иркутск, 1959. – 212 с.
32. Окладников А.П. Центральноазиатский очаг первобытного искусства (пещерные росписи Хойт-Цэнкер Агуй (Сэнгри-агуй), Западная Монголия). – Новосибирск, 1972. – 76 с.
33. Окладников А.П. Звери и знаки ярминского порога // Звери в камне (Первобытное искусство). – Новосибирск, 1980. – С.96-116.
34. Окладников А.П., Окладникова Е.А., Запорожская В.Д., Скорынина Э.А. Петроглифы долины реки Елангаш. – Новосибирск, 1979. – 136 с.
35. Окладников А.П., Окладникова Е.А., Запорожская В.Д., Скорынина Э.А. Петроглифы Горного Алтая. – Новосибирск, 1980. – 140 с.
36. Потапов А.П. К истории фауны Центральной Азии (о наскальных изображениях животных в горах Танну-Ола и Монгун-Тайги) // Сб. МАЭ. – Л., 1957. – Т. XVIII. – С.429-431.
37. Топоров В.Н. Космогонические мифы // Мифы народов мира. – М., 1992. – Т.2. – С.6-9.
38. Филипов А.Г. Наскальные рисунки и керамика пещеры Иркутской // Культуры и памятники бронзового и железного веков Забайкалья и Монголии. – Улан-Удэ, 1995. – С.123-129.
39. Франкфор А.-П., Якобсон Э. Подходы к изучению петроглифов Северной, Центральной и Средней Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск, 2004. – № 2. – С.53-78.
40. Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М., 1980. – 328с.
41. Jacobson E., Kubarev V.D., Tseveendorj D. A new petroglyphis in the Altay mountains, Bayan Olgij aimag, Mongolia // International newsletter on rock art (I. N. O. R. A.). – Paris, 1999. – No.24. – P.11-15.
42. Jacobson E., Kubarev V.D., Tseveendorj D. Mongolie du Nord-Ouest: Tsagaan Salaa/Baga Oigor. Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale (ed. J.A. Sher and H.-P. Francfort). – T.V.6 – Paris, 2001. – 132 p., 346 taf, 399 photogrs.

43. Jacobson E., Kubarev G.V Rock art complex on the Irbystu river, Altai Republic // International newsletter on rock art (I. N. O. R. A.). – Paris, 2003. – No.36. – P.12-16.
44. Kubarev V.D., Jacobson E. Sibérie du sud 3: Kalbak-Tash I (République de L'Altai). Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale. – T.V.3. – Paris, 1996. – 45 p., 15 Pl., 662 fig.
45. Kubarev G., Rozwadowski A., Kubarev V. Recent rock art research in the Altai mountains (Russia) // International newsletter on rock art (I. N. O. R. A.). – Paris, 2004. – No.39. – P.6-12.

Список иллюстраций к статье Кубарева В.Д.

- Рис.1. Карта Баян-Улэгейского аймака Монголии.
- Рис.2. Наскальные изображения Арал-Толгоя и аналогии: 1-12 – Арал-Толгой; 13-18,20,22,24-28,31-34,37 – Калбак-Таш; 23 – Калгуты; 19 – Джазатер; 21,35 – Цагаан-Салаа; 29,30 – Каракол; 36 – Бага-Ойгур.
- Рис.3. Синкретичное «лосеподобное» животное из петроглифов горы Курман-Тай. Чуйская степь. Российский Алтай.
- Рис.4. Крашеное изображение лосихи? Гора Курман-Тай. Чуйская степь. Российский Алтай.
- Рис.5. Наскальные изображения птиц Арал-Толгоя и аналогии: 1-7 – Арал-Толгой; 8,9 – пещера Хойт-Цэнкер-Агуй (Монголия); 10,11 – оленные камни Монголии; 12,13 – Хар-Салаа (Монгольский Алтай); 14 – Калбак-Таш (Российский Алтай); 15 – Каракол (Российский Алтай); 16 – Самусь (Нижнее Притомье); 17 – Цагаан-Салаа (Монгольский Алтай).

Суразаков А.С.

(г.Горно-Алтайск)

ФИЛОСОФИЯ ПАЗЫРЫКЦЕВ: ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ПЕРВООСНОВЕ МИРА

Едва ли найдется в истории человеческой такое общество, которое не ставило бы перед собой этот вечный вопрос – откуда пошел окружающий мир? Да, вопрос этот ставился во все времена и ответы на него давались самые разнообразные. Любой исследователь может ознакомиться с ними, изучив соответствующие письменные источники или фольклор. Как быть с теми древними социумами, которые не оставили нам ни того, ни другого? После них остался археологический материал. Любой склонный к обобщениям археолог охарактеризует его следующим образом – это материальные остатки жизнедеятельности прошлых обществ.

Что есть материальные остатки как таковые? А вот тут – с какой стороны на них посмотреть. С точки зрения утилитарно-функционального назначения – это скребла, ножи, топоры и прочая хозяйственно-бытовая утварь, а также постройки той или иной утилитарной направленности, с точки зрения философской – это материализованные остатки прошлых идей, т.е. идеи топора, украшения, лука со стрелами. Иными словами, за археологическими материалами стоят метафизические идеи, воплощенные некогда в физические формы, т.е. в предметы и строительные объекты.

Уровни этих идей различны и простираются от узкоспециализированной хозяйственно-бытовой конкретики до понятий, содержащих в себе глобальные мировоззренческие представления (Мартынов А.И., Герман П.В., 2001, с. 92-97; Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003, с. 108-127, 232-284). Уловить утилитарную идею орудия, украшения или сооружения, как правило, не так уж и трудно, понять смысл отраженных в них мировоззренческих обобщений куда сложнее. Как бы там ни было, работа в этом направлении имеет очень большое значение, так как дает возможность реконструировать древний

менталитет, от характера которого в свою очередь зависел характер всей жизнедеятельности наших отдаленных во времени пращуров.

Ну а теперь о главной цели предлагаемой публикации. Давайте попытаемся реконструировать базовое понятие философии пазырыкцев, т.е. их представление о первооснове мира. В общем, здесь делается попытка уловить специфику понимания населением Алтая скифского времени той исходной первосубстанции, из которой возникает тварный или структурно организованный мир.

Помочь нам в этом деле, естественно, может изобразительное искусство, в котором отразились идеи пазырыкцев об особенностях организации мироздания. Анализ его в означенном направлении можно проводить с двух противоположных позиций, т.е. идти индуктивным и дедуктивным путем. Индуктивный путь, предполагающий движение мысли от частного к общему, применяется коллегами постоянно и несет в области семантики конкретных древних образов вполне определенные результаты. Теперь попробуем подойти к проблеме как бы с обратной стороны, т.е. применим для ее разрешения дедукцию или движение исследовательской мысли от общего к частному, опираясь, конечно же, на прошлые индуктивные разработки.

Под общим мы условимся понимать ту идею о первосубстанции, которая издревле была наиболее характерной для большинства евразийских народов, а под частным – специфичные формы ее выражения в изоискусстве. Так вот, судя по дошедшим до нас фольклорным источникам, наиболее характерным пониманием древними евразийцами первосубстанции было представление о ней как о «космических водах», наполняющих «мировой океан». Древнейшая информация на этот предмет содержится в шумеро-аккадской и вавилонской мифологиях. Мировой океан в них (Абзу, Апсу) воспринимался воплощением первозданной стихии и первопричиной жизни (Мифы народов мира, 1987, с. 22). Во многих других евразийских мифологических системах космические воды также выступают той изначальной фундаментальной стихией, из которой появляется и в недрах которой функционирует все мироздание (там же, с. 240).

Реминисценции этих древнейших представлений сохранились и на Алтае, месте обитания пазырыкцев. В частности, в фольклоре алтайцев нередки упоминания моря и океана, для которых в языке разработаны специальные термины, а водная стихия оценивается как исходное состояние всего сущего (Алтайский пантеон..., 2004, с. 15). Здесь же фигурируют и мифические обитатели вод (Казагачева З.С., 2002, с. 249), т.е. Талайхан (букв. Морской хан), типологически близкий главным духам водных стихий других мифологий (Варуна, Посейдон и т.д.), Кер-Балык (букв. Гнедая Рыба), сын Талай-хана.

Кстати, последний персонаж, в связи с выбранной для обсуждения темой, представляет для нас особый интерес. В алтайской мифологии, наряду с другими хтоническими существами, он сочетается с таким образом, как Кер-Дьютпа (Гнедое Глотало), представлявшимся в облике огромного змея (Суразаков С.С., 1985, с. 40). Кроме всего прочего, эти существа выступали в роли поглотителей живого, а их нутро олицетворяло темный мир, куда попадали проглоченные люди и звери (там же, с. 40).

Образы эти типологически перекликаются с мифологическими персонажами монгольских народов, к примеру, с гигантской рыбой Аврага Дзагасан и гигантским змеем Аврага Могой. Среда обитания последнего, кстати, мыслится не только под землей, но и на дне моря (Мифы народов мира, 1987, с. 28-29), т.е. там же, где находится змей глубин Ахи Будхнья ведийской мифологии, в своих истоках идентичный Вритре, лежащему на дне (там же, с. 137).

Если рассматривать мифологию как метафизическую философию древних (Суразаков А.С., 2004, с. 170-173), то за всеми мифологическими образами следует искать те философские идеи, которые и воплотились в их специфичных формах. Что касается вышперечисленных персонажей, то через них можно реконструировать не только представления древних о мироздании в форме образной картины мира, но и такие мировоззренческие идеи, как борьба хаоса и гармонии (миропорядка), жизни и ее антипода. Для нас в данном случае важна философская идея борьбы света и тьмы, переданная в виде поглощения хтоническими чудовищами светила. В грузинском фольклоре, например, в этой роли выступает драконоподобный Вешапи, а проглоченный им также герой Амирани делает в его чреве разрез, через который может освободиться и проглоченное чудовищем солнце (Мифы народов мира, 1987, с.68-69). В целом, мотив этот восходит к весьма

архаическому периоду. Здесь стоит вспомнить древнеегипетскую мифологию, в которой огромный змей Апоп, олицетворявший мрак, регулярно вступал в борьбу с Ра, олицетворявшим солнечный свет (там же, с. 96).

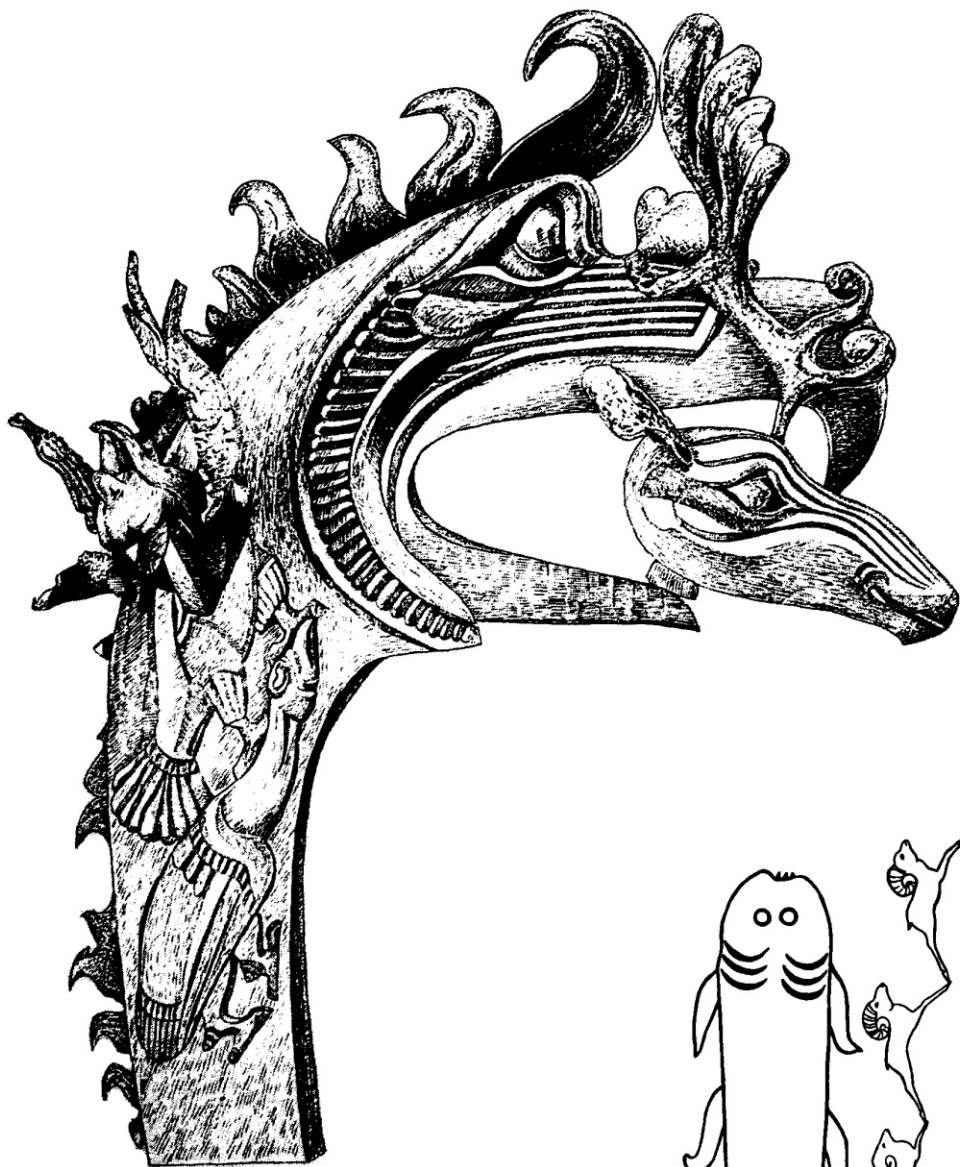
В ней же содержится еще один любопытный для нашей темы момент. Священным животным другой ипостаси древнеегипетского бога солнца – Амона являлся баран, да и сам он хоть и представлялся в антропоморфном виде, но иногда с головой этого животного (там же, с. 70). Вероятно, баран вообще мыслился как его животное воплощение. В принципе же, это характернейшая черта всех евразийских мифологических систем – представлять божества, в том числе и солярное, кроме антропоморфного облика, еще и во множественности животных воплощений.

Ну а теперь о мифологии пазырыкцев. В их изобразительном искусстве, если подойти к нему как к источнику информации о древних мировоззренческих представлениях, вполне отчетливо прослеживаются образы обоих хтонических персонажей, связанных с изначальным мировым океаном, т.е. мифической рыбы и дракона (змея). Рыба присутствует в татуировке на теле вождя из второго Пазырыкского кургана (Руденко С.И., 1953, рис. 80). Общее содержание всей этой композиции было определено автором еще в 80-е годы прошлого века как космогоническая модель (Суразаков А.С., 1986, с. 18), а сюжет с рыбой (рис. 1 – 2) как маркирующий собой космический низ.

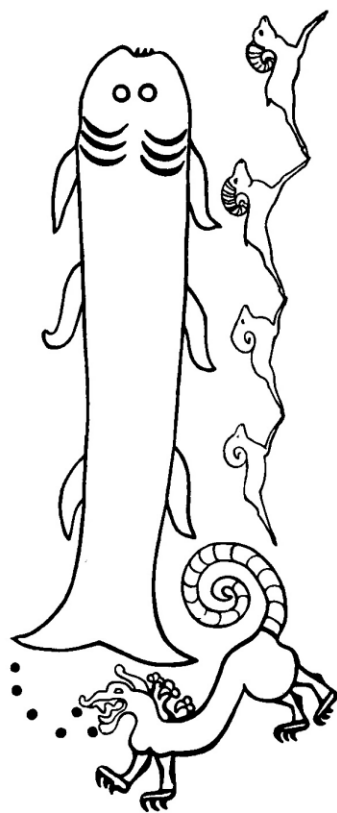
Та же ситуация вырисовывается и в декоре конской сбруи, где образы мифических рыб воспроизводились на седельных подвесках, также связывавшихся в представлениях пазырыкцев с космическим низом (Суразаков А.С., 1988, с. 18-19). Кроме определенного спектра мифологических функций, существо это выполняло и ту из них, которая увязывалась со сменой дня и ночи. Мыслилось это в виде проглатывания космической рыбой светила в том или ином его животном воплощении. Допустим, на седельных подвесках из первого Пазырыкского кургана показана рыба, проглатывающая одно из солярных воплощений – барана (рис. 2 – 1), а на туловище рыб-подвесок из кургана № 1 могильника Ак-Алаха I (можно «прочитать» как внутри их утробы) изображена та разновидность грифонов (рис. 2 – 2), которые воспринимались пазырыкцами как кони-орлы, влекущие светило по небосклону (Суразаков А.С., 1986, с. 10-11; 1988, с. 14).

Теперь несколько слов о драконе. Образы змей вообще в петроглифах Алтая не редкость. Что касается пазырыкцев, то они во многих случаях наносили их изображения черной краской на кувшины, которые ставились затем в погребения. Наиболее показательной в данном случае является композиция из кургана № 24 могильника Сары-Кобы (рис. 3). В центре ее показан глава «змеиного царства» (Суразаков А.С., 1986, с. 16-17). Он превосходит всех своих собратьев по размерам, у него проработана голова с глазом и имеется еще два ответвления-шеи, вероятно, символизовавшие его многоглавость. Вполне возможно, что змеиный мир выступал как одно из препятствий на пути в мир предков и напиток в кувшинах предназначался для задабривания его хозяина. Каких то указаний в изобразительном искусстве на связь его с мифом о солнечном круговороте пока не обнаружено.

В то же время роль солярного поглотителя вполне явственно прослеживается у другого мифологического персонажа. Существо это в виде рогатого хищника показано на упоминавшейся татуировке вождя рядом с мифической рыбой (рис. 1 – 2), т.е. также, как и она обозначает собой космический низ. Изображался этот персонаж и на седельных подвесках, и на развилках уздечных ремней, причем иногда вкупе с той орнаментальной линией, которая интерпретируется исследователями как образ водной стихии (рис. 2 – 3). Иконографические детали в изображениях интересующего нас существа варьируют вплоть до воспроизведения его в облике огромной хищной птицы (рис. 1 – 1). Однако во всех этих образах прослеживается одна идея рогатого хищника, терзающего или проглатывающего солнце в воплощениях травоядного, в частности, барана, оленя и т.д. (Суразаков А.С., 1988, с. 49-52). Причем на навершии из второго Пазырыкского кургана показаны все основные эпизоды солнечного мифа, в которых хищник проглатывает солнце в образе оленя, а внизу оно, освободившись из его чрева, воплощается в гуся-лебедя для того, чтобы оплыть землю по мировому океану к точке своего восхода (рис. 1 – 1). Кстати, информация о связи лебедя со светилом в евразийских мифологических системах присутствует (Павлов Е.В., 2002, с. 59-65).

1

2

Рис.1

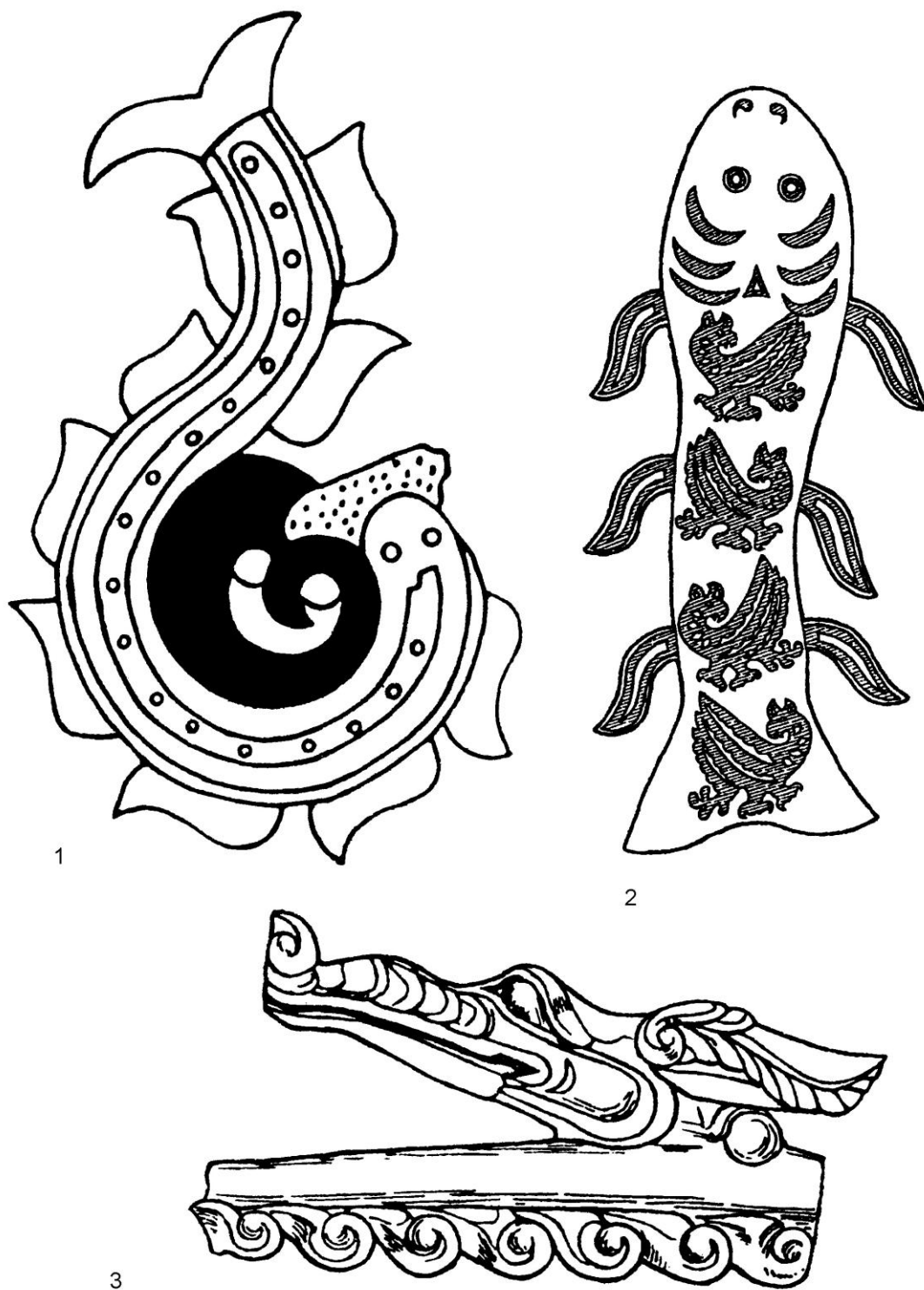

Рис.2

Рис.3

Ну а теперь подведем краткий итог своим рассуждениям. Одной из общевразийских философских универсалий древности выступало представление о субстанциональной первооснове вселенной как о космических водах, т.е. мировом океане, из которого происходит мир структурно организованный. Анализ пазырыкского искусства на этот предмет свидетельствует о том, что и в их философии имело место быть это универсальное евразийское представление об изначальной водной первосубстанции, отразившееся в ряде специфичных мифологических образов, через которые мы и в состоянии теперь это представление уловить.

Литература

1. Алтайский пантеон: боги, духи, культы (автор-составитель Гребенникова Н.С.). – Горно-Алтайск, 2004. – 89 с.
2. Казагачева З. Алтайские героические сказания «Очи-Бала», «Кан-Алтын». Аспекты текстологии и перевода. – Горно-Алтайск, 2002. – 348 с.
3. Мартынов А.И., Герман П.В. Сакральная архитектура кургана (проектное моделирование в древности) // Историко-культурное наследие Северной Азии. – Барнаул, 2001. – С. 92-97.
4. Мифы народов мира. Энциклопедия. – М., 1987. – Т. 1. – 671 с.
5. Павлов Е.В. Семантика хоринского этногонического мифа // Мир Центральной Азии. Культурология. Философия. Источниковедение. Материалы международной научной конференции. – Улан-Удэ, 2002. – Т. III. – С. 59-65.
6. Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.-Л., 1953. – 402 с.
7. Суразаков С.С. Алтайский героический эпос. – М., 1985. – 255 с.
8. Суразаков А.С. К вопросу о семантике некоторых образов пазырыкского искусства // Материалы по археологии Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1986. – С. 3-34.
9. Суразаков А.С. Небесные кони пазырыкских вождей // Археология Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1988. – С. 3-31.
10. Суразаков А.С. Об одном мифологическом персонаже пазырыкского искусства // Известия СО АН СССР. Серия истории, филологии и философии. – Новосибирск, 1988. – Вып. 1. – № 3. – С. 49-52.
11. Суразаков А.С. Философия Горного Алтая (к постановке проблемы) // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 2003. – № 10. – С. 158-161.
12. Суразаков А.С. Метафизическая философия древних // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 2004. – № 12. – С. 170-173.
13. Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. – Барнаул, 2003. – 429 с.

Список иллюстраций к статье Суразакова А.С.

Рис.1. 1 – навершие из второго Пазырыкского кургана; 2 – фрагмент татуировки вождя из второго Пазырыкского кургана.

Рис.2. 1 – седельная подвеска из первого Пазырыкского кургана; 2 – седельная подвеска из кург. № 1 мог. Ак-Алаха I; 3 – деревянная развилка от уздечного ремня из пятого Пазырыкского кургана.

Рис.3. Кувшин из кург. № 24 мог. Сары-Кобы.

Матрёнин С.С.
(г. Барнаул)

СПОСОБЫ ЗАХОРОНЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ГОРНОГО АЛТАЯ ВО II В. ДО Н.Э. – V В. Н.Э.

Важным культурно-хронологическим признаком погребального обряда всех народов выступает способ захоронения. Данное понятие включает в себя совокупность описаний, характеризующих вид погребения человека, положение тела покойного, его различных

частей относительно друг друга, дна и стенок камеры, сторон горизонта, оформление сопроводительных захоронений животных, ритуальной пищи.

Основным видом похоронной практики населения Горного Алтая хунно-сяньбийского времени (II в. до н.э. – V в. н.э.) была ингумация. Достоверно известен пока только один случай погребения по типу кремации на стороне, зафиксированный при раскопках кургана №43 могильника Кок-Паш (Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, с. 180, рис. 28). Кальцинированные кости были помещены в неполный каменный ящик такого же размера как при трупоположении, сооруженный в простой могиле, ориентированной длинной осью по линии ССЗ–ЮЮВ. Немногочисленность обнаруженного в этом уникальном для Горного Алтая памятнике инвентаря, представленного неорнаментированным сосудом баночной формы, позволяет предварительно датировать его 2-й четв. I тыс. н.э. Два близких по хронологии и похожих устройству комплекса с сожжениями изучены на некрополе Кокэль. Они содержали останки покойных в могилах, в одной из которых находился деревянный ящик, в другой – каменная конструкция (Дьяконова В.П., 1970, с. 115, рис. 43; Николаев Н.Н., 2001, с. 10-11). Появление кремации в Горном Алтае остается пока невыясненным в виду редкости таких свидетельств во II в. до н.э. – V в. н.э., за исключением Хакасско-Минусинской котловины, в других областях Центральной Азии. Обозначенное погребение из Кок-Паша не связано с традициями носителей кулайской, таштыкской культур, а также енисейских кыргызов эпохи чаа-тас (VI – IX вв.).

Для анализа ингумации привлекались данные 635 (100%) погребальных объектов (в 613 имелись следы захоронения) из 39 могильников¹. В хронологическом отношении они представляли все этапы развития булан-кобинской культуры: усть-эдиганский (II в. до н.э. – I в. н.э.), бело-бомский (II – 1-я пол. IV вв. н.э.), верх-уймонский (2-я пол. IV – 1-я пол. V вв. н.э.) (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2005). При рассмотрении отдельных показателей исходная выборка несколько варьировала в сторону уменьшения в зависимости от представительности признаков, четкости их фиксации, а также конкретных исследовательских задач. Господствующей традицией горно-алтайских кочевников хунно-сяньбийского времени являлось совершение одиночного трупоположения (559 случаев – 88,3%). Парные и коллективные могилы (в одной камере находится более двух человек) отмечены 22 (3,8%) и восемь (1,5%) раз соответственно и отмечены на развитом и позднем этапах развития изучаемой общности. При этом возведение курганов для нескольких человек было обусловлено определенными социальными причинами и не несло на себе этнокультурной нагрузки.

Важной чертой обрядности булан-кобинского населения служило сооружение кенотафов. Под ними понимаются памятники, выполненные, с соблюдением основных канонов погребального ритуала, но не содержавшие останков умерших людей (Тишкин А.А., Грушин С.П., 1997) и предполагавшие символическое захоронение. Указанный обычай достоверно известен на территории Горного Алтая с раннескифского времени, а также в более поздние периоды у племен пазырыкской и тюркской культур (Кубарев В.Д., 1985; Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003, с. 266). Практика устройства кенотафов, археологически засвидетельствованная с энеолита, вызвана совокупностью причин, среди которых на первом месте во все эпохи находились крупные вооруженные столкновения, внешняя военная экспансия, массовое, вынужденное, переселение на новые территории, несчастные случаи (Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003, с. 269). Они предназначались чаще всего для души пропавшего без вести, погибшего на чужбине или утонувшего человека или являлись своеобразными «мемориалами» в память людей, похороненных далеко от своих родственников. Общее число кенотафов булан-кобинской культуры насчитывает 77 сооружения и составляет 12,1% от общего объема (635 – 100%) учтенного нами материала. По своему оформлению они могут быть разделены на следующие типы.

Первый тип – «классические» кенотафы, производившиеся в курганах с камерой размерами, необходимыми для помещения тела одного покойного и отличающиеся от обычных погребений только отсутствием костяка человека с сопроводительным инвентарем или без такового. Он является самым распространенным и на него приходится 45 (7%) объектов, что соответствует 58,4% всех кенотафов.

¹ Автор выражает признательность всем исследователям, предоставившим возможность изучить неопубликованные материалы раскопок некоторых погребальных комплексов, частично используемые в настоящей работе.

Второй тип – «миниатюрные» кенотафы. Их главным признаком выступает сооружение камеры в виде ямы или ящика, не предназначенной по своим пропорциям для размещения в ней взрослого человека. По размерам наземной конструкции такие объекты соответствовали стандартам обычных захоронений, либо уступали последним. К данному типу можно отнести восемь (1,2%) курганов (10,3% кенотафов).

Третий тип – условно обозначены как «поминальные». Характеризуются устройством насыпей по конструкции и планиграфии не отличающихся от других курганов, но не содержащих ямы и погребальной камеры, почти всегда без вещей. Подобные постройки отмечены 24 (3,7%) раза (31,1% кенотафов) и рассматриваются некоторыми специалистами (Соёнов В.И., 2003а, с. 55) в качестве разновидности ритуально-поминальных памятников II в. до н.э. – V в. н.э.

Возведение кенотафов отмечено у кочевников Горного Алтая в течение всего хунно-сяньбийского времени и имеет примерно одинаковую частоту встречаемости на всех этапах булан-кобинской культуры: 17 (21,5%) случаев во II в. до н.э. – I в. н.э., 43 (9,6%) во II – 1-й пол. IV вв. н.э., 13 (17,5%) во 2-й пол. IV–1-й пол. V вв. н.э. На основе обнаруженного в кенотафах вещевого комплекса (преимущественно это различные категории вооружения), можно утверждать, что их устраивали обычно в честь мужчин-воинов. Только в одном таком памятнике II – 1-й пол. IV вв. н.э., находились украшения, указывающие на его принадлежность лицу женского пола. Выявленное для достаточно большой группы кенотафов отсутствие сопроводительного инвентаря свидетельствует, что эта форма ритуала практиковалась независимо от социального и этнического происхождения покойных.

Обязательным элементом обряда трупоположения является ориентация умерших людей является Данный показатель в археологии принято определять из учета размещения всего скелета, отдельно регистрируя с помощью компаса или буссоли магнитное направление черепа. Приданию телу покойного в могиле того или иного вектора в положении древние люди уделяли особое значение, в связи с представлением о том, что усопшему необходимо указать путь в потусторонний мир, местонахождение которого, как правило, было строго определено. Многочисленные археологические и этнографические данные свидетельствуют, что ориентация погребенных могла быть связана с рекой, горой, другими географическими объектами, с локализацией поселений, легендарной прародиной народа, соотноситься с движением небесных светил, задаваться особенностями планировки конкретного погребального комплекса и т.д. (Дьяконова В.П., 1975, с. 40-45, 49, 67; Овчинникова Б.Б., 1983, с. 62-63; Кулемзин В.М., 1994, с. 413-419; Шилов Ю.А., 1995, с. 71-72; Тишкин А.А., 2000, с. 210-215; Марсадоллов Л.С., 2001, с. 13-22). Поскольку в горно-алтайских некрополях хунно-сяньбийского времени встречаются захоронения с разнообразными отклонениями ориентации, первоочередной задачей изучения обозначенного аспекта обрядности было восстановление системы опорных привязок, которой пользовались во время похорон носители булан-кобинской культуры. Основой для подобного рода исследования явилась информация о 573 захоронениях, содержащих останки 541 человека. В 90% объектов необходимые данные были отражены точно. Для остальных случаев (кенотафы, потревоженные захоронения) удалось установить лишь предполагаемое направление ориентации людей по сохранившимся *in situ* костям скелета, порядку нахождения в могиле инвентаря, наличию сопроводительного захоронения лошади.

Анализ имевшихся материалов осуществлялся посредством метода определения древних традиций ориентировок погребенных по сторонам горизонта, разработанного В.В. и В.Ф. Генингами (1985, с. 136-152). Предлагаемый подход исходит из того, что положение точек восхода и захода солнца варьируется от времени года и географической широты места наблюдения. Его применение позволяет выделить из всего многообразия фиксируемых магнитных ориентировок одну или несколько традиций, а также установить способ, который использовался в определении сторон горизонта по солнцу (восход или заход), выяснив при этом вероятное время процедуры захоронения, либо доказать, что ориентация не связана с солнцем. В разное время этот метод дал определенные результаты при изучении курганов бийкенской (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с. 49-52), пазырыкской (Тишкин А.А., Дашковский П.К., 1998, с. 78), каменской (Шмидт В.К., 2004, с. 224-226) культур Алтая скифской эпохи, раннесредневековых комплексов сrostкинской культуры юга Западной Сибири (Кондрашов А.В., 2004, с. 15).

Вариабельность параметров потребовала рассмотреть весь массив представленных в нашем распоряжении данных на нескольких уровнях: 1) исследование материалов трех могильников с разными традициями ориентации погребенных людей, 2) соотнесение этих показателей по отдельным группам памятников, 3) характеристика всех учтенных в работе объектов хунно-сяньбийского времени. Такая последовательность анализа позволила выявить общие закономерности и отразить специфику обрядности отдельных некрополей (Матренин С.С., 2003, с. 234-236). Анализ всех материалов с учетом выявленных ранее тенденций позволил сделать следующие выводы. 1. Ориентация умерших людей в погребениях булан-кобинской культуры основывалась на определении сторон горизонта по солнцу. Во всяком случае, не удалось выявить ее прямой зависимости от каких-либо иных объектов. 2. Основная масса захоронений связана с традициями западной и восточной ориентировки. 3. Преобладающими из отклонений для западного направления являются СЗ и ЗСЗ, что отражает совершение похорон в зимне-весенний период, подтверждая тем самым определение стороны горизонта по точке восхода солнца. В рамках реализации погребения головой «на восток» использовались оба способа: на одних памятниках – заход (зиме-весне соответствуют СВ, ВСВ), на других – восход (захоронения в зимне-весенний период связаны с ЮВ, ВЮВ) солнца. Вопрос о причинах, обусловивших данные различия (являются ли они хронологическими, этническими, мировоззренческими), потребует специальной проработки. В этом отношении особенно перспективным должно стать изучение могильника Яломан-II, на котором выявлены объекты с обоими показателями (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2003, с. 489-491). 4. Доминирование сезонных отклонений, соответствующих зиме-весне вызвано тем, что рассматриваемые некрополи II в. до н.э. – V в. н.э. были приурочены в основном к районам зимних стойбищ. При объяснении наблюдающейся диспропорции умерших людей по сезонам следует помнить, что момент захоронения и смерти человека не обязательно совпадали. Среди погребенных в зимне-весенний интервал наибольший процент случаев укладывается в две фазы: конец осени – начало зимы, конец зимы – начало весны. Подобная цикличность была продиктована общими особенностями функционирования кочевого скотоводства (Руденко С.И., 1960, с. 329; Гребнев И.Е., Васильев С.К., 1994, с. 107; Полосьмак Н.В., 2001, с. 253; и др.), а также – практическими соображениями (в промерзшем каменистом грунте было очень сложно соорудить могилу). 5. В условиях Горного Алтая определение сторон горизонта по солнцу существенно варьировало от особенностей рельефа местности, поэтому различия в ориентации (Кок-Паш – Юг (Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2003), Айрыдаш-I, Карбан-I – ССЗ (Контев А.В., 1991; Соёнов В.И., 2003), Белый-Бом-II – ЮЮВ (Глоба Г.Д., 1983; Мамадаков Ю.Т., 1987)) не всегда определяются причинами этнокультурного и хронологического порядка. Для каждого отдельно взятого памятника характерна своя система опорных привязок, связанная в основном с солнцем (она же задавала специфику планировки курганов)². 6. В процессе похорон большое внимание придавалось общей позе человека в могиле, особенно такому критерию как направление лица (ног?) усопшего. На это указывает ситуация, когда умерших укладывали головой на запад или восток, руководствуясь в первом случае восходом, во втором – заходом. 7. Ориентация людей по сторонам горизонта в некоторых ситуациях может использоваться как показатель для восстановления последовательности совершения захоронений, а также других элементов похоронной обрядности. Опираясь на факты нахождения под курганом внутри кольцевой выкладки или рядом с ней нескольких погребений с разными сезонными отклонениями, были получены дополнительные доказательства существования иногда продолжительного отрезка времени между устройством могилы и возведением насыпи.

Западная и восточная традиции ориентации сосуществовали в Горном Алтае в течение всей хунно-сяньбийской эпохи. Они были равноценны в количественном отношении и могли часто встречаться на одних могильниках. Однако западное направление было характерно преимущественно (70%) для кочевников Северного Алтая (80% раскопанных в этом районе захоронений), начиная уже с хуннского времени, тогда как для «булан-кобинцев», проживавших во II в. до н.э. – I в. н.э. в Центральном Алтае оно большая редкость (зафиксировано одно погребение) и получает там более широкое распространение во II – V вв. н.э. Западная ориентация выглядит также довольно многочисленной у номадов

² Принимая во внимание стабильность и даже однообразие отклонений на ряде памятников, очевидно, допустить, что оставившее их население дополнительно учитывало какие-то другие «реперы».

Южного и Юго-Восточного Алтая. Важно отметить, что позиция «головой на запад» характерна для четверти погребений усть-эдиганского этапа, а с учетом только материалов Северного Алтая значение данного признака составляет 47%. Показательно, что на указанной территории во 2-й пол. I тыс. до н.э. западная ориентация не превышала 16% случаев и демонстрировала элементы инокультурного влияния, базирующиеся на традициях населения раннескифского периода (Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003, с. 139). Большинство пазырыкских погребений с этим показателем сосредоточено в Юго-Восточном и Северном Алтае. Направление покойных головой в западный сектор являлась особенностью обряда захоронения большинства сакских племен Казахстана I тыс. до н.э., а также носителей скифоидных культур VI – III вв. до н.э. Верхнего Приобья. Возросший в Горном Алтае по сравнению с предыдущим периодом удельный вес таких погребений должен объясняться, одной стороны, притоком населения с периферии пазырыкской культуры (прежде всего, из Северного, Северо-Западного Алтая, может быть предгорной зоны, Верхнего Прииртышья), а с другой, миграцией носителей традиций, сформировавшихся в Монголии, Туве. Восточная ориентация представлена также на всей рассматриваемой территории, но являлась доминирующей в Центральном и Восточном Алтае. Таким образом, для булан-кобинской культуры ориентация умерших людей по сторонам горизонта не является хронологическим индикатором.

Не менее значимой деталью обряда ингумации является положение человека в могиле. Анализ размещения туловища, головы, конечностей 515 (100%) индивидов позволил выделить несколько типов поз, среди которых господствовало (433 случая – 83,1%) было труположение на спине с прямыми ногами. К остальным типам принадлежали следующие состояния: на спине с слегка согнутыми ногами – 24 раза (4,6%); на спине с прямыми ногами и разворотом верхней части тела на правый и левый бок – 1 (0,19%) и 6 (1,15%) случаев соответственно; на правом боку со слегка согнутыми ногами – 16 (3%); на левом боку со слегка согнутыми ногами – 10 (1,9%); на спине со слегка согнутыми ногами и небольшим завалом верхней половины тела на правый или левый бок – 10 (1,4%) и 8 (1,5%) соответственно; на правом боку скорченно – 2 (0,3%); на левом боку вытянуто – 2 (0,3%); на животе с прямыми, либо подогнутыми ногами – 2 (0,3%) и 1 (0,19%).

Погребения на боку, спине с согнутыми в коленях ногами, завалом верхней части тела на бок характеризуют главным образом начальный этап булан-кобинской культуры и являются пережитком ритуала скифской эпохи. Указанные позы крайне редко встречаются на развитом и позднем этапах развития этой общности. Обращает на себя внимание выявленная корреляция захоронений на правом боку с ориентацией головой «на восток», а погребений на левом боку западным направлением. Положение на левом боку с сильно согнутыми ногами в Горном Алтае считается ведущим признаком бийкенской культуры и встречается очень редко в пазырыкский период. Значительная масса курганов VI – III вв. до н.э. с данным показателем происходит из Юго-Восточного Алтая, являвшегося контактной зоной с племенами Тувы и Монголии (Тишкин А.А., Дашковский П.К., 1998, с. 80; Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А., 2003, с. 62, 65-66, 109-110). Ингумация на правом боку характерна для «пазырыкцев», но обнаружена и у других групп населения 2-й пол. I тыс. до н.э. Немногочисленные случаи расположения на правом боку с западной, а на левом боку с восточной ориентацией отмечены преимущественно на могильнике Усть-Эдиган, демонстрируя смешанный характер, оставивших его номадов. Похожая ситуация наблюдается еще в пазырыкской культуре.

Захоронения вытянуто на спине известны уже в хуннское время (превалируют в Центральном Алтае), которые, однако, становятся преобладающими только со II в. н.э. Такое положение умерших в IX–III вв. до н.э. присуще в памятниках майэмирской культуры. В пазырыкских курганах данные свидетельства встречаются редко (сочетаются обычно с западной ориентацией) и обнаружены в различных районах рассматриваемой территории, но главным образом в Северном Алтае. Вытянутое положение выступает также отличительной чертой погребальной практики сакских кочевников Казахстана на протяжении всего I тыс. до н.э., населения староалейской, быстрианской, каменской культур Верхнего Приобья (Суразаков А.С., 1988, с. 133; Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., 1996, с. 133; Могильников, 1997, с. 19). Данная поза в пазырыкской культуре – результат контактов с племенами северо-западных предгорий Алтая, а также Восточного Казахстана. Фиксируемое в Горном Алтае во II в. до н.э. – I в. н.э. сосуществование разнообразных типов положения, на наш

взгляд, обязано тесному взаимодействию нескольких неоднородных по происхождению местных и пришлых этнокультурных компонентов. Несмотря на отсутствие на усть-эдиганском этапе ведущего типа позы, явно обнаруживается тенденция постепенного перехода к «вытянутости» костяков. В объяснении ингумации на животе мы исходим из подтвержденного в этнографии факта, что она практиковалась у многих народов обычно по отношению к «опасным» покойникам (Дьяконова В.П., 1975, с. 70-72, 149-150; Шилов Ю.А., 1995, с. 65; Флеров В.С., 2000, с. 60).

Отличительной чертой похоронной практики населения Горного Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. являлось захоронение человека с лошадей или отдельными частями ее туши. Эта традиция по праву считается особенностью данной территории, начиная с раннескифского времени, поскольку в соседних регионах, за исключением северо-западных предгорий Алтая, а также отдельных районов Казахстана, погребения с конем в I тыс. до н.э. – 1-й пол. I тыс. н.э. не известны или большая редкость, и они получают там широкое распространение лишь с тюркской эпохи (Могильников В.А., 1981, с. 33; Мэнэс Г., 1993, с. 31; Воробьев М.В., 1994, с. 233; Митько О.А., Тетерин, 1998, с. 403; Комиссаров С.А., Поздняков Д.В., 2004, с. 290). Появление нескольких могил в сопровождении этого животного в хунно-сяньбийское время на территории Алтайской лесостепи и предгорной зоне происходит не ранее 2-й пол. IV в. н.э. и связано с проникновением «булан-кобинцев» (Горбунов, 2004, с. 94).

Детальный анализ обозначенного элемента ритуала приобретает ключевое значение для понимания процесса генезиса булан-кобинской культуры и ее трансформации в культуру тюрков. Из учтенных нами в пределах Горного Алтая 611 погребений II в. до н.э. – V в. н.э. на 38 могильниках сопроводительные захоронения лошадей³ были обнаружены в 89 (14,5%). Это примерно в 1,5-2 раза меньше, чем в раннескифское (25%) и пазырыкское (37,3%) время (Тишкин А.А., Дашковский П.К., 1998а, с. 584; 2003, с. 144). Ингумация с конем обнаруживает следующие тенденции распределения в разных частях этого региона. В Центральном Алтае лошади находились в 64 (28%) из 288 (100%) исследованных объектов. Расклад этого признака по отдельным некрополям был таким: Бош-Туу-I – 27%, Булан-Кобы-IV – 18,8%, Белый-Бом-II – 27,7%, Верх-Уймон – 43,7%, Чендек (восточная группа) – 12,5%, Чендек (центральная группа) – 22,2%, Сары-Бел – 75%. В Северном Алтае они зафиксированы в 25 (8,9%) из 279 (100%) раскопанных захоронений и при этом происходят пока из трех памятников: Усть-Эдиган⁴ (26,3%), Айрыдаш-I (4,7%), Дялян (71,4%). В Южном Алтае кони были в трех (21,4%) из 14 исследованных там курганов. Анализируемый показатель пока не зафиксирован в памятниках хунно-сяньбийского времени, локализованных в Северо-Западном, Восточном и Юго-Восточном Алтае. В целом, 71,9% всех известных на сегодняшний день случаев захоронения человека с этим видом животного приходится на Центральный Алтай. Неодинаковое соотношение захоронений с этим животным в отдельных частях Горного Алтая обусловлено не столько степенью их археологической изученности, сколько спецификой традиций разных групп булан-кобинских кочевников. Ингумация с верховым конем встречается в Горном Алтае в течение всего II в. до н.э. – V в. н.э., оставаясь неравноценной на определенных этапах развития изучаемой общности. Наиболее стабилен данный обряд был в Центральном Алтае: выявлен в 15 (42,85%) из 35 могил II в. до н.э. – I в. н.э., в 28 (18,6%) из 150 II – 1-й пол. IV вв. н.э., в 19 (44,1%) из 43 2-й пол. IV – 1-й пол. V вв. н.э. В Северном Алтае самый высокий (26,3 / 20%) процент снабжения человека этим животным наблюдается в комплексах II в. до н.э. – I в. н.э., отмеченный для восьми (3,4%) из 233 погребений II – 1-й пол. IV вв. н.э. и пяти (62,5%) из восьми захоронений 2-й пол. IV – 1-й пол. V вв. н.э. В Южном Алтае кони отмечены в одной (8,3%) из 12 могил II – 1-й пол. IV вв. н.э., и двух курганах 2-й пол. IV – 1-й пол. V вв. н.э. Отсутствие коня, как уже отмечалось ранее, является одной из особенностей памятников Восточного и Юго-Восточного Алтая.

Труположение с конем у горно-алтайского населения хунно-сяньбийского времени отражало этнический (родовой) уровень различий и, судя по 80 погребениям, для которых был установлен пол умерших людей, практиковалось преимущественно по отношению к

³ Приводимые в тексте обозначения «конь» и «лошадь» следует понимать условно, так как половозрастные определения животных не производились.

⁴ По предварительной выкладке результатов раскопок памятника Усть-Эдиган лошади были в 14 (20%) из 70 вскрытых на данном некрополе захоронений (Худяков Ю.С., 1994).

мужчинам (82,5%). Заметно реже лошадей помещали с женщинами (11,2%) и детьми (6,2%)⁵. Если учитывать только взрослую серию, то встречаемость этого признака будет ненамного выше (17,5%). Сопогребение человека с лошадыю осуществлялось обычно с целой тушей и лишь в трех случаях в могилу укладывались ее отдельные части: череп с шейными позвонками и передними конечностями, череп с обеими конечностями, хвостом. Положение коней отличалось неустойчивостью позы. Из 82 (100%) погребений с данными характеристиками в 69,5% животное находилось на боку, чаще правом, в 23,1% – на спине, в 7,3% – на животе с подогнутыми ногами. Несмотря на это, их ориентация была всегда головой в ту же сторону, что и у человека. Как правило, усопшему предназначалась одна лошадь.

При рассмотрении ингумации особое внимание нами придавалось оформлению животного относительно человека, являющемуся достаточно устойчивыми культурно-дифференцирующими индикатором. Свообразием анализируемых комплексов по сравнению с памятниками Горного Алтая скифского и тюркского времени необходимо признать вариабельность этого параметра, что отражает традиции реализации обозначенного ритуала. Выделяются следующие варианты размещения захоронения лошади в могиле:

I. Над погребением человека («ярусом») – в слое заполнения ямы, на перекрытии внутримогильной конструкции, заплечиках, сразу над умершим, перекрывая более половины тела покойного. Этот вариант устройства конского захоронения зафиксирован 35 (40,4%) раз⁶ на могильниках Булан-Кобы-IV, Бош-Туу-I, Сары-Бел, Чендек, Усть-Эдиган, Белый-Бом-II, Яломан-II, Калджин-6, Дялян и одинаково часто коррелирует с западной и восточной ориентацией.

II. В «ногах» человека (за торцевой и частично длинной стенками погребальной камеры) на одном уровне с ним или с небольшим завалом туши животного на стенку и перекрытие внутримогильной конструкции. Такой вариант предусматривал, что лошадь могла перекрывать до 1/3 человека. Он отмечен в 24 (26,9%) захоронениях из Белого-Бома-II, Яломана-II, Булан-Кобы-IV, Усть-Эдигана, Дяляна. Сочетается преимущественно с восточной ориентацией умерших людей.

III. Сбоку от человека, обычно слева, вдоль длинной (северной, северо-восточной, реже северо-западной, южной, юго-западной) стенки ямы выше (на материковой приступке, ступеньке входной ямы могилы с подбоем, валунах), ниже (в нише подбоя) или на одном уровне с ним. Выявлен в 29 (32,5%) курганах: Айрыдаш-I, Верх-Уймон, Усть-Эдиган, Катанда-I, Берель, Чендек. Этот вариант соотносится преимущественно с западной и крайне редко с восточной ориентацией.

IV. Для животного предназначалась отдельная камера в виде ямы, расположенной в северной половине кургана параллельно могиле человека. Случай такого раздельного погребения обнаружен при раскопках кургана №26 (1,1%) могильника Чендек. Человек и конь обращены головами в западный сектор.

Не вызывает сомнения, что все данные курганы представляют одну археологическую культуру. Интерпретировать разные варианты сопроводительного захоронения лошади в рамках «берельского» или «булан-кобинского» или «берельского» типов, а все объекты без них включать в «кок-пашский» тип памятников мы считаем не оправданным. При таком подходе игнорируется вся сумма других признаков, что приводит к искусственному расчленению материала.

Устройство захоронения лошади над человеком «ярусом» (*вариант I*) является ведущей традицией населения булан-кобинской культуры. Появившись во II в. до н.э. в Центральном и (чуть позднее?) Северном Алтае, оно сохраняется на протяжении всей рассматриваемой эпохи. Обозначенный вариант не известен у местных «пазырыкцев» и в целом у кочевников Горного Алтая скифской эпохи. Подобное оформление конского захоронения было характерно для скотоводов VIII – VI вв. и VI – III вв. до н.э. Верхнего Прииртышья, оставивших памятники так называемой кулажургинской культуры (Черников С.С., 1951; 1975, с. 153; Самашев З.С., 1987, с. 102-103; Суразаков А.С., 1988, с. 127-129) и представляет самостоятельную, сложившуюся там на местной основе традицию, учитывая, что в

⁵Конские захоронения являются этносоциальным маркером погребального обряда булан-кобинской культуры (Матренин С.С., 2005, с. 218).

⁶Приведенные процентные показатели сделаны из расчета 89 (100%) погребений, содержащих конские захоронения.

Восточном Казахстане в отличие от Алтая в 3-й четв. I тыс. до н.э. не произошло разрыва культурно-генетического разрыва вследствие прихода «пазырыкцев» (Боковенко Н.А., Заднепровский Ю.А., 1992, с. 145; Марсадоллов Л.С., 2000, с. 36-37, 48, табл. 4). С влиянием кулажургинских племен связаны факты помещения поверх перекрытия погребальных камер шкур лошадей в синкретичных по обряду курганах V–III вв. до н.э. каменной культуры могильников Маяк-1, Леонтьевка, Камень-2, Локоть-4а (Могильников В.А., 1997, с. 24; Шульга П.И., 2003, с. 49, 117). Расположение отдельных частей туши лошади над погребальной камерой отмечено в комплексе завершающего этапа майэмирской культуры Гилево-10 из северо-западных предгорий Алтая (Шульга П.И., 2003а, с. 523). Случай нахождения коня над человеком обнаружен в процессе исследования кургана быстрианской культуры памятника Енисейское-4 (Абдулганеев М.Т., Кунгуров А.Л., 1996, с. 153). Сопроводительное захоронение коня на перекрытии каменного ящика зафиксировано в восточно-казахстанском комплексе IV – V вв. н.э. из Зевакино-I (Арсланова Ф.Х., 1975, с. 117-119). Очерченный круг аналогий показывает, что утверждение в Горном Алтае традиции укладывать лошадь «сверху» покойника является результатом миграции сюда в III – II вв. до н.э. новых кочевников («кулажургинцев?»), ставших одним из компонентов генезиса булан-кобинской культуры (Мамадаков Ю.Т., 1990, с. 18).

Размещение лошади «в ногах» (*вариант II*) умершего человека, за торцевой и частично длинной стенками погребальной камеры, фиксирующееся со II в. до н.э. до сер. V в. н.э., также не известно в местных материалах пазырыкского периода, Отдаленные параллели подобному варианту трупоположения с конем можно найти в некоторых курганах Горного Алтая раннескифского времени, с той существенной разницей, что для животного предназначалась отдельная неглубокая яма (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997). Нахождение лошадей у заднего борта могилы, за погребальной камерой, отмечено у населения северо-западных предгорий Алтая конца VII – 1-й пол. VI вв. до н.э. (Шульга П.И., 2003а, рис. 2). Данный обряд представлен в тасмолинской культуре и у отдельных групп населения каменной культуры (погребения типа Рогозиха-1) (Шульга П.И., 2003, с. 49). Самые близкие в территориальном отношении аналогии обычаю смещения лошади «в ноги» покойного, в эпоху средневековья зафиксированы на инском этапе (2-я пол. VIII – 1-я пол. IX вв.) сросскинской культуры Алтайской лесостепи (Уманский А.П., 1970), хотя непосредственно у самих тюрок, явившихся одним из этнических компонентов названной общности, описанный способ захоронения человека не выявлен. Обозначенная традиция в Горном Алтае представлена в сложившемся виде уже в хуннское время, что определенно указывает на ее пришлые истоки. Вероятно, она имеет одну генетическую основу с охарактеризованной выше ситуацией, когда животное укладывалось «сверху» человека.

Совершение конского захоронения сбоку от человека на различном уровне (*вариант III*) встречается во II в. до н.э. – I в. н.э. только в Северном Алтае на могильнике Усть-Эдиган. Раскопанные на этом некрополе курганы выглядят наиболее архаично и сочетаются с неустойчивостью других признаков похоронного ритуала, что не свойственно для синхронных комплексов Центрального Алтая. Погребение с лошадью, уложенной вдоль длинной (северной) стенки ямы выступает одной из отличительных особенностей горно-алтайских памятников скифского времени. Такие захоронения отмечены также у некоторых кочевников Восточного Казахстана и мог сформироваться без прямого воздействия «пазырыкцев». В этом отношении показательно, что комплексы в хунно-сяньбийское время коррелируют преимущественно с западной ориентацией, что для Горного Алтая в VI–III вв. до н.э. явление весьма редкое (Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А., 2003, с. 109-110; Степанова Н.Ф., 2003, с. 486), характерное в основном для периферии пазырыкской культуры. Близкий обряд трупоположения с конем существовал на завершающем этапе майэмирской культуры (Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А., 2003, с. 48, 110, рис. 32). Прямые параллели ему у «булан-кобинцев» следует видеть в кург. №3 Кызыл-Джара-III, демонстрирующего проникновение в Горный Алтай выходцев из Восточного Казахстана (Могильников В.А., 1983, с. 44, 59-61). Учитывая сходство некоторых элементов обрядности Усть-Эдигана с памятниками тыткескенского локального варианта пазырыкской культуры, логично предположить, что отдельные курганы (прежде всего с восточной ориентацией) с лошадью, расположенной сбоку от человека, связаны с обычаями населения этой территории VI – III вв. до н.э. (Худяков Ю.С., 1998, с. 99). Некоторые совершенные по такому обряду объекты II – V вв. н.э. (Чендек, кург. №9; Берель, кург. №2, 3;

Катанда-I, кург. №5–8; Верх-Уймон, кург. №5, 9; Айрыдаш-I, кург. №71, 109, 116, 126, 131, 132, 136, 139; Улита, кург. №16, 25) максимально сопоставимы с памятниками тюрок и свидетельствуют о складывании у небольшой группы кочевников этого региона норм ритуала, ставших впоследствии характерными для раннего средневековья. Между тем у «булан-кобинцев», в отличие от тюрок, животное всегда ориентирована головой в ту же сторону, что и человек (обычно на запад), кроме этого она достаточно редко располагалась на животе с подогнутыми ногами. Исследованные на сегодняшний день погребения с конем в Туве, Хакасии, Казахстане, Средней Азии, связываемые с тюрками, являются более поздними, чем горно-алтайские материалы. Говорить же о наличии там прототюркских комплексов вообще не приходится. Генетическая преемственность традиций населения Горного Алтая хунно-сяньбийского времени и тюрок, улавливается и в возведении поминальных кольцевых оградок, внутри которых, в яме, иногда (Верх-Уймон, кург. №7) с каменным ящиком, находилась лошадь на боку, спине, животе, свернутая «в кольцо» (Киреев С.М., Кудрявцев П.И., Вайнбергер Е.В., 1992, с. 60; Соёнов В.И., Эбель А.В., 1992, с. 23; Соёнов В.И., 1999, с. 134-135, рис. 10; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2003, с. 489; и др.).

Необычным для 2-й пол. IV – 1-й пол. V вв. н.э. выглядит единственный случай присутствия конского захоронения в отдельной могильной яме (*вариант IV*). Указанный вариант сопребения наиболее часто засвидетельствован у горно-алтайских племен IX – VI вв. до н.э., а также у населения быстрианской культуры (Суразаков А.С., 1988, с. 134-135; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с. 45-47; рис. 14; и др.). Аналогии ему можно найти у «сросткинцев» юга Западной Сибири (Кондрашов А.В., 2004, с. 15).

В археологической литературе в течение нескольких десятилетий тиражируется точка зрения о преемственности обряда погребения с конем в Горном Алтае, начиная с раннескифского времени и до эпохи средневековья (Гаврилова А.А., 1965, с. 57; Могильников В.А., 1980, с. 70-71; 1996, с. 51-56; Савинов Д.Г., 1984, с. 29; и др.). Это положение по-прежнему используется многими исследователями в качестве одного из главных аргументов для доказательства генетической связи пазырыкской и булан-кобинской культур, подобно тому, как в свое время утверждалась близость населения данной территории в раннескифский и пазырыкский периоды. Между тем, принципиальное своеобразие оформления конских захоронений в памятниках IX – начала VI и 4-й четв. VI – III вв. до н.э. ставят под сомнение единую основу данного ритуала уже в скифскую эпоху (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с. 160-161; Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003, с. 167; Марсадолов Л.С., 2000, с. 36-37). За исключением могильника Усть-Эдиган, сохраняющего в своем облике некоторые пережиточные, существенно измененные местные черты 2-й пол. I тыс. до н.э., и демонстрирующего смешение нескольких этнокультурных компонентов, в настоящий момент пока отсутствуют комплексы, убедительно демонстрирующие процесс трансформации пазырыкской культуры в булан-кобинскую. При этом данный некрополь хуннского времени обнаруживает большее сходство с «неклассическими» пазырыкскими памятниками, оставленными номадам, которые занимали зависимый статус в социально-политической и этнической структуре общности VI – III вв. до н.э. В Центральном Алтае на Яломане-II, Сары-Беле, Чендеке произведены раскопки курганов II в. до н.э. – I в. н.э., отражающих по совокупности признаков не только новый, но уже полностью сложившийся погребальный обряд. Свидетельствуют об этом, в том числе, и иные варианты устройства конских захоронений. Таким образом, особенности преобладающего большинства случаев ингумации с лошадью в курганах Горного Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. не связаны напрямую с аналогичного рода свидетельствами, зафиксированными для «пазырыкцев», и определенно указывают на определенное родство булан-кобинской и тюркской похоронной обрядности.

Для создания наиболее полного представления о способах ингумации булан-кобинской культуры в заключение была предпринята классификация ведущих признаков труположения. Опираясь на опыт структурирования этого элемента обряда, предложенный В.И. Соёновым (1997, с. 10; 2003, с. 27-40, табл. 9), при систематизации наиболее важных показателей мы обозначили такие таксономические уровни. *II. Группа* – количество умерших людей в могиле (одиночные, парные, коллективные погребения), а также совершение полноразмерных и миниатюрных кенотафов. *III. Разряд* – наличие или отсутствие сопроводительного захоронения лошади. *IV. Раздел* – вариант размещения лошади по отношению к человеку: «сверху», «в ногах», «сбоку», в отдельной могиле.

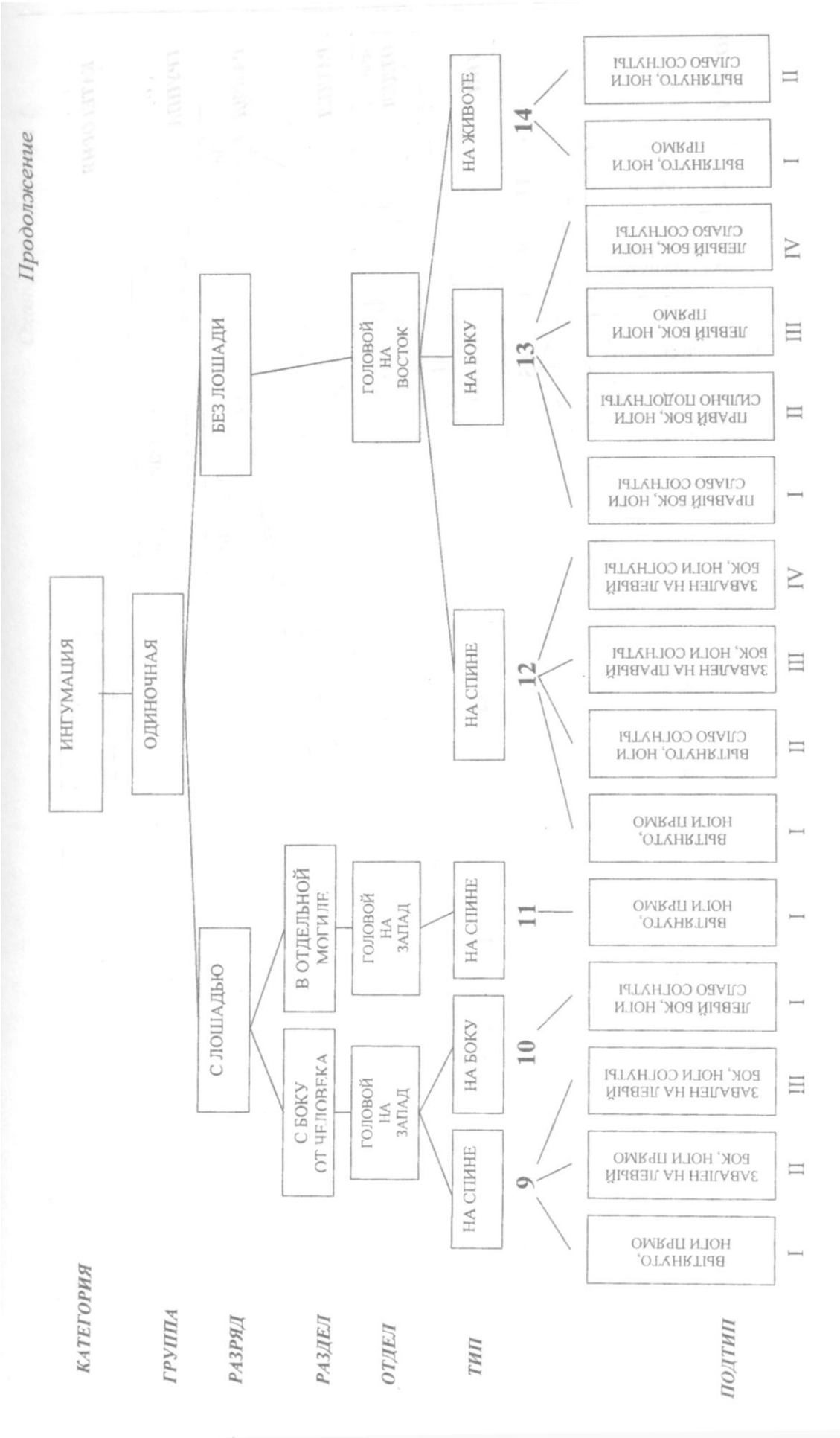
V. Отдел – ориентация человека головой относительно главных направлений (восток, запад, север, юг) сторон горизонта. *VI. Тип* – основная поза умерших людей в могиле: на спине, на боку, на животе. *Vla. Подтип* – особенности положения верхней части туловища (вытянуто, с завалом на правый или левый бок, на правом боку, на левом боку) и ног покойного (прямо, ноги слегка согнуты, сильно подогнуты в коленях). В обработке оказались задействованы данные 521 (100%) захоронения с останками 525 человек, обладавшие всем перечнем приведенных параметров. Посредством группировки удалось выделить 32 типа труположения кочевников Горного Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. (табл. I). На усть-эдиганском, бело-бомском, верх-уймонском этапах зафиксировано 15 (типы 1 (I, II), 4 (I, II), 3, 5, 7, 8 (II, III), 9 (II, III), 10, 12 (I–IV), 13 (I, II), 15 (I, II, V), 16 (III), 19, 27, 28, 31), 20 (типы 1 (I), 4(I), 9 (I), 12 (I, II), 13 (I, III), 14, 2 (I), 15 (I–IV), 16 (II), 17 (I, II), 18, 21 (I–III), 22 (I, II), 23, 24, 25, 26 (I–III), 27, 31, 32) и 17 (типы 1 (I), 2 (I, II), 4 (I), 6 (I, II), 8 (I), 9, 11, 12 (I, II), 13 (I, IV), 15 (I, II, IV), 16 (I), 20, 21 (I), 29, 30, 31, 32) типов соответственно⁷. Самыми показательными и (или) многочисленными среди них были типы 1 (3,6%), 2 (1,9%), 4 (1,9%), 5 (0,7%), 6 (0,9%), 8 (0,7%), 9 (4,4%), 12 (31,8%), 13 (2,6%), 15 (37%), 16 (1,3%). Полученные на основе данной систематизации результаты дадут возможность осуществить корреляцию типов ингумации и типов погребальных сооружений, что позволит провести многоплановое изучение похоронной обрядности населения Горного Алтая хунно-сяньбийского времени.

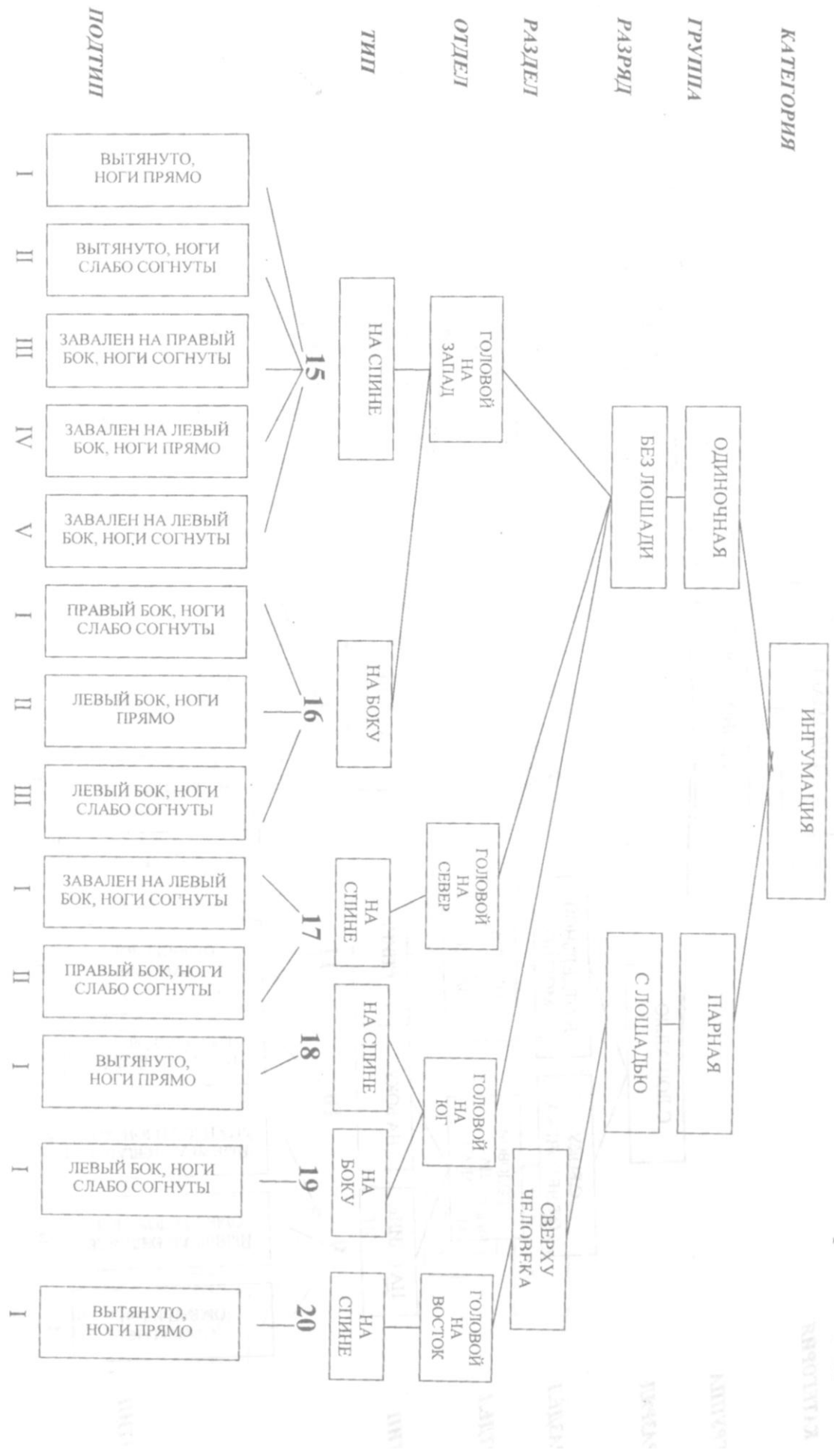
Литература

1. Абдулганеев М.Т., Кунгуров А.Л. Курганы быстрянской культуры в междуречье Бии и Чумыша // Погребальный обряд древних племен Алтая. – Барнаул, 1996. – С. 143-155.
2. Арсланова Ф.Х. Курганы с «усами» Восточного Казахстана // Древности Казахстана. – Алма-Ата, 1975. – С. 116-129.
3. Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII века). – Новосибирск, 2003. – 223 с.
4. Боковенко Н.А., Заднепровский Ю.А. Ранние кочевники Восточного Казахстана // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М., 1992. – С. 140-148.
5. Воробьев М.В. Маньчжурия и Восточная Внутренняя Монголия (с древнейших времен до IX века включительно). – Владивосток., 1994. – 410 с.
6. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М.; Л., 1965. – 144 с.
7. Генинг В.В., Генинг В.Ф. Метод определения древних традиций ориентировок погребенных по сторонам горизонта // Археология и методы исторических реконструкций. – Киев, 1985. – С. 136-152.
8. Глоба Г.Д. Раскопки курганного могильника Белый-Бом II // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980-1982 годах. – Горно-Алтайск, 1983. – С. 116-126.
9. Горбунов В.В. Этнокультурная ситуация на территории Лесостепного Алтая в эпоху «великого переселения народов» // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. – Барнаул, 2004. – С. 92-95.
10. Гребнев И.Е., Васильев С.К. Лошади из памятников пазырыкской культуры Южного Алтая // Полосьмак Н.В. «Стерегищие золото грифы». – Новосибирск, 1994. – С. 106-111.
11. Дьяконова В.П. Большие курганы-кладбища на могильнике Кокэль (по результатам раскопок за 1963, 1965 гг.) // ТТКАЭЭ. – Л., 1970. – Т. III. – С. 80-209.
12. Дьяконова В.П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. – Л., 1975. – 164 с.
13. Киреев С.М., Кудрявцев П.И., Вайнбергер Е.В. Археологические исследования в Уймонской котловине // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. – Горно-Алтайск, 1992. – С. 59-61.
14. Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Могильник раннего железного века Староалейка-2 // Погребальный обряд древних племен Алтая. – Барнаул, 1996. – С. 115-134.
15. Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I. Культура населения в раннескифское время. – Барнаул, 1997. – 232 с.

⁷ На протяжении II в. до н.э. – V в. н.э. существовали типы 1 (I), 4 (I), 12 (I, II), 13 (I), 9, 15 (I, II), 16, 31.

16. Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч II. Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. – Барнаул, 2003. – 234 с.
17. Комиссаров С.А., Поздняков Д.В. Антропологические и культурные характеристики могильника Чауху-3, Восточный Туркестан (Синьцзян) // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. – Барнаул, 2004. – С. 289-294.
18. Кондрашов А.В. Изучение погребального обряда и социальной организации сросткинской культуры (по материалам археологических памятников юга Западной Сибири середины VIII–XII вв. н.э.). Автореф. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 2004. – 24 с.
19. Контев А.В. Раскопки позднегуннских погребений урочища Карбан (Горный Алтай) // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. – Красноярск, 1991. – Т. 2. – С. 54-55.
20. Кубарев В.Д. Древнетюркские кенотафы Боротала // Древние культуры Монголии. – Новосибирск, 1985. – С. 136-148.
21. Кулемзин В.М. Обряды перевода из реального мира в потусторонний у населения Западной Сибири в XVIII–XX вв. // Очерки культуурогенеза народов Западной Сибири. Т. 2. Мир реальный и потусторонний. – Томск, 1994. – С. 334-383, 393-422.
22. Мамадаков Ю.Т. Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н.э. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1990. – 19 с.
23. Мамадаков Ю.Т. О памятниках первой половины I тыс. н.э. в Горном Алтае // Археологические исследования на Алтае. – Барнаул, 1987. – С. 197-203.
24. Марсадолов Л.С. Археологические памятники IX–III вв. до н.э. горных районов Алтая как культурно-исторический источник (феномен пазырыкской культуры): Автореф. дис. ... докт. культурологии. – СПб., 2000. – 56 с.
25. Марсадолов Л.С. Комплекс археологических памятников в Семисарте на Алтае. Материалы Саяно-Алтайской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. – СПб., 2001. – Вып. 4. – 62 с. + 118 илл.
26. Матренин С.С. Особенности ориентации погребенных в курганах Горного Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. // Культура Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем. – Томск, 2003. – С. 234-236.
27. Матренин С.С. Выделение критериев для моделирования социальной структуры кочевников Горного Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. // Истоки, формирование и развитие евразийской поликультурности. Культуры и общества Северной Азии в историческом прошлом и современности. – Иркутск, 2005. – С. 217-218.
28. Митько О.А., Тетерин Ю.В. О культурно-дифференцирующих признаках древнетюркских погребений на Среднем Енисее // Сибирь в панораме тысячелетий. – Новосибирск, 1998. – С. 396-404.
29. Могильников В.А. К вопросу о компонентах этногенеза алтайских тюрков // Барнаулу – 250 лет. – Барнаул, 1980. – С. 70-71.
30. Могильников В.А. Курганы Кызыл-Джар-I, VIII – памятник пазырыкской культуры Алтая // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1983. – С. 3-49.
31. Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тыс. до н.э. – М., 1997. – 195 с.
32. Могильников В.А. Об истоках генезиса древнетюркской культуры // Горный Алтай и Россия – 240 лет. – Горно-Алтайск, 1996. – С. 51-56.
33. Могильников В.А. Тюрки // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. – М., 1981. – С. 29-43.
34. Мэнэс Г. О соотношении одного погребального обряда хунну и дунху в свете археологических и этнографических данных // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1993. – С. 29-46.
35. Николаев Н.Н. Культура населения Тувы 1-й пол. I тыс. н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2001. – 26 с.
36. Овчинникова Б.Б. К вопросу о захоронениях в подбоях в средневековой Туве // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. – Омск, 1983. – С. 60-68.
37. Полосьмак Н.В. Всадники Укока. – Новосибирск, 2001. – 336 с.
38. Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.; Л., 1960. – 351 с.

Продолжение

39. Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. – Л., 1984. – 175 с.
40. Самашев З.С. Памятники кулажургинского типа // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. – Алма-Ата, 1987. – С. 95-114.
41. Соёнов В.И. Погребальный обряд населения Горного Алтая в гунно-сарматскую эпоху: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 1997. – 22 с.
42. Соёнов В.И. Раскопки на могильнике Сары-Бел // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 1999. – №4. – С. 134 -152.
43. Соёнов В.И. Археологические памятники Горного Алтая гунно-сарматской эпохи (описание, систематика, анализ). – Горно-Алтайск, 2003. – 160 с.
44. Соёнов В.И. К вопросу об изучении ритуальных памятников гунно-сарматской эпохи на Алтае // Вестник НГУ. Серия: история, филология. Т. 2. Вып. 3: Археология и этнография. – Новосибирск, 2003а. – С. 54-56.
45. Соёнов В.И., Эбель А.В. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катунь. – Горно-Алтайск, 1992. – 116 с.
46. Степанова Н.Ф. К вопросу о кара-кобинской культуре скифского времени Горного Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2003. – Т. IX. Ч. I. – С. 484 - 487.
47. Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. – Горно-Алтайск, 1988. – 214 с.
48. Тишкин А.А. Бийкенское святилище в Горном Алтае // Святилища: археология ритуала и вопросы семантики. – СПб., 2000. – С. 210 -215.
49. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Исследования погребально-поминальных памятников кочевников в Центральном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2003. – Т. IX. Ч. I. – С. 488-493.
50. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). – Барнаул, 2005. – 200 с.
51. Тишкин А.А., Грушин С.П. Что такое кенотаф? // Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 1997. – №2. – С. 24-28.
52. Тишкин А.А., Дашковский П.К. Ориентация и положение погребенных людей в курганах скифской эпохи Горного Алтая // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 1998. – №3. – С. 77-83.
53. Тишкин А.А., Дашковский П.К. Значение лошади в культуре населения Горного Алтая скифской эпохи // Сибирь в панораме тысячелетий. – Новосибирск, 1998а. – С. 581-591.
54. Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. – Барнаул, 2003. – 430 с.
55. Уманский А.П. Археологические памятники у с. Иня // Известия Алтайского отдела ГО СССР. – Барнаул, 1970. – Вып. 11. – С.45-74.
56. Флеров В.С. Розыскания по обряду обезвреживания погребенных в раннесредневековой Восточной Европе // Труды по археологии. Степи Евразии в эпоху средневековья. – Донецк, 2000. – Т. 1. – С. 55-72.
57. Худяков Ю.С. Палеодемографические аспекты изучения могильника Усть-Эдиган // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. – Барнаул, 1994. – С. 134-136.
58. Худяков Ю.С. Проблема генезиса культуры хуннского времени в Горном Алтае // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 1998. – №3. – С. 97-112.
59. Черников С.С. Отчет о работах Восточно-Казахстанской экспедиции 1948 года // ИАН КазССР. Серия археологическая. – Алма-Ата, 1951. – Вып. 3. – С. 64-80.
60. Черников С.С. К вопросу о хронологических периодах в эпоху ранних кочевников (по археологическим материалам Восточного Казахстана) // Первобытная археология Сибири. – Л., 1975. – С. 132-137.
61. Шилов Ю.А. Прародина ариев. История, обряды и мифы. – Киев, 1995. – 742 с.
62. Шмидт В.К. К вопросу о традициях ориентации и положения тел умерших людей в курганах каменной культуры // Традиционные культуры и общества Северной Азии (с древнейших времен до современности). – Кемерово, 2004. – С. 224-226.
63. Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть-4а. – Барнаул, 2003. – 204 с.

64. Шульга П.И. Могильник Гилево-10 как памятник финала раннескифского времени // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2003а. – Т. IX. Ч. I. – С. 521-527.

Таблица к статье Матрёнина С.С.

Табл. I. Схема классификации обряда ингумации кочевников Горного Алтая II в. до н.э. – V в. н.э.

Абдулганеев М.Т., Пугачев Д.А., Степанова Н.Ф.
(г.Барнаул)

ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСЕЛЕНИЙ ЭПОХИ ЖЕЛЕЗА У С.КАРАГУЖ НА Р.ИША (СЕВЕРНЫЙ АЛТАЙ)

Нижнее течение р.Иша в настоящее время можно считать одним из самых изученных археологических микрорайонов Северного Алтая и его предгорий. В низовьях Иши от ее устья до с.Новозыково на участке протяженностью около 30 км выявлено более 90 разновременных и разнотипных археологических памятников, в том числе 6 могильников и 4 городища. Выявленные археологические объекты концентрируются в устьевой зоне реки или, большей частью, в окрестностях с.Карагуж и пос.Горный (рис.1 – 3). Последнее может быть объяснено удобством расположения данного участка, на запад от которого по долине р.Иша имеется выход к Катуню, на юг и юго-восток по р.Иша и р.Карагуж – в горно-таежные районы, на север и северо-восток по долине р.Чапша – в центральную часть Бие-Катунского междуречья и далее к р.Бия. Большая часть археологических памятников относится к эпохе железа. Поселения и могильники каменного и бронзового веков немногочисленны и, за редким исключением, маловыразительны. Этот факт связан с неблагоприятными природно-климатическими условиями в данном микрорайоне в ранние исторические эпохи (Бушвиловский В.В., 1993, с.112,187).

Исследования археологических памятников у с.Карагуж начались в 1977 г. с письма участкового милиционера с.Усть-Иша И.Н.Анискина, сообщившего в Бийский музей о находках ископаемых костей на р.Иша и о древних захоронениях в пос.Горный. На место находок был направлен сотрудник БКМ Б.И.Лапшин, нашедший у с.Карагуж – чоппер и на р.Иша – остатки мамонтовой фауны (Лапшин Б.И., 1978, с.248). Тогда же в Бийский музей поступили железные и костяные наконечники стрел, найденные у пос.Горный¹. Впоследствии работы у с.Карагуж были продолжены сотрудниками Алтайского госуниверситета: в 1980 г. – В.Т.Плахиным, в 1984 г. – М.Т.Абдулганеевым (Абдулганеев М.Т., 1986), в 1990 г. – А.А.Казаковым. В ходе разведочных работ ими выявлено 15 ранее неизвестных поселений и 1 городище.

В 1997 г. Д.В.Папиным было начато картографирование археологических памятников долины р.Иша (Абдулганеев М.Т., Папин Д.В., Семибратов В.П., 1998), продолженное в 1999-2001 гг. М.Т.Абдулганеевым и Д.А.Пугачевым (Пугачев Д.А., 2002). В ходе картографирования на карты землепользования были нанесены как ранее известные, так и вновь выявленные поселения, городища и могильники и стало понятно, что даже при самом тщательном обследовании повторный осмотр местности может привести к открытию новых археологических памятников. Начиная с 2000 г., стационарные раскопки памятников эпохи железа на р.Иша проводились М.Т.Абдулганеевым. У пос.Горный им был исследован раннесредневековый могильник Горный 10 и топографически совмещающиеся с ним раннежелезное поселение Горный 3. В 2002 г. Раскопки были проведены на ранне-

¹ В монографии А.С.Суразакова (1988, с.132,135) имеется упоминание о раскопанном в с.Карагуж земляном кургане VI-II вв. до н.э. К сожалению, из текста книги неясно какой Карагуж имеется в виду – Верхний или Нижний, а также непонятно, кто проводил раскопки этого кургана.

средневековом поселении Горный Елбан (Абдулганеев М.Т., 2001а; 2001б; 2002; Служак И.В., Чекрыжова О.И., 2001; Степанова Н.Ф., Абдулганеев М.Т., 2003). Параллельно с раскопками проводились и небольшие разведочные работы. Результаты исследований 1997, 2000 и 2001 гг. уже нашли отражение в печати. Настоящая публикация посвящена предварительным итогам исследований поселенческих комплексов эпохи железа, проводившихся в 2001-2002 гг. и давших наибольшее количество материалов.

Основная масса памятников, обнаруженных в ходе разведок 2001-2002 гг., расположена на правом берегу р.Иша и только два (№№1,2)² – на левом (рис.1 – 3).

1. *Карагуж 6*. Местонахождение. Находится в 1,75 км к ЮЮВ от с.Карагуж, у подножия г.Гляден. Памятник расположен на распахивающемся мысу. Находки представлены фрагментами керамики и обломком нижней челюсти человека.

2. Поселение *Карагуж 7*. Находится в 3,4 км к ЮВ от с.Карагуж и в 4 км к Ю г.Еболкташ. Памятник расположен на 2-х метровом мысовидном выступе северного края лога, прорезающего западный склон Тайнинского хребта – г.Карагуж. Оконечность мыса разрушена траншеей. Находки представлены фрагментами керамики.

Поселения *Еболкташ 1-10* находятся в 3,9-5 км к В-СВ от пос.Горный. Памятники Еболкташ 1-5 (№№3-7) расположены на 3-6-ти метровых мысовидных выступах под южным и восточным склонами г.Еболкташ. Поселения Еболкташ 3 и 5 нарушены современными ямами, край берега на Еболкташе 5 разрушается вследствие регулярного прогона скота. Поселения Еболкташ 6-10 (№№8-12) расположены в седловине, образованной южным склоном хребта Казырык и северным склоном г.Еболкташ, на 3-6-ти метровых мысовидных выступах. Все памятники распахиваются.

На поселениях Еболкташ 2,5,9 найдены фрагменты керамики, украшенной рядами жемчужин и ямок, на поселениях Еболкташ 3,7 – рядами наколов, отпечатков уголка и гладкого штампа. В последнем случае встречены орнаментированные срезы венчиков. Обнаруженная на поселении Еболкташ 4,6,8,10 керамика не орнаментирована или украшена только ямками (рис.2 – 8-10,13).

13. Поселение *Горный 11*. Находится на ЮЗ окраине пос.Горный, на территории усадьбы А.М.Бутина, расположенной на 4-х метровом мысовидном выступе надпойменной террасы р.Иша. На огороде найдены многочисленные фрагменты керамики, украшенной горизонтальным рассеченным налепным валиком, рядами уголка, ямками, а также обломки зернотерки и орнаментированного пряслица (рис.1 – 1).

14. Поселение *Горный 12*. Находится в 1 км к З от пос.Горный, у устья ручья третья Таловка, по левому берегу последнего. Поселение расположено на берегу р.Иша высотой около 4 м и большей частью ею размыто. В осыпях берега найдены фрагменты керамики, украшенные рядами ямок, гладкого штампа, ногтевыми отпечатками. Срезы венчиков орнаментированы зубчатым штампом и уголком (рис.2 – 1,6,7). Кроме того, найдена орнаментированная глиняная пуговица (?) (рис.1 – 2).

15-22. Поселения *Кульпикова Сопка 1-8*. Находятся в 2,75-4 км к ССЗ-СЗ от пос.Горный на мысовидных выступах высотой 3-8 м. Участок надпойменной террасы р.Иша, на котором расположены памятники, с В ограничен рч.Тала Карагужинская, с З – рч.Тала Ишинская и г.Кульпикова Сопка. Территория поселений распахивается и разрушается полевой дорогой. На памятниках Кульпикова Сопка 3,4,6,8 найдена керамика, украшенная рядами жемчужин, жемчужинами, разделенными ямками, насечками и уголком, а срез венчика сосуда на Кульпиковой Сопке 1 орнаментирован насечками (рис.2 – 11,12). На остальных памятниках обнаружена керамика без орнамента или украшенная ямками.

Выявленные в 2001-2002 гг. поселения относятся к двум хронологическим периодам. Керамика, найденная на поселениях Еболкташ 2,5,9, Кульпикова Сопка 3,4,6,8 и Горный 11 обычна для горно-предгорной зоны Алтая периода VI-II вв. до н.э. Ее типичными признаками является орнаментация верхней части баночных сосудов жемчужником с разделителем, часто в сочетании с налепными рассеченными валиками (Абдулганеев М.Т., 1994; Абдулганеев М.Т., Владимирова В.Н., 1997, рис.20-22, 54-57). Вследствие малой выборки материала определить культурную принадлежность керамики и поселений затруднительно.

² №№ поселений в тексте соответствуют №№ на рисунке 1 (3)

К эпохе раннего средневековья относятся материалы поселений Еболкташ 1,3,7, Кульпикова Сопка 1 и Горный 12. В пользу отнесения этих памятников к I тыс. н.э. говорят преобладание в орнаментации наколов, использование зубчатого и гладкого штампов и обычай украшения срезов венчиков. Такие черты являются типичными для керамических комплексов Верхней Оби и северных предгорий Алтая в эпоху раннего средневековья (Грязнов М.П., 1956, табл. XXXI, XL, XLVI, L; Троицкая Т.Н., 1979, табл. XLVI; Кунгуров А.Л., Горбунов В.В., 1993, рис.3-6; Скопинцева Г.В., 1993, рис.2-6; Троицкая Т.Н., Новиков А.В., 1998, с.133-135). Из-за малой выборки материалов и слабой изученности средневековых поселений Северного Алтая и его предгорий с определенной долей вероятности можно говорить только о культурной принадлежности Горный 12. Керамика этого памятника по ряду признаков (наколы, гладкий и зубчатый штамп) близка керамическим комплексам майминской культуры, особенно поселения Майма-1 (Абдулганеев М.Т., 1998, с.167, рис.2).

Соотношение выявленных в 2001-2002 гг. раннежелезных и раннесредневековых поселений соответствует таковому в предшествующие годы исследований (Абдулганеев М.Т., Семibrатов В.П., Папин Д.В., 1998, с.158-159,161). Существенно преобладают памятники скифского времени, причем культурные слои на них, как правило, слабо насыщены. Значительная концентрация поселений VI-II вв. до н.э. на достаточно ограниченных участках берегов Иши напоминает «обитаемые полосы» салтово-маяцкой культуры Дона и Донца (Плетнева С.А., 1981, с.66), которые отражают процесса ежегодных перекочевок к берегу реки с неопределенным местом стоянки. Полных аналогий, конечно, проводить нельзя. Этому противоречит как сравнение физико-географических условий развития этих культур, так и результаты исследования поселения Горный 3. Тем не менее, определенное сходство имеется, а сама долина Иши наиболее плотно была заселена до прихода сюда русских именно в скифское время.

23. Поселение *Горный 3* топографически совпадает с могильником Горный 10 и находится в 0,6 км к СЗ от пос.Горный в месте выхода в пойму р.Иша ее притока – рч.Первая Таловка (рис.3 – 1). В ходе исследований 2000-2003 гг. на комплексе было вскрыто более 2500 кв.м и, кроме раннесредневековых погребений, выявлен культурный слой более раннего времени. Он оказался различной степени мощности и сохранности, так как, во-первых, был сильно нарушен в ходе хозяйственных работ (силосные ямы, скотомогильник, планировка поверхности бульдозером); во-вторых, в северной и северо-западной частях раскопы захватили периферию поселения. Древние культурные остатки во многих случаях были перемешаны с современными костями, прессованным силосом и другими следами деятельности человека 20 века. Несмотря на это, раскопки большой площадью позволили выявить 73 погребения, 5 жилищ, 1 хозяйственную постройку и около 100 хозяйственных ям и кострищ. Находки в слабонасыщенном культурном слое представлены главным образом фрагментами керамики и их отдельными скоплениями, обломками камня, костями животных и редкими изделиями из камня, кости, металла и керамики.

Жилища располагались рядами перпендикулярно кромке террасы к древнему руслу р.Иша. Один ряд составляли жилища 2 и 4 на верхнем раскопе, другой – жилища 5,6 и хозяйственная постройка 3 на нижнем. Отдельно располагалось жилище 1, входившее, вероятно, в отдельный ряд (рис.3 – 2,3). Все жилища были полуназемного типа со слегка заглубленным – на 0,1-0,3 м в материк котлованом. Форма их подквадратная или прямоугольная, площадь 25-35 кв. м. В центре фиксировались очажные ямы или очаги наземного типа с мощностью прокалов до 0,15-0,2 м. Очаг в жилище 4 имел дерновую (?) обкладку, а у очага в жилище 1 фиксировались отводные отопительные (?) каналы. Во всех жилищах вдоль стен располагались хозяйственные ямы – от трех до восьми. В стенке котлована жилища 2 имелся выступ, вероятно, кладовая, где находились керамические сосуды. Выходы не прослеживались, они, скорее всего, имели вид проема в стенах. Из-за полного отсутствия остатков дерева и малого количества столбовых ямок судить о конструкции стен и крыши можно только предположительно, имея в виду их срубно-столбовой или каркасно-столбовой характер. Находок в жилищах было значительно больше, чем в культурном слое. Они зачастую фиксировались в 2 слоя, отражая уровни пол – крыша. Характер их соответствует таковому в культурном слое. Сам древний поселок, вероятнее всего, был заброшен, а не покинут внезапно. Об этом говорят отсутствие

каких-либо следов пожара (углистые слои, прокалы и т.д.), а также характер находок. Все изделия сработаны или сломаны, керамические сосуды разбиты или найдены фрагментарно.

Типичными для эпохи раннего железа являются находки на поселении различного рода изделий из камня и кости (песты-дробильники, терочки, абразивы, молоточки, скребки, обломки курантов и зернотерок, удлинённо-плоские оселки с отверстиями (рис.5 – 2) и т.д.), а также плоских, конических и биконических орнаментированных пряслиц (рис.5 – 3). Кроме того, найдены 3 целых и 2 фрагментированных прямых без выделенных рукоятей железных ножа, один из которых имеет округлое отверстие в рукояти (рис.5 – 1), другой – удлинённо-вытянутое. Любопытна находка костяного сбруйного или поясного блока с отверстиями (рис.5 – 4), имеющего почти полные аналогии в горно-алтайских материалах скифского времени (Кубарев В.Д., 1987, табл. XXXIV, XLVI, LXXVI; Суразаков А.С., 1988, рис. 13).

Большая часть находок – это фрагменты сосудов, которых найдено около 5300. К раннему железному веку относится более 70% из них. 102 сосуда полностью или частично реконструированы. По форме выделяются горшки, банки и чаши, при преобладании двух последних. Единичными формами являются банки на поддонах (рис.4) и найденный в жилище 4 крупный бочонковидный сосуд. Днища у всех сосудов плоские, венчики приостренные или округлые, часто с утолщением (налепом) в верхней части. Орнамент нанесен только в верхней части в 1-2 строки. Для орнаментации характерно: 1) большая доля (32%) наколов без каких-либо сочетаний; 2) наличие валиковой посуды, причем валик обычно сочетается с жемчужником с разделителем. В равной степени присутствуют горизонтальные рассеченные валики и полукруглые (арочные) налепы; 3) нехарактерность «чистого» жемчужника и зубчатого штампа, суммарно составляющих 3% всей керамики; 4) абсолютное преобладание в орнаментации жемчужин, которые сочетаются с наколами, насечками, ногтевыми и уголковыми отпечатками, резными линиями и налепными валиками.

Наибольшую близость керамический комплекс Горного 3 обнаруживает с материалами раскопанного в 20 км ниже по Ише поселения Усть-Иша-4 (Абдулганеев М.Т., Скопинцева Г.В., 2000). Это касается, в первую очередь, орнаментации сосудов: большая доля наколов и наличие валиков. По этим же признакам оба памятника сходны с одной стороны с частью поселений точилинской группы северных предгорий, с другой – с пазырыкскими элекманарского типа Средней Катуни (Абдулганеев М.Т., Владимиров В.Н., 1997, с.52, рис.57; Шульга П.И., 1995, табл. I). Вероятнее всего, поселения Горный 3, Усть-Иша-4 и Точильное 3 следует считать пазырыкскими или пазырыкско-быстрянскими памятниками, расположенными в зоне контактов двух культурных образований.

Время этих контактов на поселенческих материалах определить достаточно сложно. Вместе с тем, находки с Горного 3 позволяют сделать предположение о достаточно позднем в рамках скифской эпохи, возрасте этих процессов. Косвенным свидетельством в пользу данного вывода является нетипичность для орнаментации посуды Горного 3 «чистого» жемчужника и большая доля наколов, что является поздними признаками (Абдулганеев М.Т., Владимиров В.Н., 1997, с.46-47). Находка на Горном 3 пяти железных ножей как будто свидетельствуют о том же. Подобные изделия ввиду неразработанности их типологии датируются достаточно широко. Время их основного распространения V-III вв. до н.э. при учете более раннего появления и более позднего исчезновения из употребления (Суразаков А.С., 1988, с.19, рис.3,13; Могильников В.А., 1997, рис.50). Вместе с тем, железные ножи с Горного 3 к ранним типам не относятся (см.: Шульга П.И., 2004, с.243-245). Сами же вещи для обитателей поселка особой ценности уже не представляли и были брошены или утеряны. Следует считать, что железо для насельников Иши в V-III вв. до н.э. было уже обычным материалом.

24. Поселение *Горный Елбан* занимает останец коренного берега Иши между ручьями Третья и Четвертая Таловки и находится в 2,5 км к ЮЮЗ от пос. Горный. В 2002 г. В западной части останца был заложен раскопок площадью 144 кв.м. Культурный слой оказался насыщен многочисленными и разнообразными находками: костями животных, в том числе резаными, фрагментами керамических сосудов и их скоплениями, шлаками, сплесками железа, изделиями из кости, железа, камня, их заготовками и обломками. В отдельных квадратах число находок достигало 200 на 1 кв.м, а их общее количество пре-

высило 20 000 экземпляров. В ходе раскопок были выявлены кострища, прокалы, хозяйственные ямы и часть постройки полуназемного типа с очагом. Судя по количеству и составу находок, раскопом частично исследован производственный комплекс, включавший косторезную мастерскую и остатки железодельного производства.

Костяные изделия представлены 19 наконечниками стрел и их обломками, подтрапиевидной в сечении тыльной накладкой на лук, рукоятями ножей или шильев, ложилами, стругами, а также заготовками этих изделий, «свистунков» для стрел, рукоятей, пряжек, гарпунов и т.д. (рис.5 – 5-7,12). Кроме того, найдены 23 орнаментированные таранные кости овцы, косули и благородного оленя (рис.5 – 13), одно целое орнаментированное керамическое пряслице (рис.5 – 14) и обломки еще четырех. Из камня изготовлены пест-дробильник и пест-молоточек, абразивы, обломки зернотерок и курантов. Изделия из железа представлены 4 плоскими листовидной формы, 5 бронебойными четырехугольными и округлыми в сечении и одним трехлопастным наконечниками стрел; 5 прямыми и одним изогнутым петельчатым ножами, шильями и долотовидными орудиями, фрагментом крупной панцирной пластины, многочисленными обломками неопределимых изделий (рис.5 – 8-11).

В отношении датировки поселения отдельные находки представляют особый интерес. В первую очередь, это накладка на лук. Подобные горноелбанской накладки появляются не ранее VII-VIII вв. н.э., а наибольшее распространение получают несколько позднее – в IX-XI вв. н.э. (Савинов Д.Г., 1981, рис.6; Худяков Ю.С., 1981, рис.3; 1986, рис.62,63,80). В конце I – начале II тыс. н.э. в Южной и на юге Западной Сибири увеличивается доля плоских и бронебойных наконечников стрел и уменьшается количество трехлопастных (Худяков Ю.С., 1991, с.122-124). Достаточно поздно – VIII-XII (XIV) вв. н.э. датируются железные ножи с упором у рукояти или с ее петлевидным окончанием (Соловьев А.И., 1991, рис.24; Беликова О.Б., 1996, рис.97; Ширин Ю.В., 2004, рис.13). В связи с этим, наиболее вероятной представляется датировка поселения Горный Елбан концом 1 – началом 2 тыс. н.э.

Основная часть находок с Горного Елбана представлена обломками керамических плоскодонных сосудов, которых найдено около 9800 экз. Несмотря на значительную фрагментарность керамики, часть сосудов реконструируется. По форме выделяются плоскодонные горшки, чаши и банки при преобладании двух первых, особенно горшков большого размера (рис.6). Срезы венчиков плоские или округлые, половина (учтен 361 экз.) имеют в верхней части кольцевые налесты, образующие «воротнички» и «валики». У части сосудов (9%) срезы орнаментированы ногтевыми и зубчатыми отпечатками, насечками и наколами. Большая часть сосудов затерта изнутри и орнаментирована только в верхней части в 1-4 строки. Преобладает ямочная орнаментация (68% всех венчиков), причем 44% венчиков украшена только ямками. На втором месте стоят ногтевые отпечатки (36%). Остальные орнаментальные мотивы (зубчатые отпечатки, резные линии, насечки, заглаженность) встречается реже. Орнаментальная композиция представляет собой горизонтальные ряды ямок, ногтевых отпечатков или защипов, полос резных линий или зубчатого штампа. Кольцевые налесты часто украшены резной сеткой, ногтевыми отпечатками, иногда – зубчатым штампом. Часть сосудов (2,5%) заглажена зубчатым инструментом, причем заглаженность имеет вид намеренной орнаментации («расчесы»). Все виды орнаментации сочетаются между собой, что свидетельствует в пользу одновременности всего керамического комплекса. Такой вывод подтверждается анализом состава формовочных масс и способов конструирования сосудов.

Полных аналогов керамическим комплексам не имеется. Ряд черт орнаментации (ямки, ногтевые и зубчатые отпечатки, резные линии, защипы, насечки) находят сходство с материалами памятников северных предгорий Алтая второй-третьей четверти 1 тыс. н.э.: городища Усть-Иша 3а, поселения Ушлеп 5 и, особенно, поселения Новозыково 3 (Казиков А.А., Демин М.А., 1992, с.71; Кунгуров А.Л., Горбунов В.В., 1993, рис.3-6; Абдулганеев М.Т., Степанова Н.Ф., Служак И.В., Чекрыжова О.И., 2001, рис.1). Однако на сосудах этих памятников отсутствует такая характерная деталь декора, как кольцевые налесты (валики, воротнички), типичные для целого ряда раннесредневековых культур Западной Сибири (Могильников В.А., 1987, табл. LXXIII-LXXV, LXXXVI, XCIV, XCV, CII; Чиндина Л.А., 1991, рис.6,7,17,18; Беликова О.Б., 1996, рис.94, с.61; Адамов А.А., 2000, рис.5,8,9,12, 24,55,57; Ширин Ю.В., 2004, рис.4-6). В связи с этим возможно поставить во-

прос о проживании в конце 1 – начале 2 тыс. н.э. на Северном Алтае и в его предгорьях особой культурной группы, отличной как от культур Верхней Оби, так и, вероятно, Горного Алтая. Помимо Горного Елбана, ее характеризуют материалы поселения Новозыково-3 и некоторые другие. Судя по керамическим комплексам, эта культурная группа генетически была связана с населением, оставившим городище Усть-Иша 3а и поселение Уш-леп 5.

В ходе исследований 2001-2002 гг., а также предыдущих лет были получены значительные и достаточно оригинальные скифского времени и эпохи раннего средневековья, позволяющие по-новому взглянуть на культурно-генетические процессы в регионе как во 2 пол 1 тыс. до н.э., так и во 2 пол. 1 тыс. н.э. Другим результатом работ стало выявление значительного количества ранее неизвестных памятников. Подобная концентрация поселенческих комплексов эпохи железа не наблюдается ни в одном из известных археологических микрорайонов Северного Алтая и его предгорий. Близки по насыщенности окрестности сел Майма на р.Катунь (Киреев С.М., 1988, рис.1), Малоугренево и Енисейское на р.Бия (Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Казаков А.А., 1992, с.7-8,105-108), Точильное на р.Песчаная (Абдулганеев М.Т., Шамшин А.Б., 1990), Победа на р.Чумыш (Кунгуров А.А., 1997), однако и там количество выявленных поселений эпохи железа меньше, а концентрация их ниже. Вероятно, в данной ситуации сказалось сочетание нескольких благоприятных факторов: удобство достижения из района с.Карагуж сразу трех географических зон (пойменная долина Катунь, остепненное увалистое Бие-Катунское междуречье и лесистые горы Северного Алтая), наличие в данном месте обширной поймы с лугами и кустарниковыми участками, а также относительная закрытость долины Иши от посторонних глаз хребтами Казырык и Тайнинский.

Литература

1. Абдулганеев М.Т. Разведки на Алтае // Археологические открытия 1984 года. – М., 1986. – С.165.
2. Абдулганеев М.Т. Валиковая керамика раннего железного века в северных предгорьях Алтая // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. – Барнаул, 1994. – С.106-109.
3. Абдулганеев М.Т. Поселение Майма 1 и культурно-хронологическая атрибуция земледельческих поселений Горного Алтая // Древние поселения Алтая. – Барнаул, 1998. – С.165-171.
4. Абдулганеев М.Т. Могильник Горный 10 – памятник древнетюркской эпохи в северных предгорьях Алтая // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. – Томск, 2001а. – С.128-130.
5. Абдулганеев М.Т. Раскопки в предгорном и лесостепном Алтае // Археологические открытия 2000 года. – М., 2001б. – С.193,196.
6. Абдулганеев М.Т. Аварийные раскопки в предгорьях Алтая // Археологические раскопки в предгорьях Алтая // Археологические открытия 2001 года. – М., 2002. – С.376-377.
7. Абдулганеев М.Т., Владимиров В.Н. Типология поселений Алтая VI-II вв.до н.э. – Барнаул, 1997. – 147 с.
8. Абдулганеев М.Т., Семибратов В.П., Папин Д.В. Картографирование археологических памятников Красногорского района // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул, 1998. – Вып.IX. – С.157-162.
9. Абдулганеев М.Т., Скопинцева Г.В. Поселение Усть-Иша 4 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул, 2000. – Вып.XI. – С.188-191.
10. Абдулганеев М.Т., Степанова Н.Ф. Исследования на могильнике Горный 10 (Северный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2001. – Том VII. – С.216-219.
11. Абдулганеев М.Т., Степанова Н.Ф. Раскопки у пос.Горный на Северном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2002. – Том VIII. – С.220-223.
12. Абдулганеев М.Т., Степанова Н.Ф., Служак И.В., Чекрыжова О.И. Раскопки аварийных памятников на р.Иша // Охрана и использование культурного наследия Алтайского края. – Барнаул, 2001. – Вып.XII. – С.91-95.

13. Абдулганеев М.Т., Шамшин А.Б. Аварийные раскопки у с.Точильное // Охрана и использование археологических памятников Алтая. – Барнаул, 1990. – С.104-108.
14. Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X-XIV вв. – Тобольск-Омск, 2000. – 256 с.
15. Беликова О.Б. Среднее Причумырье в X-XIV вв. – Томск, 1996. – 271 с.
16. Бутвиловский В.В. Палеогеография позднего оледенения и голоцена Алтая: событийно-катастрофическая модель. – Томск, 1993. – 243 с.
17. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с.Большая Речка. МИА. – М.-Л., 1956. – №48. – 225 с.
18. Казаков А.А., Демин М.А. Аварийные работы в Красногорском районе // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. – Горно-Алтайск, 1992. – С.70-71.
19. Киреев С.М. Майминский археологический комплекс // Проблемы изучения древней культуры Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1988. – С.162-182.
20. Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Казаков А.А. Город Бийск. Бийский район. Памятники археологии // Бийск. Бийский район. Памятники истории и культуры. – Бийск, 1992. – С.7-47,100-114.
21. Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. – Новосибирск, 1987. – 301 с.
22. Кунгуров А.Л. Памятники железного века Верхнего Причумырья (по материалам краеведческого музея с.Победа) // Алтайский сборник. – Барнаул, 1997. – Вып.ХVII. – С.221-240.
23. Кунгуров А.Л., Горбунов В.В. Средневековое поселение Ушлеп 5 // Культура древних народов Южной Сибири. – Барнаул, 1993. – С.99-107.
24. Лапшин Б.И. Археологические находки в предгорьях Алтая // Археологические открытия 1977 года. – М., 1978. – С.247-248.
25. Могильников В.А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Археология СССР. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. – М., 1987. – С.163-235, 315-351.
26. Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине 1 тысячелетия до н.э. – М., 1997. – 196 с.
27. Плетнева С.А. Салтово-маяцкая культура // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. – М., 1981. – С.62-75, 148-164.
28. Пугачев Д.А. Разведка в Красногорском районе Алтайского края // Археологические открытия 2001 года. – М., 2002. – С.464-465.
29. Савинов Д.Г. Новые материалы по истории сложного лука и некоторые вопросы его эволюции в Южной Сибири // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1981. – С.146-162.
30. Скопинцева Г.В. Новые памятники первой половины I тыс.н.э. в предгорьях Алтая // Культура древних народов Южной Сибири. – Барнаул, 1993. – С.62-71.
31. Соловьев А.И. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха средневековья. – Новосибирск, 1987. – 193 С.
32. Степанова Н.Ф., Абдулганеев М.Т. Раскопки на Северном Алтае // Археологические открытия 2002 года. – М., 2003. – С.407-408.
33. Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. – Горно-Алтайск, 1988. – 215 с.
34. Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск, 1979. – 124 С.
35. Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск, 1998. – 150 с.
36. Худяков Ю.С. Вооружение кочевников приалтайских степей в IX-X вв. // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1981. – С.115-132.
37. Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1986. – 268 с.
38. Худяков Ю.С. Вооружение центрально-азиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. – Новосибирск 1991. – 189 С.
39. Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья. – Томск, 1991. – 181 С.
40. Ширин Ю.В. Городище Городок и его окрестности в древности // Кузнецкая старина. – Новокузнецк, 2004. – Вып.6. – С.69-112.

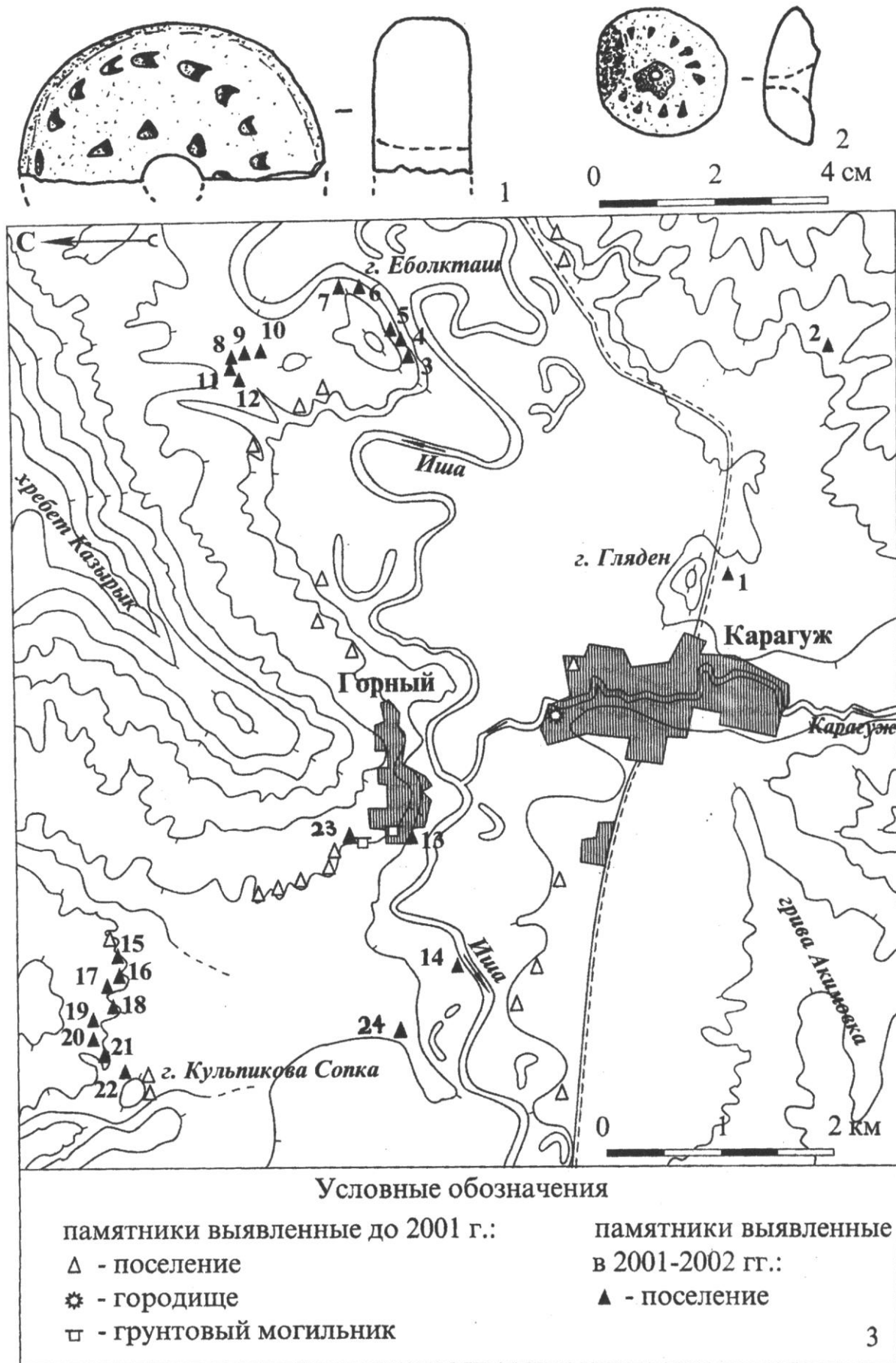

Рис.1

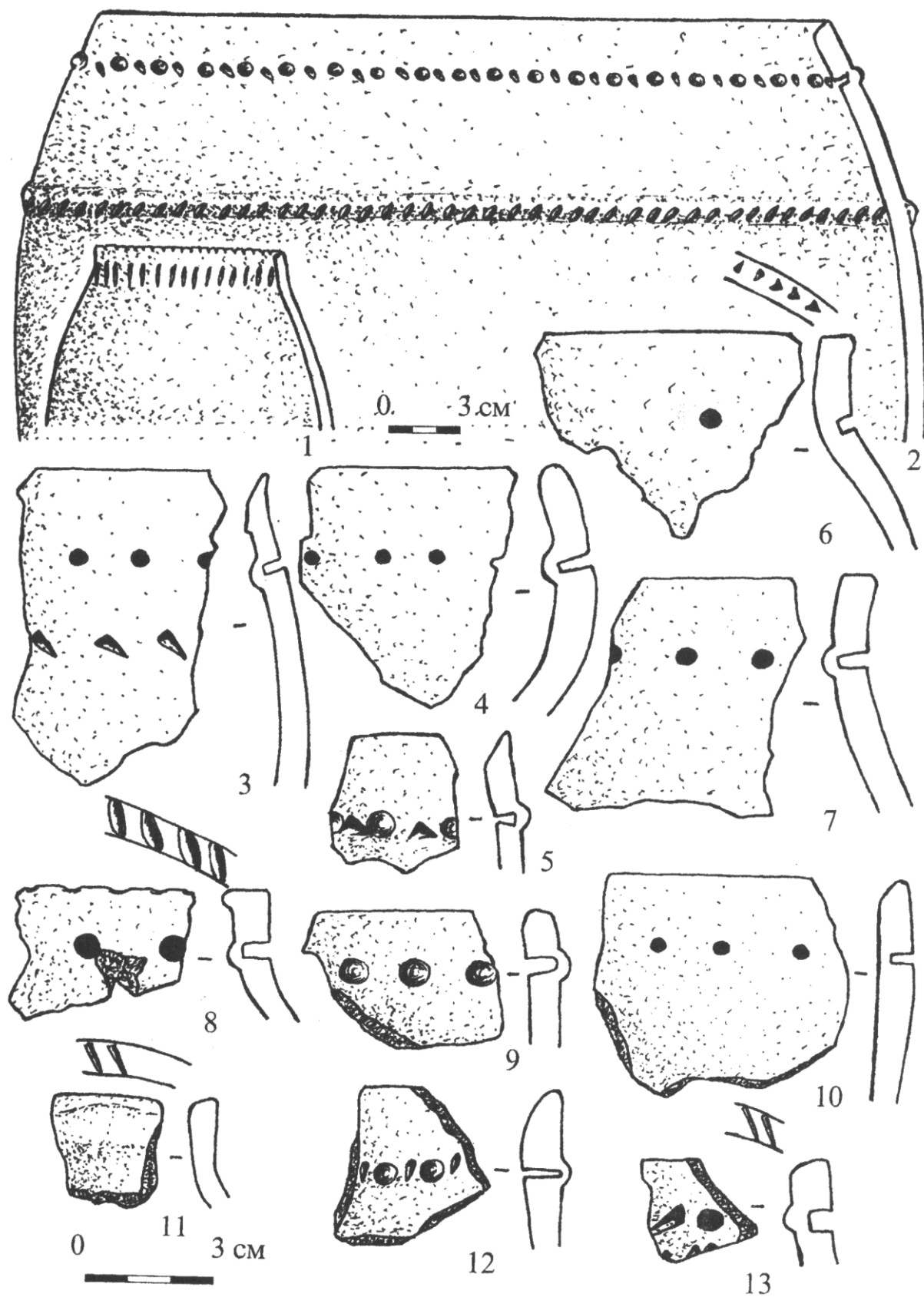

Рис.2

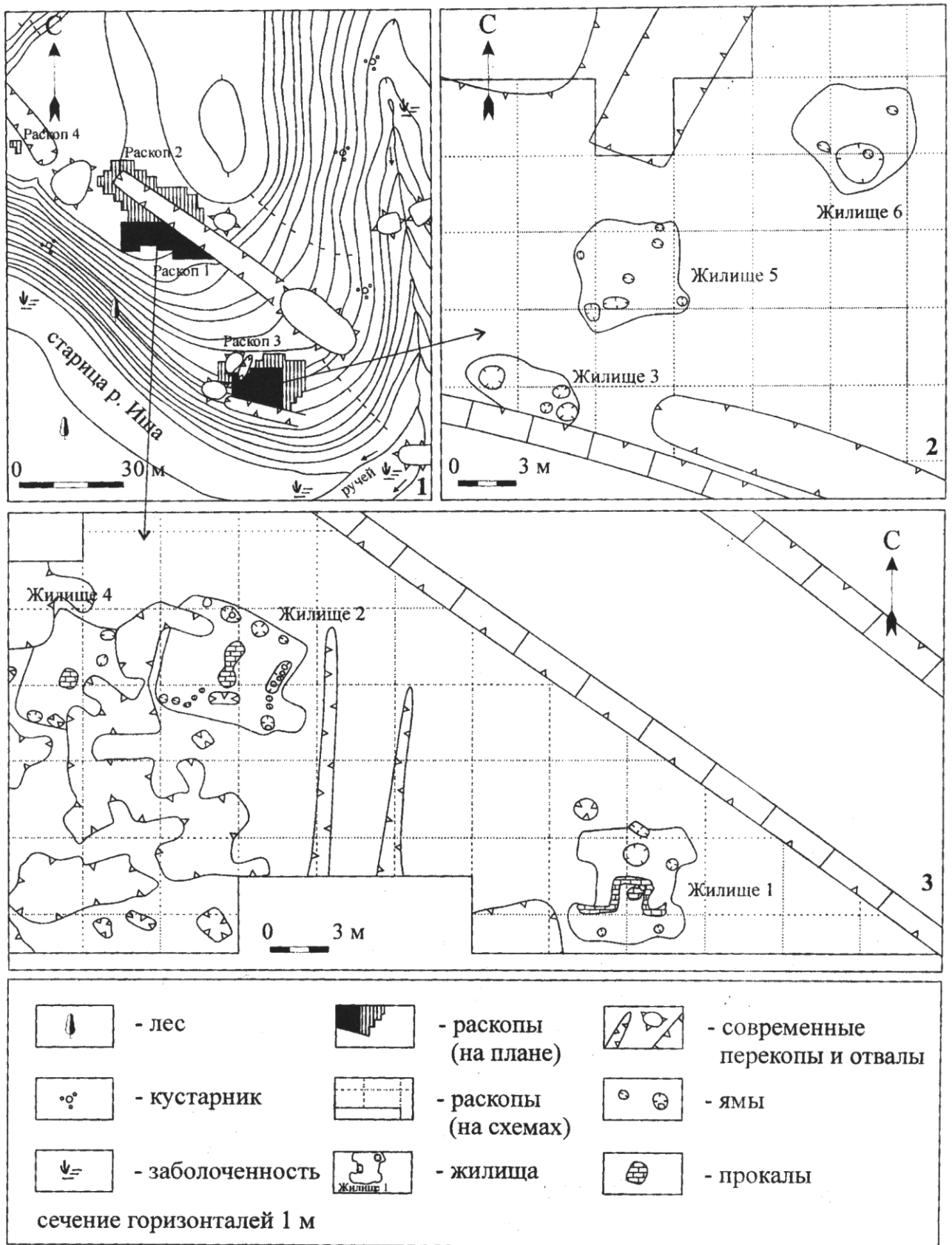

Рис.3

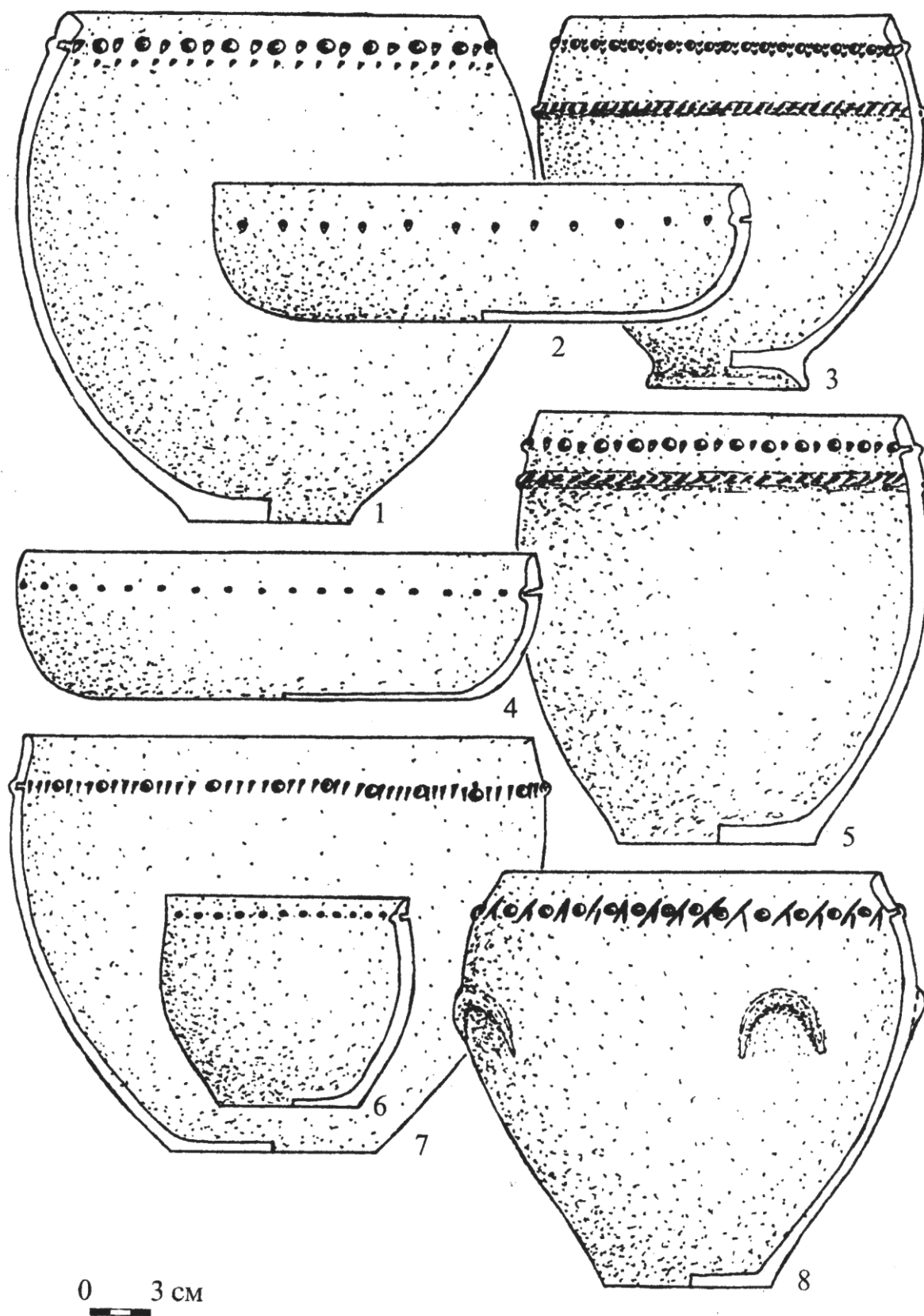

Рис.4

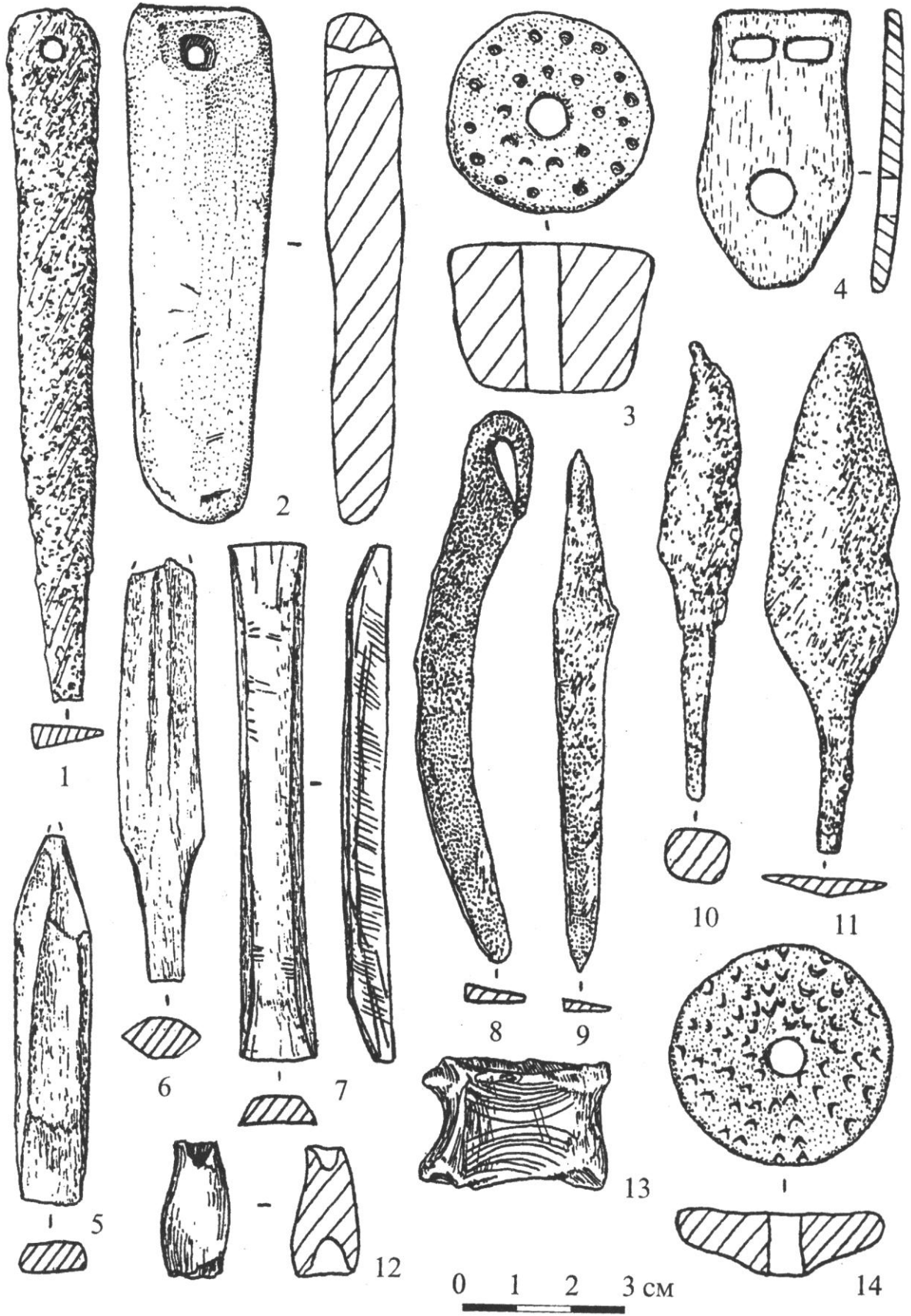

Рис.5

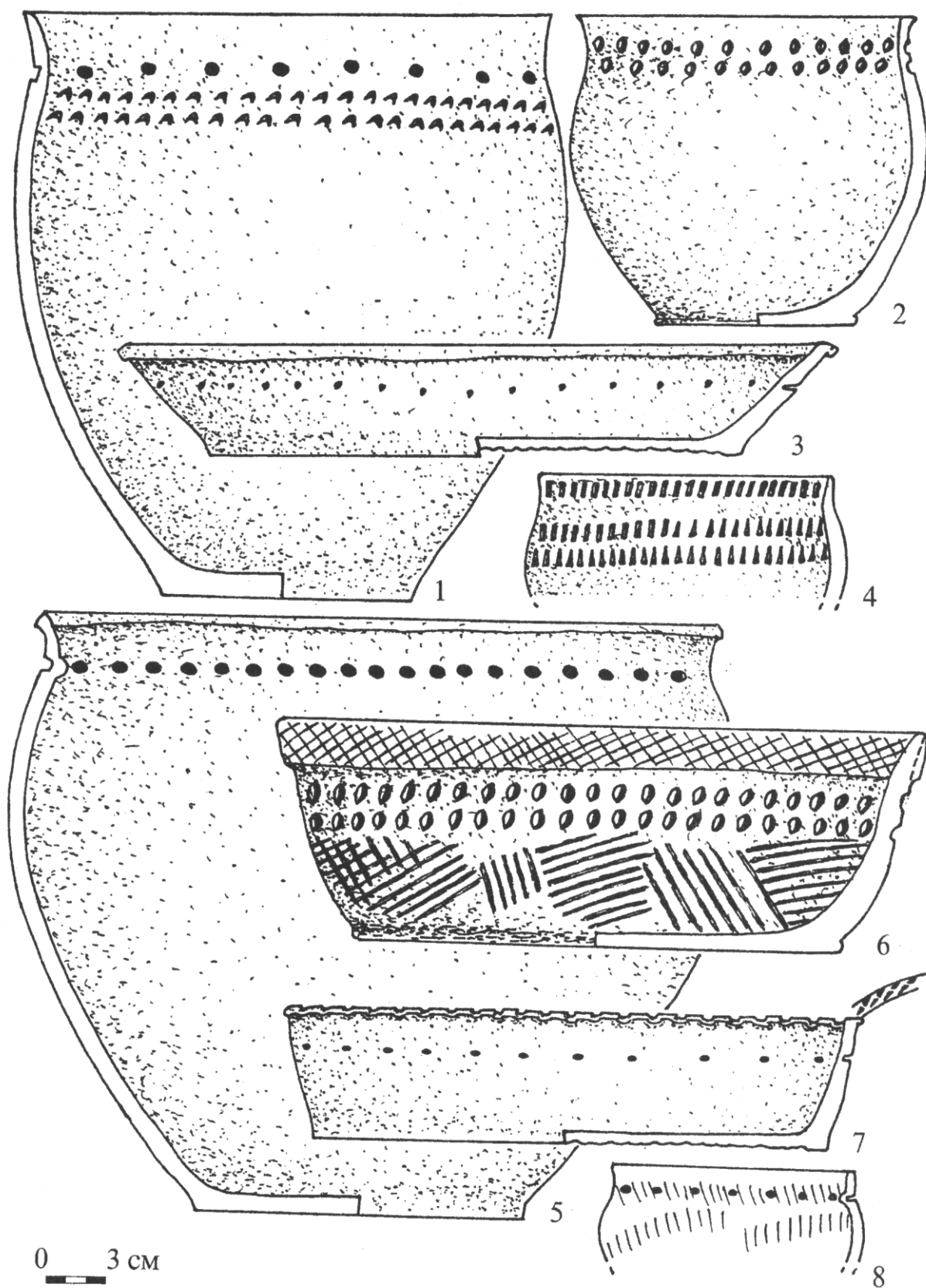

Рис.6

41. Шульга П.И. Поселение Элекмонар-4 на Средней Катуни // Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 1995. – Вып.1. – С.59-75.
42. Шульга П.И. Датировка ранних памятников каменной культуры // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. – Барнаул, 2004. – С.236-246.

**Список иллюстраций к статье
Абдулганеева М.Т., Пугачева Д.А., Степановой Н.Ф.**

- Рис.1. Керамические пряслица с поселений Горный 11 (1) и 12 (2). Схема расположения археологических памятников у сел Карагуж и Горный (3).
- Рис.2. Керамика поселений Горный 11 (2-5), 12 (1,6,7), Еболкташ 1 (13), 2 (9,10), 3 (8), Кульпикова Сопка 1 (11) и 3 (12).
- Рис.3. План поселения Горный 3 (1). Схемы расположения жилищ на раскопах № 1 (3) и № 3 (2).
- Рис.4. Поселение Горный 3. Керамические сосуды из жилищ № 2 (1-3,5) и № 5 (4,6-8).
- Рис.5. Изделия из железа (1,8-11), камня (2), керамики (3,14) и кости (4-7,12,13) с поселений Горный 3 (1-4) и Горный Елбан (5-14).
- Рис.6. Керамические сосуды с поселения Горный Елбан.

Соёнов В.И.
(г.Горно-Алтайск)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ЧОЙСКОГО РАЙОНА РА

Чойский район является самым малоизученным районом Республики Алтай в археологическом отношении. Это обусловлено спецификой его территории: современная ландшафтная структура Чойского района характеризуется преимущественно слаборасчленёнными пологосклонными низкогорьями с густыми черневыми (осиново-пихтовыми), осиновыми и сосново-берёзовыми лесами (около 70 %); гидроморфными горнодолинными комплексами (около 4,3 %) и участками среднегорий с тёмнохвойными лесами, начинающиеся с высоты 1200-1300 метров (Маринин А.М., Самойлова Г.С., 1987, с. 92-93).

Первые литературные сведения об археологических памятниках Чойского района относятся к началу 80-х годов прошлого века. Но детальные археологические исследования в Чойском районе до сих пор не производились, хотя, несомненно, весь участок, ограниченный границами современной административно-территориальной единицы района, был заселён людьми с самых древнейших времён. Об этом свидетельствуют памятники, известные к настоящему времени (рис.1).

Первый и Второй Уйменские гроты.

Местными охотниками в двух гротах близ впадения р.Ложи в р.Уймен найдены «керамика, костяные части луков и другие предметы», которые были переданы в Институт истории, философии и филологии Сибирского Отделения Академии Наук СССР. Гроты были условно названы Первый и Второй Уйменские (Вистингаузен В.К., 1982, с.150). Точное местонахождение гротов неизвестно. Материалы не опубликованы.

Местонахождение каменного века Нырна.

В 1993 г. в ходе исследований в зоне предполагаемого затопления Уйменской ГЭС нами было обнаружено местонахождение каменного века в 10 км южнее с.Уймень на мысу правого берега р.Нырна около её устья. Большая часть местонахождения оказалась разрушенной при взрывных работах в ходе строительства дороги. На оставшейся части памятника нами были заложены траншея и два шурфа. В ходе раскопочных работ в слое 2 траншеи №1 зафиксирована кладка из камней. Коллекция каменного инвентаря из рас-

копов представлена отщепами, пластинами, нуклеусом, заготовкой орудия, резцами, колотыми гальками. При изготовлении орудий использовались кварц, яшма, глинистый сланец, мергель, кремнь, габбо (определения Л.Н.Сыркашевой). В траншее №1 обнаружен деревянный предмет, имеющий позднее происхождение.

Судя по наблюдениям, сделанным в ходе раскопочных работ, а также типологическому и стратиграфическому анализу, местонахождение Нырна относится к кратковременным стоянкам Горного Алтая периода верхнего палеолита. На это указывают отсутствие микролитического каменного инвентаря, характерного для мезолита-неолита; отсутствие керамики; залегание находок непосредственно над материком в слое суглинка; а также типологический состав инвентаря наиболее характерный для верхнепалеолитических памятников. Материалы исследований не опубликованы.

Местонахождение каменного века Ынырга I.

В 1998 году в ходе разведочных работ нами обнаружено местонахождение каменного века Ынырга I. Оно расположено на северо-западной окраине одноимённого села Чойского района на левом берегу р.Ынырга около въезда в село. При обследовании склона, по которому проходит грунтовая дорога, в обнажениях собрана коллекция каменного инвентаря, включающая три отщеп и два орудия на отщепах из кремневых глинистых сланцев и халцедона (определения к.г.-м.н. А.В.Шитова), характерные для позднего палеолита. Материалы сборов опубликованы (Чевалков Л.М., Соёнов В.И., 2002, с.13-16).

Местонахождение каменного века Ынырга II.

В 1998 году в ходе разведочных работ нами обнаружено местонахождение каменного века Ынырга II. Оно расположено в 1,2 км к северо-западу от местонахождения Ынырга I на мысу левобережья р.Ынырга около устья р.Сёйка. При обследовании старых грунтовых дорог, проложенных через мыс нами обнаружены отщеп и нуклеус из кремневых глинистых сланцев (определения к.г.-м.н. А.В.Шитова), характерные для позднего палеолита. Материалы сборов опубликованы (Чевалков Л.М., Соёнов В.И., 2002, с.13-16).

Таким образом, территория Чойского района слабо исследована археологическими экспедициями из-за труднодоступности, обусловленной главным образом густым лесным покровом. В связи с этим к настоящему времени обнаружено всего лишь несколько археологических объектов. Между тем существует необходимость более детального археологического обследования района, поскольку хозяйственная, строительная и прочая деятельность, связанная с земляными работами создаёт угрозу разрушения ещё не открытых памятников археологии. Обследование наиболее осваиваемых участков территории Чойского района необходимо включить в перечень плановых работ Агентства по культурно-историческому наследию Республики Алтай. Археологические разведки, планомерно проведённые в районе, не только позволят выявить новые археологические объекты, но и дадут возможность усовершенствования методов поиска и исследования памятников Чои. Методы поиска, используемые сегодня на территории других районов РА, отличаются из-за различий в ландшафтной структуре районов и не могут быть достаточно эффективными для археологического поиска в Чойском районе.

Литература

1. Вистингаузен В.К. Спелеоархеология Алтая // Археология и этнография Алтая. – Барнаул, 1982. – С.137-156.
2. Маринин А.М., Самойлова Г.С. Физическая география Горного Алтая. – Барнаул, 1987. – 109 с.
3. Чевалков Л.М., Соёнов В.И. Два местонахождения с каменным инвентарем на северо-востоке Алтая // Древности Алтая. – Горно-Алтайск, 2002. – №8. – С.13-16.

Подпись иллюстрации к статье Соёнова В.И.

Рис.1 Местонахождение археологических памятников Чойского района.

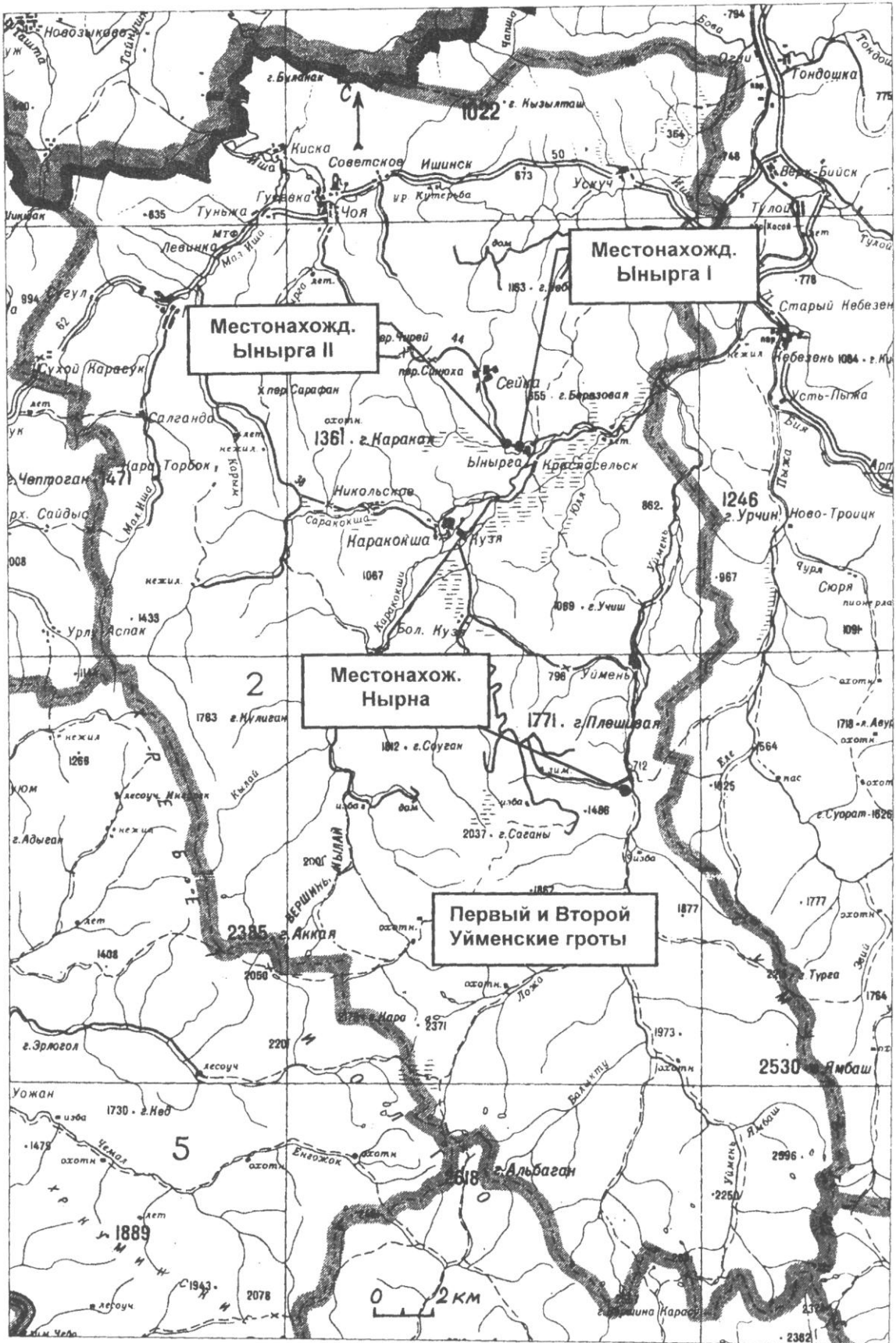

Рис. 1.

Трифанова С.В.
(г.Горно-Алтайск)

МАТЕРИАЛЫ К АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЕ КОШ-АГАЧСКОГО, ОНГУДАЙСКОГО И УЛАГАНСКОГО РАЙОНОВ РА

В полевые сезоны 2002-2004 годов в рамках археологической экспедиции Горно-Алтайского государственного университета нами были произведены разведочные работы в Онгудайском, Улаганском, Кош-Агачском районах Республики Алтай. Основной целью разведок был поиск и первоначальное изучение памятников для выявления закономерностей и особенностей формирования погребально-поминальных комплексов, а также их пространственно-территориальной организации.

В Кош-Агачском районе были обследованы четыре могильника, расположенные на правобережной террасе реки Чаган-Узун к востоку от с. Бельтир.

Могильник Бельтир I расположен в 0,35 км к востоку от окраины с.Бельтир на правобережной надпойменной террасе в 0,5 км к юго-востоку от р. Чаган-Узун. Географические координаты памятника по GPS-приемнику GARMIN-12: N 49° 98' 08,6"; E 88° 18' 76,5". Могильник включает шесть курганов и один балбал. Четыре кургана образуют цепочку, ориентированную СВ-ЮЗ с небольшими отклонениями (№№1, 2, 3, 4). Курган №5 находится в 35 м к западу от цепочки, а курган №6 – в 48 м к востоку. С восточной стороны кургана №5 на расстоянии 1 м расположены три камня. Диаметр курганов 2-12 м, высота 0,1-0,8 м (рис.1).

Могильник Бельтир II расположен в 0,65 км к востоку от окраины с.Бельтир на правобережной надпойменной террасе в 0,6 км к юго-востоку от р. Чаган-Узун. Географические координаты памятника по GPS-приемнику GARMIN-12: N 49° 98' 14,8"; E 88° 19' 0,51". Могильник включает керексур и два кургана, расположенных без определенного порядка. Диаметр курганов 5-10 м, высота 0,3-0,8 м. Керексур округлой формы диаметр внешнего кольца 20 м, внутреннего 8 м, высота 1 м (рис.2).

Могильник Бельтир III расположен в 1,85 км к востоку от окраины с.Бельтир на правобережной надпойменной террасе в 1 км к юго-востоку от р. Чаган-Узун. Географические координаты памятника по GPS-приемнику GARMIN-12: N 49° 98' 6,50"; E 88° 20' 4,40". Могильник включает семь объектов, составляющих две цепочки ориентированные с севера на юг с небольшими отклонениями. Диаметр курганов 3-10 м, высота 0,2-0,4 м (рис.3). Одна цепочка состоит из трех курганов и керексура. У кургана №1 в 1 м к западу расположены две каменные выкладки округлой формы. У курганов №2, 4 – по одной выкладке в 1 м к востоку. Керексур округлой формы, диаметр внешнего кольца 20 м, внутреннего – 8 м, высота – 0,5 м. С восточной стороны от него имеются две каменные выкладки округлой формы и одна – подквадратной формы. Другая цепочка состоит из трех курганов диаметром 5-10 м, высотой 0,2-0,4 м. У кургана №6 с северо-восточной стороны имеется два балбала.

Могильник Бельтир IV расположен в 2,45 км к востоку от окраины с.Бельтир на правобережной надпойменной террасе в 1 км к юго-востоку от р.Чаган-Узун. Географические координаты памятника по GPS-приемнику GARMIN-12: N 49° 98' 7,38"; E 88° 21' 1,38". Могильник состоит из двух объектов: курган и керексур. Диаметр кургана 5 м, высота 0,1 м. На расстоянии 2 м к юго-востоку от него расположена округлая каменная выкладка. Керексур округлой формы. Диаметр внешнего кольца 20 м, внутреннего – 10 м, высота 0,5 м (рис.4).

В Онгудайском районе обследованы четыре могильника, расположенные в долине рек Урсул и Катунь.

Могильник Онгудай VIII – расположен в 3,7 км к северо-западу от центра с.Онгудай, в 0,27 км к северо-востоку от реки Урсул на левом берегу. Географические координаты памятника по GPS-приемнику: N 50° 46' 06,5"; E 086° 05' 43,0". Могильник расположен на юго-западном склоне останца, находящегося в 40 м к северо-западу от Чуйского тракта (дорога Новосибирск-Ташанта). Памятник включает 7 визуально фиксируемых объектов,

составляющих две цепочки. Первая цепочка, ориентированная по линии С-Ю, включает четыре кургана, вторая цепочка, ориентированная по линии СВ-ЮЗ, включает три кургана. Диаметр курганов 3-10 м, высота 0,2-0,4 м (рис.5).

Могильник Чуй-Оозы расположен в 7,3 км от центра с.Иня, на правобережной террасе рек Чуя и Катунь, в 0,15 км к северо-востоку от места слияния рек Чуи и Катунь и на расстоянии 0,3 км к югу от Чуйского тракта (дорога Новосибирск-Ташанта). Географические координаты по GPS-приемнику: N 50° 23' 42"; E 086° 40' 27". Состоит из 24 визуально фиксируемых объектов: 22 курганов, 2 каменных выкладок. Могильник не имеет строгой планировки, но можно проследить цепочки из нескольких курганов, расположенных по линии С-Ю с разными отклонениями. Насыпи погребальных сооружений имеют различную форму: восемь курганов овальной формы, ориентированные длинной осью по линии СЗ-ЮВ; четырнадцать курганов округлой формы диаметром от 2 до 15 м (рис.6). В 20 м к востоку от могильника сооружена «смотровая площадка» (площадь размером 60x50 м засыпана гравием). В связи с несанкционированной организацией туристических стоянок камни из насыпей курганов используются для костровищ, укрепления стенок палаток и пр.

Могильник Шанжарой расположен в 1,5 км к северо-востоку от центра с.Теньга, в 0,7 км к северу от реки Урсул на левом берегу, в 1,8 км к северо-востоку от слияния рек Урсул и Теньга в урочище Шанжарой. Географические координаты памятника по GPS-приемнику: h – 1029 м; N – 50°51'08,1"; E – 085°40'42,6". Памятник включает пять визуально фиксируемых объекта, расположенные без определенного порядка. Диаметр курганов 3-8 м, высота 0,1-0,4 м (рис.7).

С середины 1970-х до 1990 годов археологическими экспедициями АлтГУ были исследованы памятники расположенные к ЮЗ от с.Теньга. Они были названы Теньга I-IV, в число этих могильников вошли объекты различных исторических периодов (ограды-кольца, оградки-кромлехи, курганы) (Степанова Н.Ф., Цыб С.В., 1996, с. 59-64; Степанова Н.Ф., Владимиров В.Н., Цыб С.В., 2005, с. 20-35.). При исследовании территории к востоку от с.Теньга, мы продолжили имеющуюся нумерацию археологических объектов, в связи с чем обнаруженные памятники получили названия Теньга V-VI.

Могильник Теньга V находится в 1 км к востоку от центра с.Теньга, в 0,2 км к северу от р.Урсул на левом берегу, в 1,4 км к северо-востоку от слияния рек Урсул и Теньга. Географические координаты памятника по GPS-приемнику: h – 953 м; N – 50°50'31,1"; E – 085°40'42,2". Могильник включает 31 визуально фиксируемый объект. 28 из них курганы (4 кургана с балбалми), 3 – каменные выкладки. Диаметр курганов 2-30 м, высота 0,1-1 м (рис.8). В 10 м к востоку от кургана №11 имеется два ряда балбалов высотой 1,3-2 м. Курган №30 земляной с плоской насыпью.

Могильник Теньга VI расположен в 1,4 км к востоку от центра с.Теньга, в 0,25 км к северу от р.Урсул на левом берегу, в 1,9 км от слияния рек Урсул и Теньга. Географические координаты памятника по GPS-приемнику: h – 972 м; N – 50°50'35,9"; E – 085°40'46,8". Памятник включает 18 визуально фиксируемых объекта. 13 из них курганы (4 кургана с балбалми), 2 – каменные выкладки, 3 – каменные оградки. Диаметр курганов 3-10 м, высота 0,2-0,5 м. Курганы № 6, 8 с западной стороны имеют балбалы, у кургана 11 балбалы расположены с восточной стороны. Каменные оградки квадратной и округлой формы небольших размеров от 1x1 м до 2x2 м. Древнетюркские оградки подквадратной формы 2,5x2,5 м. Оградки №16, 17 соприкасаются друг с другом, оградка №18 подверглась разрушению при строительстве силосной ямы. Сохранилась ее северная часть (рис.9).

Поселение Озерное расположено в 0,8 км к северо-западу от центра с.Озерное на седловине между двумя бомами, в 0,5 км к юго-востоку от истока р.Теньга. Географические координаты памятника по GPS-приемнику: h – 1143 м; N – 50°54'58,0"; E – 085°34'27,8". По поселению проходят колеи грунтовых дорог. В ходе осмотра седловины были обнаружены фрагменты красновато-коричневой лепной керамики, представляющие собой фрагменты стенок сосудов: два небольших фрагмента не орнаментированы, два других – украшены качалкой, нанесенной штампом с очень мелкими зубцами (рис.10, 11).

В Улаганском районе в долине реки Чулышман обследован один могильник.

Могильник Кара-Суу находится в 30 км к юго-востоку от с.Коо на правобережной террасе р.Чулышман, в 0,445 км к югу. Географические координаты памятника по GPS-

приемнику: N 50° 23' 42"; E 086° 40' 27". Могильник, включает 50 визуально фиксируемых объектов: 5 – каменных выкладок; 45 – курганов. В целом могильник не имеет строгой планировки, но можно проследить цепочки из нескольких курганов, расположенных по линии С-Ю с разными отклонениями. В юго-восточной части могильника расположен большой плоский камень площадью 6 м², с юго-западной стороны к нему примыкает каменная выкладка дугообразной формы длиной 16 м, внутри которой имеется еще одна дугообразная выкладка, меньших размеров, длиной 8 м. В 1 м к северо-востоку от выкладки находится курган №1. Размеры курганов различные. Четыре кургана с овальной каменной насыпью размерами от 1х2 до 2х3 м (№24, 41, 46, 47), большая часть курганов округлой формы диаметром 2-9 м, высотой 0,1х0,5 м. Курганы, расположенные в центральной части могильника имеют западины в центральной части (№№18-10, 12-19, 23, 25-30, 32-36). Каменная выкладка, расположенная в центральной части могильника подквадратной формы размером 6х7 м. Курган №7 с земляной насыпью. Могильник обнаружить сложно, т.к. он с юго-западной стороны огражден своеобразной стеной из больших камней (рис.12).

Таким образом, в результате археологических разведок в Кош-Агачском районе обнаружены четыре могильника, в Онгудайском районе – пять могильников и одно поселение, а в Улаганском районе – один могильник.

Памятники, обнаруженные в окрестностях села Белтир Кош-Агачского района, разные по хронологической и культурной принадлежности. По внешним признакам их предварительно можно датировать следующим образом: Белтир I, Белтир III (№№1, 2, 4, 5) относятся к эпохе раннего железа; Белтир II, Белтир III (№3), Белтир IV – к эпохе поздней бронзы. По функциональному назначению объекты имеют погребальный, поминальный и ритуальный характер.

По внешним признакам сооружений можно предположить, что могильники Чуй-Оозы, Кара-Суу включают объекты I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. Могильник Чуй-Оозы и Кара-Суу, расположены на высоких террасах. Несмотря на то, что могильники не имеют строгой общей планировки, в их внутренней топографии можно наметить определенную систему, выраженную в расположении курганов обособленными группами. В группах объекты располагаются компактно, иногда, даже вплотную друг к другу. Внутри групп можно проследить цепочки из нескольких курганов, расположенных по линии С-Ю с различными отклонениями. Также можно отметить наличие групп с большим курганом и окружающими его меньшими (Чуй-Оозы №№8, 9, 11, 12, 13, 14, 15; Кара-Суу №№13, 14, 16; №№23, 24, 25, 26, 27, 28, 29; №№34, 35, 36) и групп с однотипными небольшими курганами (Чуй-Оозы №№16, 15, 16, 17, 18, 19; Кара-Суу №№43, 44, 45). В межкурганном пространстве могильников обнаружены жертвенные или поминальные каменные выкладки.

Могильники, расположенные в долине реки Усурул в окрестностях с.Теньга предварительно можно датировать следующим образом: могильники Теньга V, VI включают объекты эпохи раннего железа и древнетюркского времени; могильник Шанжарой – объекты раннего железа. Датировка поселения Озерное затруднена. По внешнему виду керамики его предположительно можно отнести к эпохе бронзы.

Подводя итог, необходимо отметить, что обследованные нами памятники пополняют свод археологических памятников Республики Алтай. Это, в свою очередь, будет способствовать обеспечению планирования хозяйственных и строительных работ, организации туристических маршрутов и баз, а также выработке наиболее актуальных направлений археологических исследований, что позволит спасти от разрушения памятники культурного наследия.

Литература

1. Степанова Н.Ф., Владимиров В.Н., Цыб С.В. Археологические памятники у с.Ело в Центральном Алтае // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск, 2005. – С.20-35.
2. Степанова Н.Ф., Цыб С.В. Погребение эпохи бронзы у с.Кара-Коба // Археология, антропология и этнография Сибири. – Барнаул, 1996. – С.59-63.

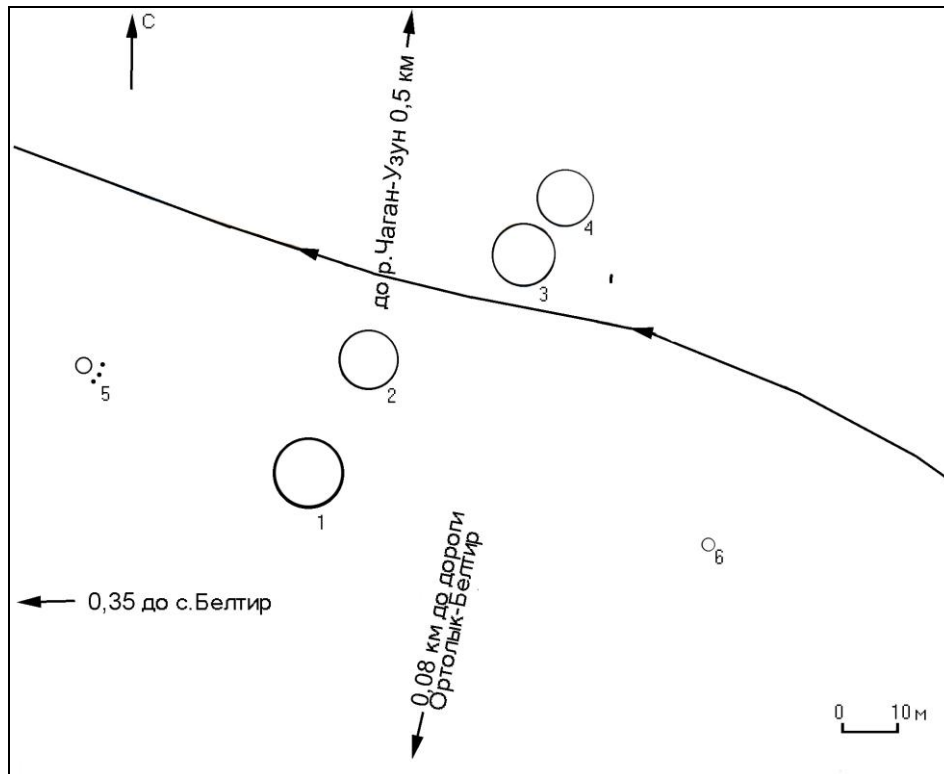

Рис.1

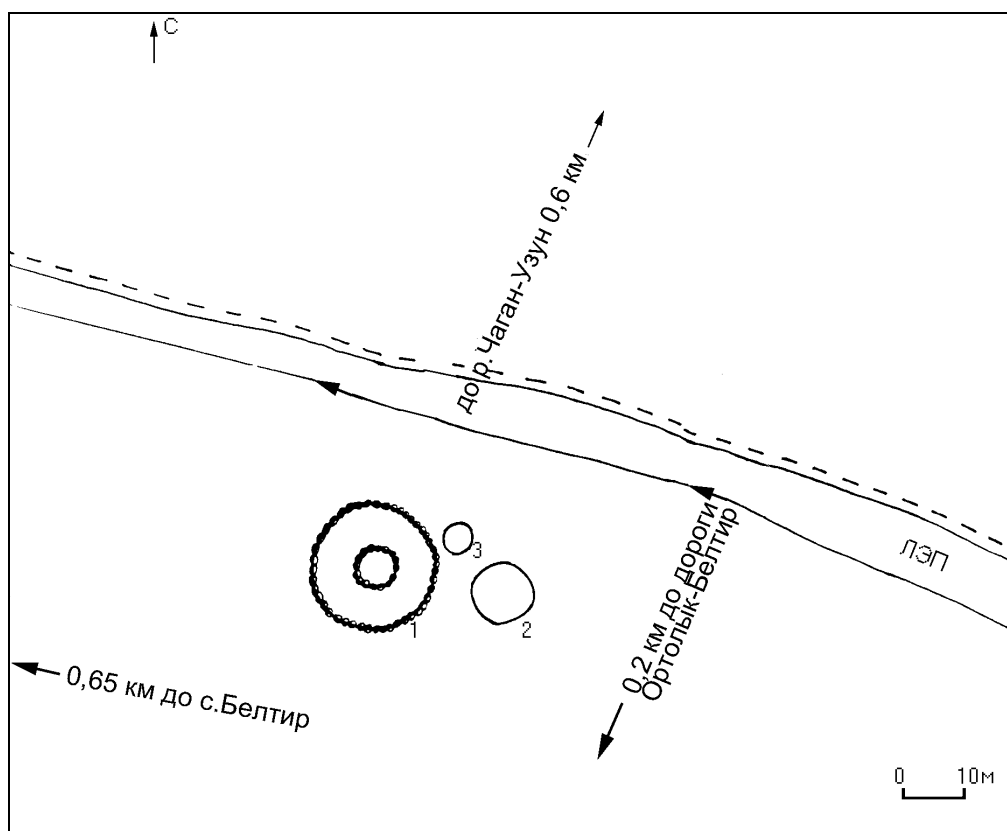

Рис.2

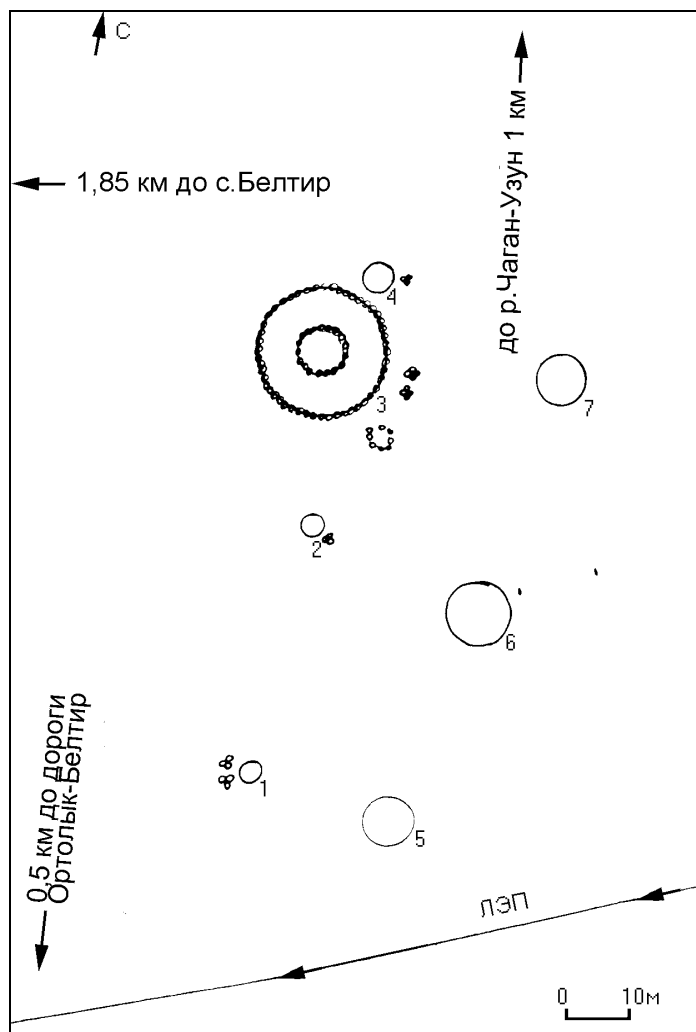

Рис.3

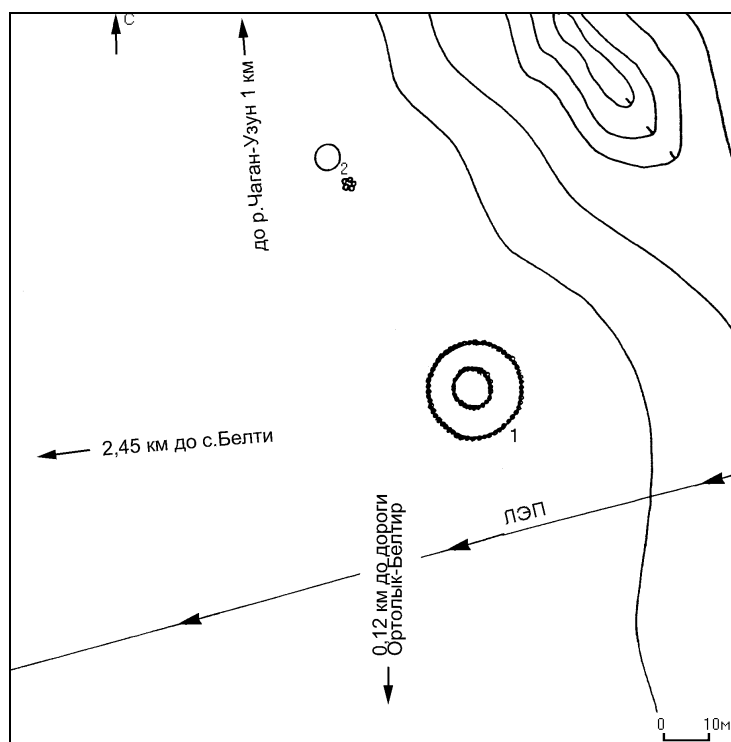

Рис.4

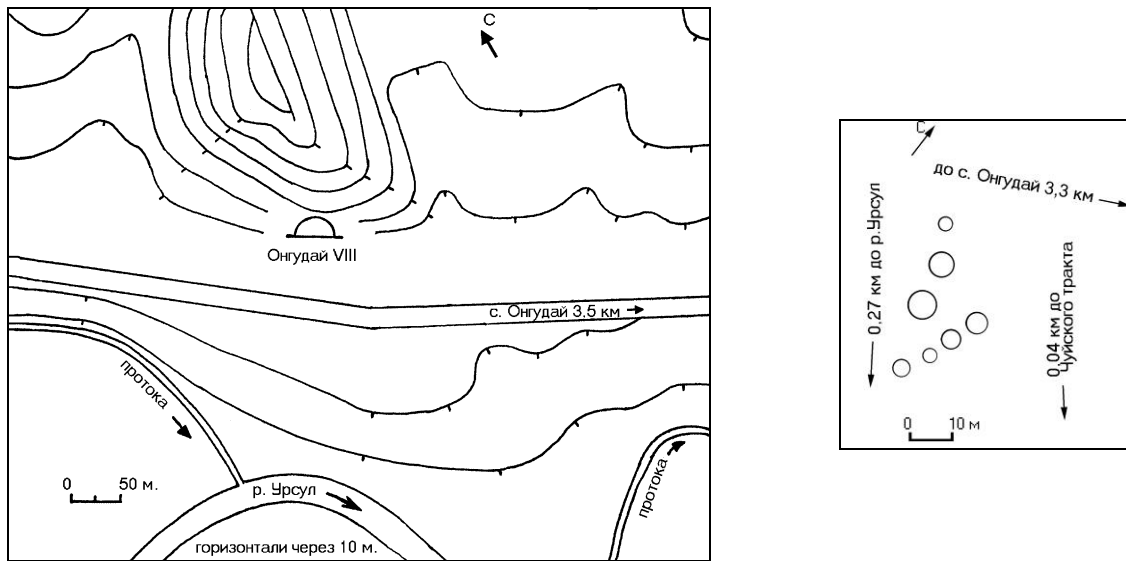

Рис.5

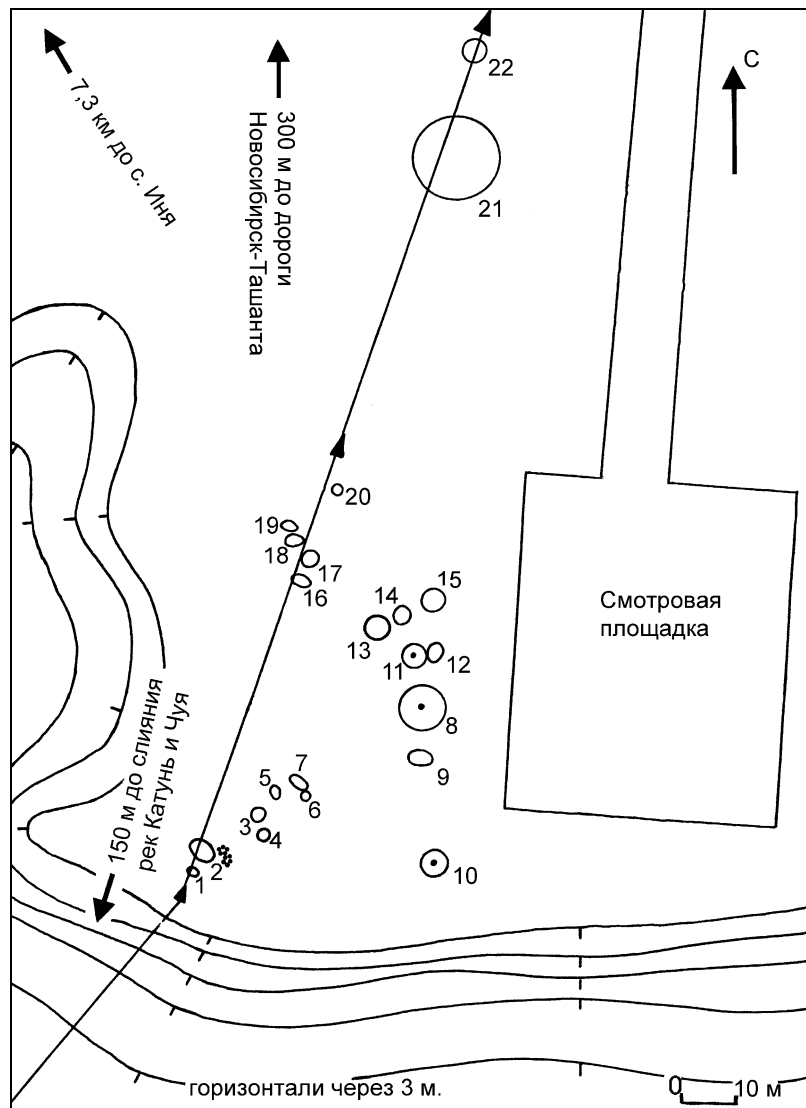

Рис.6

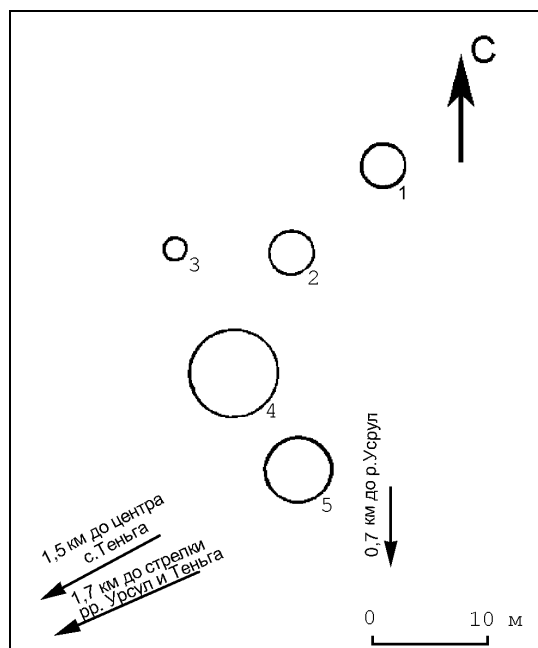

Рис.7

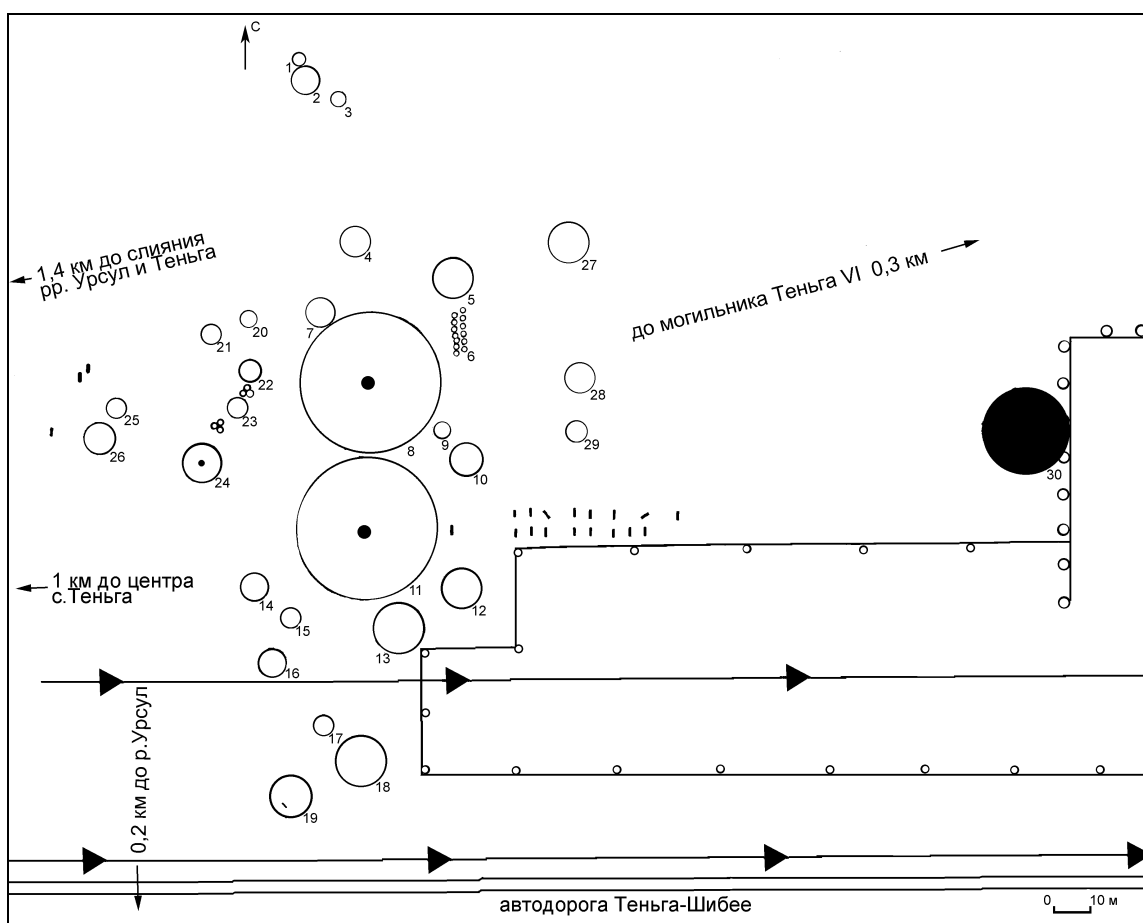

Рис.8

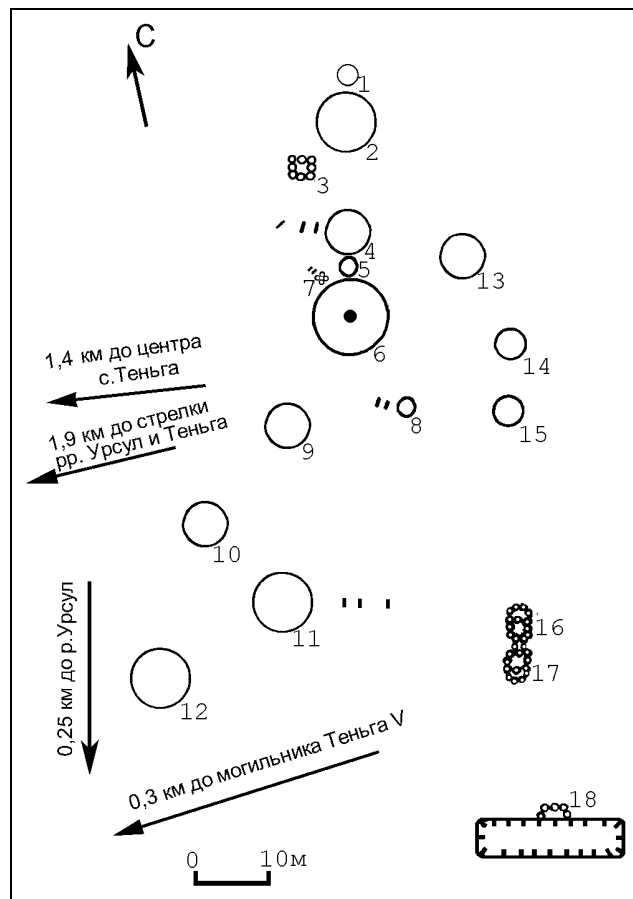

Рис.9

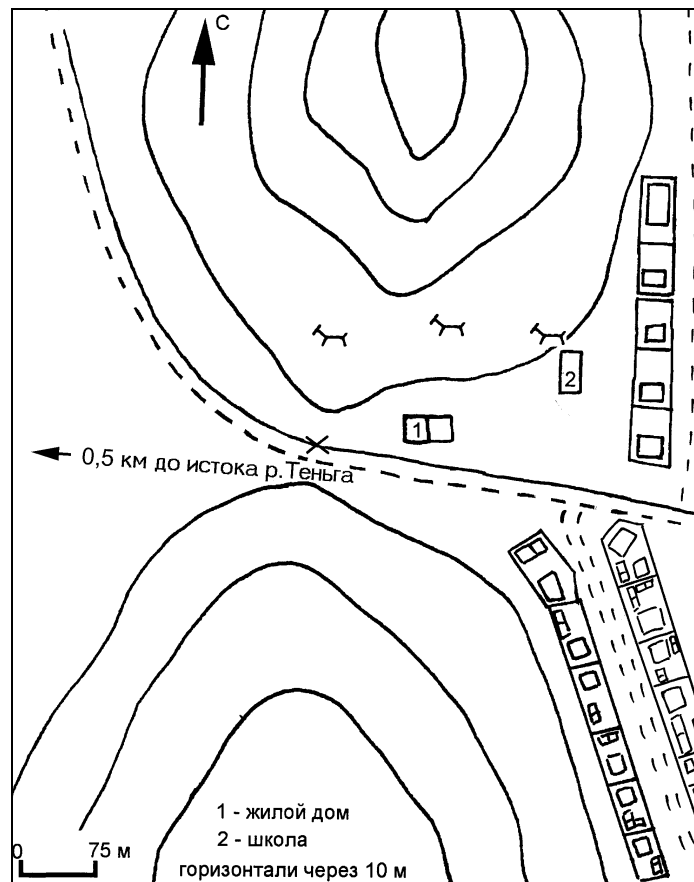

Рис.10

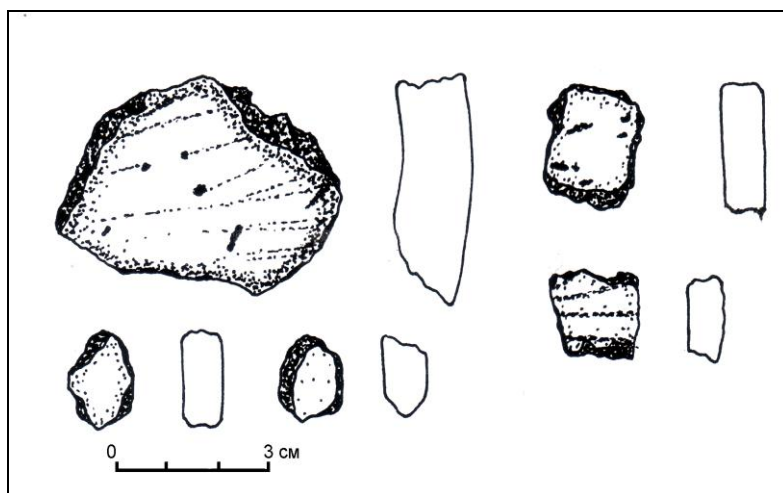

Рис.11

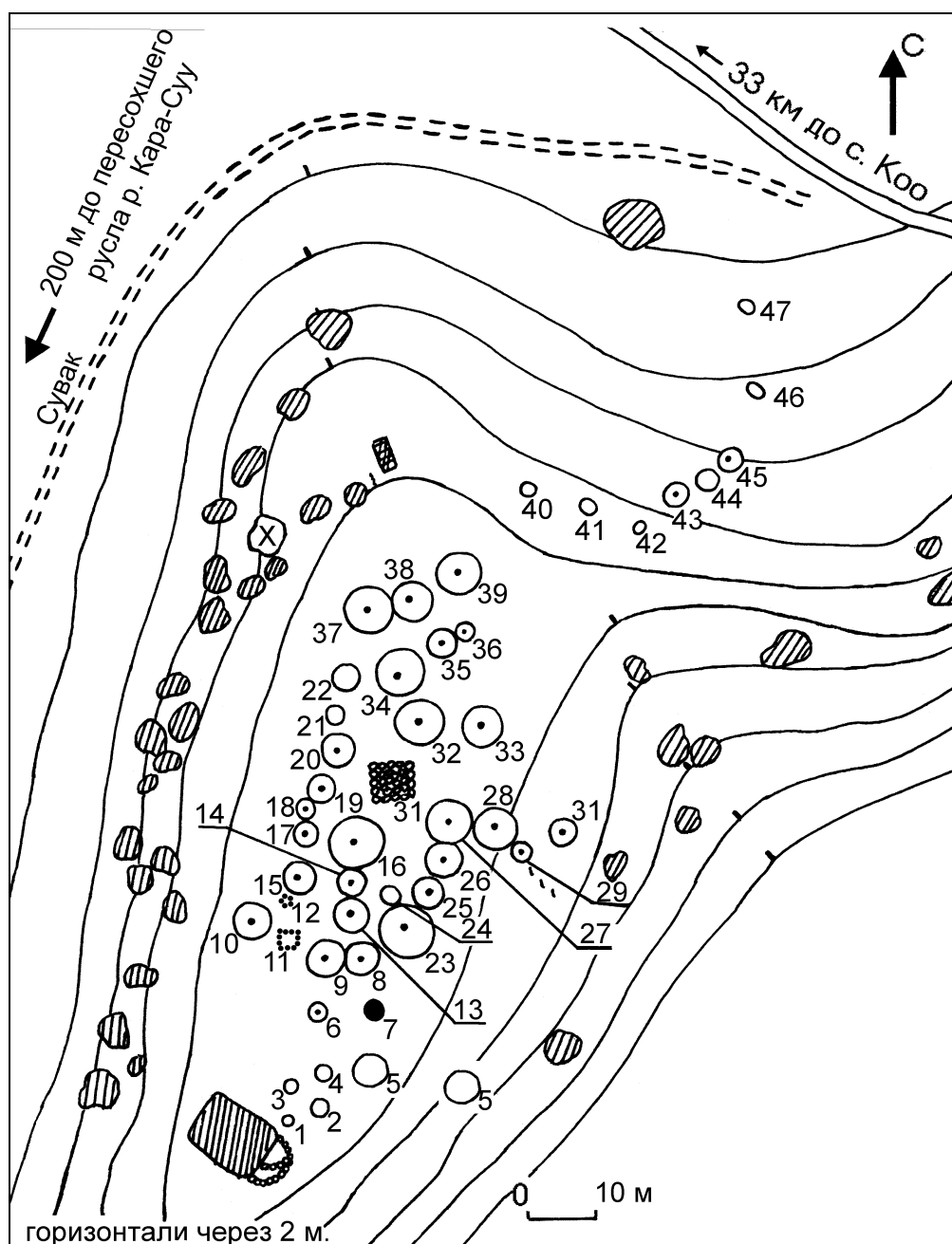

Рис.12

Условные обозначения

	- курган		- ЛЭП
	- курган с балбалами		- автодорога
	- курган с земляной насыпью		- грунтовая дорога
	- курган с западиной		- сувак
	- каменные выкладки		- местонахождения керамики
	- каменные выкладки с балбалами		- поселение
	- каменные оградки		- валун
	- керексур		- валун с триангуляционным знаком
	- петроглифы		- с/х ограждение
	- могильник		- жилые дома и с/х постройки
	- современная могила		

Список иллюстраций к статье С.В. Трифановой

- Рис. 1. Глазомерный план могильника Белтир I,
 Рис. 2. Глазомерный план могильника Белтир II,
 Рис. 3. Глазомерный план могильника Белтир III,
 Рис. 4. Глазомерный план могильника Белтир IV,
 Рис. 5. Глазомерный план могильника Онгудай VIII,
 Рис. 6. Глазомерный план могильника Чуй-Оозы,
 Рис. 7. Глазомерный план могильника Шанжарой,
 Рис. 8. Глазомерный план могильника Теньга V,
 Рис. 9. Глазомерный план могильника Теньга VI,
 Рис. 10. Глазомерный план поселения Озерное,
 Рис. 11. Керамика поселения Озерное,
 Рис. 12. Глазомерный план могильника Кара-Суу,

Ойношев В.П., Трифанова С.В.
 (г.Горно-Алтайск)

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ У С.БЕШ-ОЗЕК ШЕБАЛИНСКОГО РАЙОНА

В августе 2004 года в ходе инспекционной экспедиции ГНУ РА «Агентство по культурно-историческому наследию РА» по районам Республики Алтай в окрестностях с.Беш-

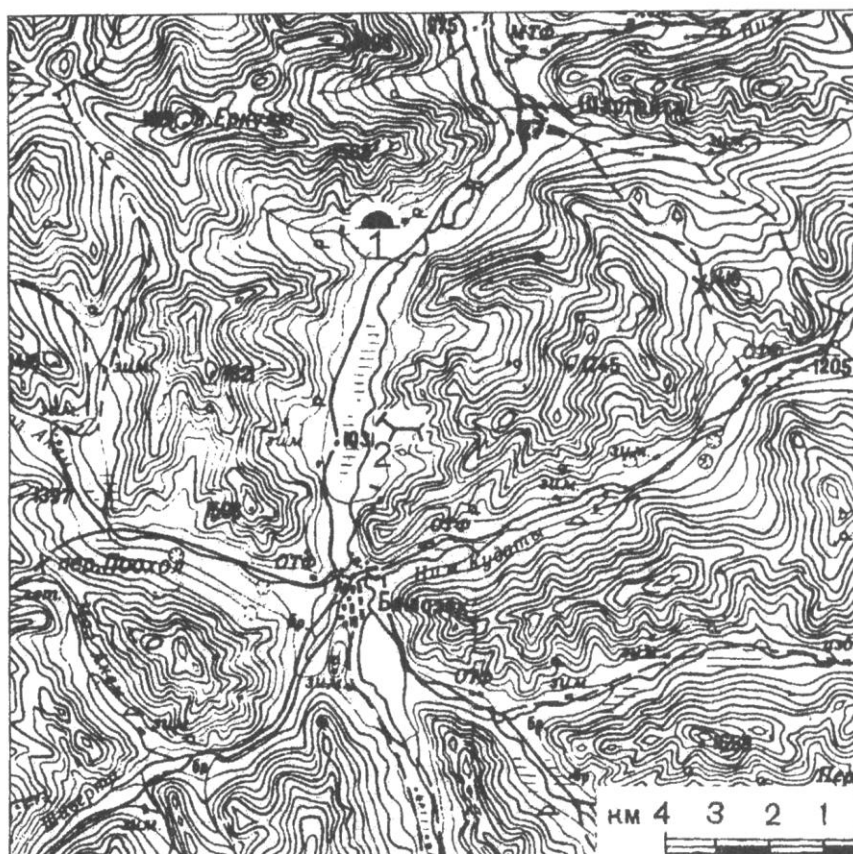

Рис.1

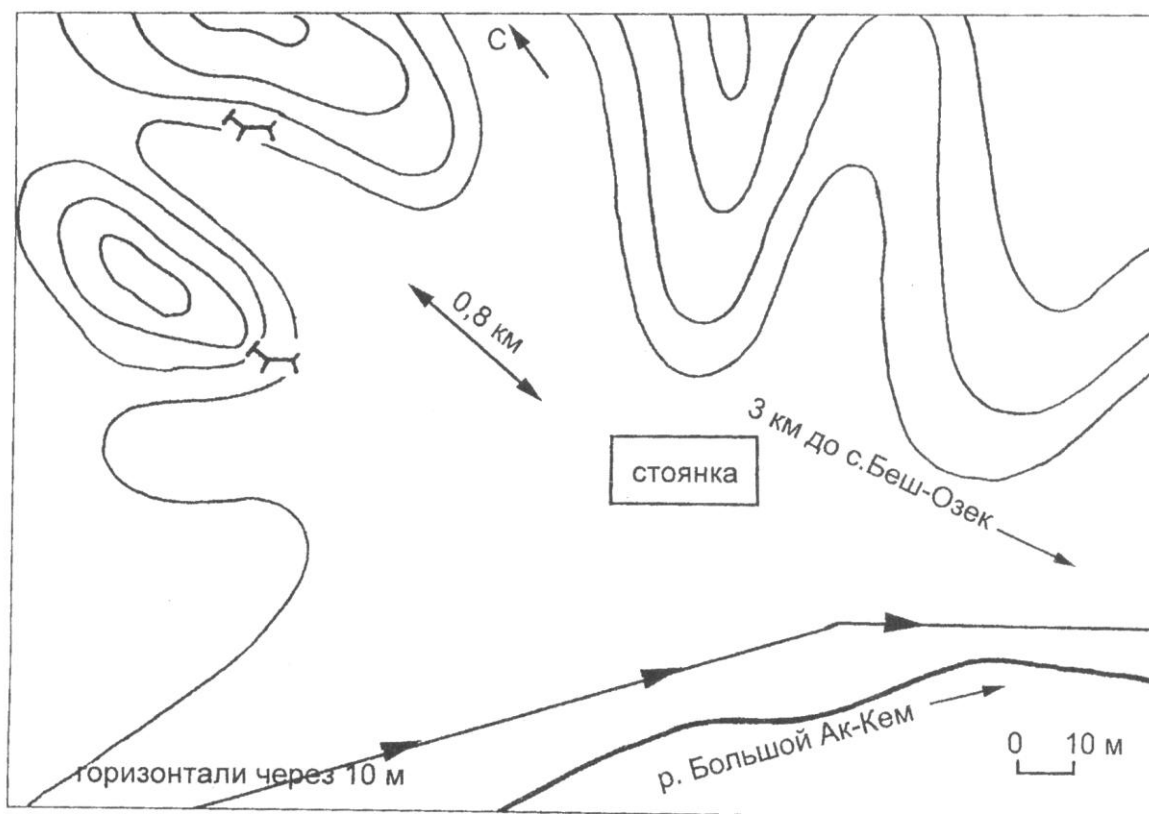

Рис.2

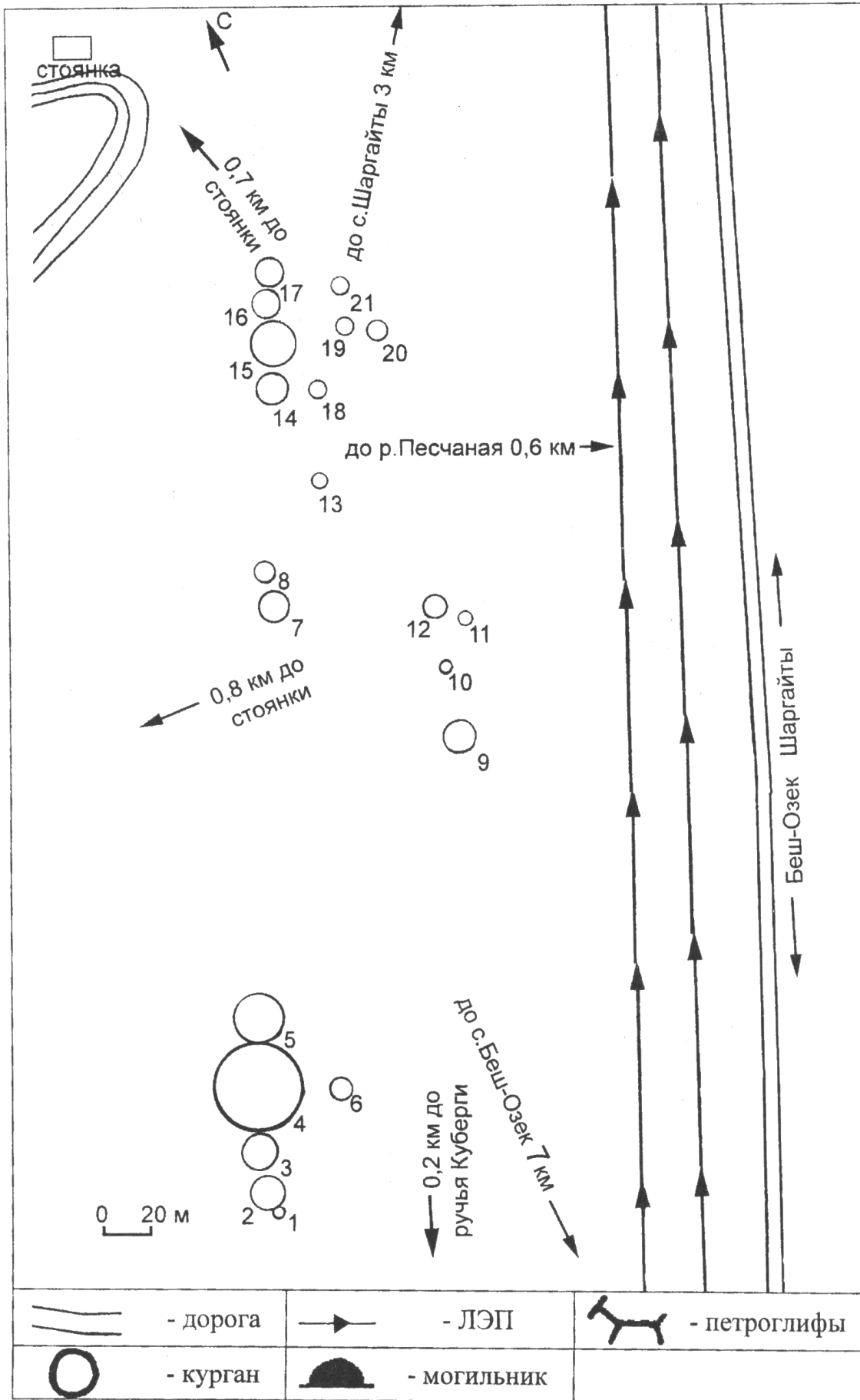

Рис.3

Озек Шебалинского района были выявлены и зафиксированы два новых археологических объекта: могильник и местонахождение петроглифов (рис. 1 – 1).

Могильник Куберги. Расположен на левобережной надпойменной террасе реки Песчаная, являющейся и левобережной террасой ручья Куберги в 600 м к СЗ от р. Песчаная и в 200 м к ЮЗЮ от рч. Куберги. Памятник расположен в 3 км к СЗС от центра с. Беш-Озек Шебалинского района. Географические координаты памятника по GPS-приемнику: N 51° 10' 46,2"; E 085° 15' 09,0". На могильнике зафиксирован 21 объект. Могильник состоит из трех групп объектов, представляющих собой округлые задернованные каменные насыпи, сложенные из рванного камня. Все большие курганы (диаметр 10-40 м) имеют западины в центральной части.

Юго-западная группа включает шесть курганов, пять из которых образуют цепочку, ориентированную по линии СВ-ЮЗ. Курган №6 расположен в 20 м к востоку от основной цепочки. Диаметр курганов от 5 до 40 м, высота от 0,3 до 1 м.

В 150 м к СВ расположена центральная группа объектов, включающих две цепочки курганов. Первая цепочка состоит из двух курганов, ориентирована по линии СВС-ЮЗЮ. Диаметр 10–15 м, 0,4–0,6 м. В 60 м к ЮВ расположена вторая цепочка из четырех курганов, ориентированная по линии СВ-ЮЗ. Диаметр 5-7 м, высота 0,3-0,4 м.

В 70 м к СВ расположена третья группа состоящая из девяти курганов. Основная цепочка четырех больших курганов диаметром от 10 до 20 м, высотой от 0,3 до 0,6 м, ориентированная по линии СВ-ЮЗ. С восточной стороны от основной цепочки расположены курганы меньших размеров. Диаметр 5-7 м, высота 0,2-0,3 м (рис. 1 – 2).

Местонахождение петроглифов Узун-Кобы. Расположено в 3 км к СЗ от с. Беш-Озек на правобережной террасе реки Песчаная в урочище Узун-Кобы. Рисунки выполнены на скальных выходах южных склонов. С помощью точечной выбивки выполнены зооморфные и антропоморфные изображения, рисунки этнографического времени, включающие бытовые и охотничьи сцены, выполнены техникой граффити, т.е. прочерченного, гравированного рисунка.

Памятники выявленные в окрестностях с. Беш-Озек будут использованы при написании обобщающих научных трудов по этнокультурной истории Горного Алтая в различные исторические эпохи, составлении полного свода археологических памятников Республики Алтай и археологической карты Шебалинского района.

Список иллюстраций к статье Ойношева В.П., Трифановой С.В.

Рис.1. Местонахождение могильника Беш-Озек (1) и местонахождения петроглифов Узун-Кобы (2)

Рис.2. Глазомерный план местонахождения петроглифов Узун-Кобы

Рис.3. Глазомерный план могильника Куберги

Соёнов В.И.
(г. Горно-Алтайск)

МАТЕРИАЛЫ К АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЕ ШЕБАЛИНСКОГО И УСТЬ-КАНСКОГО РАЙОНОВ РА (по результатам полевых работ 2003 года)

В 2003 году нами произведены раскопки на могильнике Верх-Уймон в Усть-Коксинском районе и разведки на локальных участках в Чемальском, Шебалинском, Онгудайском, Кош-Агачском, Улаганском, Усть-Канском, Усть-Коксинском районах Республики Алтай¹. В полевых работах участвовали аспиранты кафедры археологии, этнологии

¹ Работы производились на средства проекта «Древние города Алтая», финансировавшегося из республиканского бюджета согласно Закона РА «О бюджете на 2003 год» через Центр науки и технологий Республики Алтай.

и источниковедения Горно-Алтайского государственного университета С.В.Трифанова и Т.А.Вдовина, сотрудник университета В.Ю.Коробченко, а также студенты исторического факультета университета и школьники. Информация о разведках и раскопках, а также часть полученных материалов публиковались в ряде работ (Соёнов В.И., 2004а, с.466-467; 2004б, с.337-340; Бородаев В.Б., Соёнов В.И., 2004, С.162-170; Соёнов В.И., Трифанова С.В., Вдовина Т.А., Черепанов М.А., 2005, с.169-171; Бородовский А.П., Ойношев В.П., Соёнов В.И., Суразаков А.С., Танкова М.В., 2005).

В настоящем сборнике мы публикуем сведения об археологических памятниках, обследованных в 2003 году на территории Шебалинского и Усть-Канского районов, которые будут полезны при составлении археологической карты этих районов.

Шебалинский район

Археологические разведки в Шебалинском районе Республики Алтай включали два вида работ. По первому виду работ нами были продолжены разведки начатые в 2002 году по проверке топонима *Шибелик*, связанного с термином «*шибе*»—«крепость» в окрестностях с.Шебалино. Поисковые работы результатов не дали. По второму виду работ были обследованы участки реконструкции и строительства автодороги по заявке Агентства по культурно-историческому наследию Республики Алтай (АКИН).

В результате разведочных работ на участке реконструкции автодороги Черга – Беш-Озек – Усть-Кан – Талда – Карагай – гр.Казахстана км 16-32 обнаружено поселение Нижняя Кукуя, а на участке строительства автодороги Белый-Ануй – Барагаш в пределах Шебалинского района обнаружены могильники Нижний Айры-Таш, Барагаш I, Барагаш II.

Поселение Нижняя Кукуя.

Расположено в 1 км к юго-западу от центра с.Нижняя Кукуя Шебалинского района, на правом берегу р.Кукуя – левого притока р.Улус Черга, между 22 и 23 км автодороги Черга – Беш-Озек – Усть-Кан – Талда – Карагай – гр.Казахстана, слева от тракта на склоне террасовидного уступа (рис.1 – А). Географические координаты памятника по GPS-приемнику: N – 51°28'06,6"; E – 085°22'31,8". Высота 777 м над уровнем моря (по балтийской системе высот).

Террасовидный уступ, на котором расположено поселение, разрабатывается как карьер для отсыпки дороги (рис.1 – Б). Поэтому часть памятника уже разрушена. На срезе карьера прослежена стратиграфия участка: под слоем дерна мощностью 3-5 см зафиксирован гумусированный слой мощностью 40-50 см. Далее начинается материк – плотный суглинок со щебнем. Культурный слой, расположенный в гумусированной почве по цвету или составу не выделяется. На территории, с разрушенным культурным слоем собраны: маленький фрагмент кости; небольшой фрагмент слегка отогнутого наружу венчика лепного сосуда с частью стенки, орнаментированной круглым в плане вдавлением, нанесенным палочкой с закругленным концом (рис.1 – В1); неорнаментированные фрагменты стенок лепных сосудов темно-серого и красно-коричневого цвета (рис.1 – В2-5). Датировка памятника не установлена.

Могильник Нижний Айры-Таш.

Расположен в 4,5 км к юго-западу от центра с.Барагаш Шебалинского района, на левом берегу р.Барагаш, на 20 км автодороги Белый-Ануй – Барагаш (рис.2 – А). Географические координаты памятника по GPS-приемнику: N – 51°14'43,7"; E – 085°08'49,8". Высота 960 м над уровнем моря (по балтийской системе высот).

Могильник включает четыре визуально фиксируемых объекта, расположенных цепочкой север-юг (рис.2 – Б). Курганы первоначально были сильно задернованы, частично запаханы. Грунтовая дорога проходила прямо через могильник. В результате вскрышных работ при строительстве новой автодороги Белый-Ануй – Барагаш насыпи трех из них получили сильные повреждения. Диаметр насыпи кургана №1 – 10 м, высота – 0,4 м. В северной части насыпи зафиксированы три плиты, вывернутые при распашке поля. Насыпи остальных курганов повреждены при строительстве дороги Белый-Ануй – Барагаш, поэтому их диаметр и высота не определяются. Датировка курганов затруднена. По

внешнему виду курганов и степени их задернованности, могильник предположительно можно отнести к эпохе энеолита-бронзы².

Могильник Барагаш I.

Расположен в 3,5 км к юго-западу от центра с.Барагаш Шебалинского района, на левобережье р.Барагаш, на 21 км автодороги Белый-Ануй – Барагаш (рис.2 – А). Географические координаты памятника по GPS-приемнику: N – 51°15'11,0"; E – 085°09'27,7". Высота 958 м над уровнем моря (по балтийской системе высот).

Курганы первоначально были запаханы. Грунтовая дорога проходила прямо через могильник. В результате вскрышных работ при строительстве новой автодороги Белый-Ануй – Барагаш насыпи разрушены. Поэтому определить число и размеры курганов не представляется возможным, т.к. камни насыпи растащены ножом бульдозера на большую площадь. Могильник предположительно можно отнести к эпохе энеолита-бронзы.

Могильник Барагаш II.

Расположен в 3 км к юго-западу от центра с.Барагаш Шебалинского района, на левобережье р.Барагаш, на 22 км автодороги Белый-Ануй – Барагаш (рис.2 – А). Географические координаты памятника по GPS-приемнику: N – 51°15'28,6"; E – 085°09'52,4". Высота 952 м над уровнем моря (по балтийской системе высот).

Курганы первоначально были запаханы. Грунтовая дорога проходила прямо через могильник. В результате вскрышных работ при строительстве новой автодороги Белый-Ануй – Барагаш насыпи частично попали под отсыпку дороги или разрушены. Поэтому определить число и размеры курганов не представляется возможным. Могильник предположительно можно отнести к эпохе энеолита-бронзы.

Усть-Канский район

Работы в Усть-Канском районе Республики Алтай включали разведки у с.Мендур-Соккон и обследование участка строительства автодороги по заявке Агентства по культурно-историческому наследию Республики Алтай.

По первому виду работ было обследовано урочище Кара-Суу, где обнаружено поселение, а также осуществлен поиск и изучение укрепления Курее-Таш, обнаруженного в 1983 году В.Б.Бородаевым. По второму виду работ в Усть-Канском районе произведено обследование участка строительства автодороги Белый-Ануй – Барагаш в пределах Усть-Канского района. В результате разведочных работ обследованы поселение Кульчуг I и могильник Кульчуг II

Укрепление Курее-Таш.

Каких-либо архивных или опубликованных сведений о местонахождении этого укрепления нам обнаружить не удалось. Поэтому сведения для поиска были получены путем опроса жителей с.Мендур-Соккон. Основные данные о месторасположении укрепления, а также фотографии участков стены нам были предоставлены Н.А.Шодоевым – директором мендур-сокконского филиала Национального музея Республики Алтай им.А.В.Анохина и пограничником В.Т.Чуйчиным. Первая попытка поиска памятника, предпринятая нами в начале августа, не увенчалась успехом из-за плохих погодных условий. Только в середине сентября, после двухнедельной сухой жаркой погоды нам удалось проехать в ущелье р.Тургун-Суу до впадения в нее р.Таркатту. Далее пешком прошли до подножья горы Шибелю-Туу и поднялись на вершину, где, по описанию Н.А.Шодоева и В.Т.Чуйчина, располагалось укрепление. После нескольких часов поиска нам удалось обнаружить укрепление на самом высоком участке одной из вершин отрогов Коргонского хребта в 16 км западнее с.Мендур-Соккон, на границе Усть-Канского района Республики Алтай и Чарышского района Алтайского края, в верховьях рр.Тургун-Суу и Таркатту (рис.3 – А).

Объект представляет собой остатки каменной стены, сложенной из плит и рваного камня различного размера (Бородаев В.Б., Соёнов В.И., 2004, с.162-165). Географические координаты южного конца стены по GPS-приемнику: N – 50°46'45,8"; E – 084°34'41,9". Высота 2426 м над уровнем моря (по балтийской системе высот). Координаты северного конца стены: N – 50°46'53,1"; E – 084°34'43,8". Высота 2430 м над уров-

² В августе 2003 года Т.А.Вдовиной и С.В.Трифановой на этом могильнике исследованы два погребения, датированные IV-III тыс.до н.э. Результаты раскопок опубликованы (Вдовина Т.А., 2004, с.6-12).

нем моря. Стена сплошная и имеет меридиональное направление с небольшим отклонением. Она начинается на севере от обрыва над безымянными озерами в верховьях правых притоков р.Таркатту и заканчивается на юге над обрывом в долину безымянного ручья – левого притока р.Тургун-Суу. На обоих концах стены имеются большие камни естественного происхождения. В современном виде стена представляет собой каменный вал. Она идет зигзагом, общая длина составляет около 225 м. Северная часть сохранилась лучше. Она незадернована и имеет участки с частично сохранившейся каменной кладкой. К югу стена переходит в невысокий частично задернованный каменный вал. Стороны стены местами вертикальны, а местами кладка велась с небольшим отступанием каждого вышележащего ряда внутрь. Нижние ряды сложены из самых больших камней, а для кладки верхних рядов использованы средние и относительно мелкие камни. Прослеженная нами техника кладки разная: в некоторых местах камни положены в длину по оси стены и скреплены поперечными связками; в некоторых случаях камни в длину положены поперек оси стены с легким задирием внешнего края; в некоторых случаях камни положены в длину поперек оси стены в ряды в наклонном положении. В северной части стены прослежены облицовка углов и подпорка облицовки, а также вертикально установленные плиты, которые к настоящему времени покосились в разные стороны (оформленные бойницы?). Современная высота северной части стены достигает 1,5 м, ширина основания стены 1,5-2 м, ширина вверху 1-1,2 м. Высота южной части стены достигает 0,7 м, ширина стены около 1,2 м. В стене зафиксированы четыре прохода шириной 0,7-0,8 м и один проход шириной 2,2 м. Лицевой стороной западная стена обращена на запад-северо-запад.

Датировка памятника затруднена. Алтайский фольклор связывает укрепление Курее-Таш с событиями середины XVIII века, когда происходили военные действия между джунгарами и цинами. Конкретно строительство стены связывается с Амыр-Саной. Однако подобная фольклорная интерпретация укрепления в целом не выдерживает критики и не подтверждена какими-либо историческими фактами (Бородаев В.Б., Соёнов В.И., 2004, с.165-166).

Поселение Кара-Суу.

Обнаружено недалеко от Мендур-Соккона в урочище Кара-Суу. Поселение расположено в 1,5 км к северо-востоку от центра с.Мендур-Соккон Усть-Канского района, на левобережье р.Чарыш, слева от автодороги Мендур-Соккон – Усть-Кан в ложбинке между двумя бомами (рис.3 – Б). Географические координаты памятника по GPS-приемнику: N – 50°48'55,2"; E – 084°50'39,6". Высота 1127 м над уровнем моря (по балтийской системе высот).

Новая дорога проложена в начале 90-х годов XX века по прямой между бомами в юго-восточной стороне ложбинки. Низина ложбинки разрушена срезами бульдозера при буртовании грунта для возведения насыпи дороги. Через всю ложбинку, в которой расположено поселение, проходили колеи старой грунтовой дороги, из-за которых образовались овраги. В ходе осмотра ложбинки около этих оврагов были обнаружены фрагменты красно-коричневой и серо-коричневой лепной керамики (рис.4), а также колотые гальки и кусочки шлака. Среди керамики имелись: фрагмент неорнаментированного венчика (рис.4 – 3); фрагмент прямого венчика сосуда, орнаментированный косыми насечками (рис.4 – 1); фрагмент стенки сосуда, орнаментированный круглым в плане вдавлением, нанесенным палочкой с закругленным концом (рис.4 – 2); неорнаментированные фрагменты стенок сосудов (рис.4 – 4-10).

Датировка памятника не установлена.

Поселение Кульчуг I.

Расположено в 2,5 км к северо-востоку от центра с.Белый Ануй Усть-Канского района, на левобережье ручья Кульчуг – правого притока р.Ануй, на развилке дорог Белый Ануй – Верх-Белый Ануй и Белый Ануй – Барагаш (рис.5 – А). Географические координаты памятника по GPS-приемнику: N – 51°12'47,2"; E – 084°54'58,6". Высота 942 м над уровнем моря (по балтийской системе высот).

Участок, на котором расположен памятник, подвергался многолетней распашке. Поэтому, вероятно, практически весь культурный слой разрушен, следовательно, без дополнительных исследований трудно установить границы памятника. В 90-е годы XX века территория памятника подверглась интенсивному разрушению при реконструкции суще-

ствовавшей ранее грунтовой дороги Белый Ануй – Верх-Белый Ануй и строительстве новой насыпной дороги Белый Ануй – Барагаш вместо грунтовой дороги на животноводческие стоянки. В ходе осмотра участка обнаружены два фрагмента керамики. Один фрагмент керамики – от гончарного сосуда, изготовленного из тонко отмученной глины (рис.5 – Б1). Второй фрагмент – от лепного сосуда, изготовленного из грубого теста с большим количеством включений (рис.5 – Б2).

Датировка памятника не установлена. Фрагмент гончарной керамики, вероятно, относится к русскому этнографическому сосуду конца XIX-первой пол. XX в.

Могильник Кульчуг II.

Расположен в 4 км к северо-востоку от центра с.Белый Ануй Усть-Канского района, на левобережье ручья Кульчуг – правого притока р.Ануй, в 1,5 км от развилки дорог Белый Ануй – Верх-Белый Ануй и Белый Ануй – Барагаш (рис.6). Географические координаты памятника по GPS-приемнику: N – 51°12'41,3"; E – 084°55'53,6". Высота 971 м над уровнем моря (по балтийской системе высот).

Могильник включает пять визуально фиксируемых объектов. Все они сильно задернованы и повреждены в результате многолетней распашки поля. Объекты могильника представляют собой плоские каменные курганы диаметром от 13 до 25 м, высотой от 0,4 до 1 м расположенные цепочкой СВ-ЮЗ. Один курган немного смещен к западу. В насыпях всех курганов наблюдаются западины диаметром от 7 до 10 м, глубиной от 0,5 до 1 м. Цепочка курганов начинается в 5 м от дорожной насыпи, поэтому не исключено, что какие-либо объекты разрушены при строительстве дороги.

Точная датировка курганов затруднена. По внешнему виду и расположению могильник предположительно можно отнести к пазырыкской эпохе раннего железа.

Литература

1. Бородаев В.Б., Соёнов В.И. Полевое каменное укрепление Курее-Таш в высокогорье близ с.Мендур-Соккон (результаты рекогносцировочного обследования) // Древности Алтая. – Горно-Алтайск, 2004. – №12. – С.162-170.
2. Бородовский А.П., Ойношев В.П., Соёнов В.И., Суразаков А.С., Танкова М.В. Древности Чуйского тракта. – Горно-Алтайск, 2005. – 103 с.
3. Вдовина Т.А. Аварийные раскопки на могильнике Нижний Айры-Таш // Древности Алтая. – Горно-Алтайск, 2004. – №12. – С.6-12.
4. Соёнов В.И. Археологические разведки и раскопки в Горном Алтае // Археологические открытия 2003 года. – М., 2004а. – С.466-467.
5. Соёнов В.И. Изучение крепостей и городищ в Горном Алтае // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. – Барнаул, 2004б. – С.337-340.
6. Соёнов В.И. Отчет о работах по проекту РГНФ и ЦНТ РА «Горный Алтай в гунно-сарматскую эпоху» в 2004 году // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск, 2005. – С.168-170.
7. Соёнов В.И., Трифанова С.В., Вдовина Т.А., Черепанов М.А. Раскопки погребений гунно-сарматской эпохи на могильнике Верх-Уймон в 2003-2004 годах // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул, 2005. – С.169-171.

Список иллюстраций к статье Соёнова В.И.

Рис.1. А – месторасположение поселения Нижняя Кукуя; Б – глазомерный план карьера на территории поселения Нижняя Кукуя с обозначением места находки фрагментов керамики; В1-5 – фрагменты керамики с поселения Нижняя Кукуя.

Рис.2. А – месторасположение памятников Нижний Айры-Таш (I), Барагаш I (II), Барагаш II (III); Б – глазомерный план могильника Нижний Айры-Таш.

Рис.3. А – месторасположение памятника Курее-Таш; Б – глазомерный план поселения Кара-Суу.

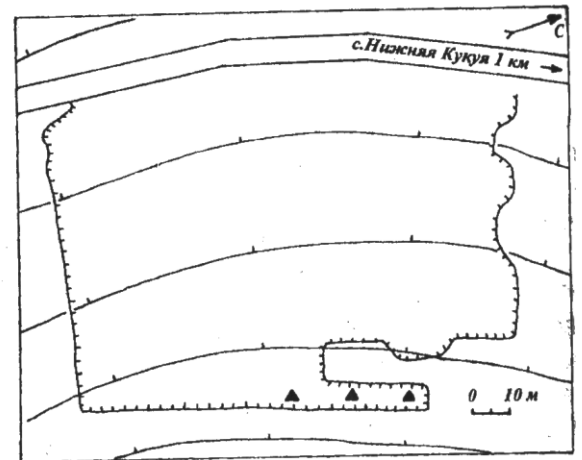
Рис.4. 1-10 – Фрагменты керамики с поселения Кара-Суу.

Рис.5. А – местонахождение памятников Кульчуг I (I) и Кульчуг II (II); Б1,2 – керамика с поселения Кульчуг I.

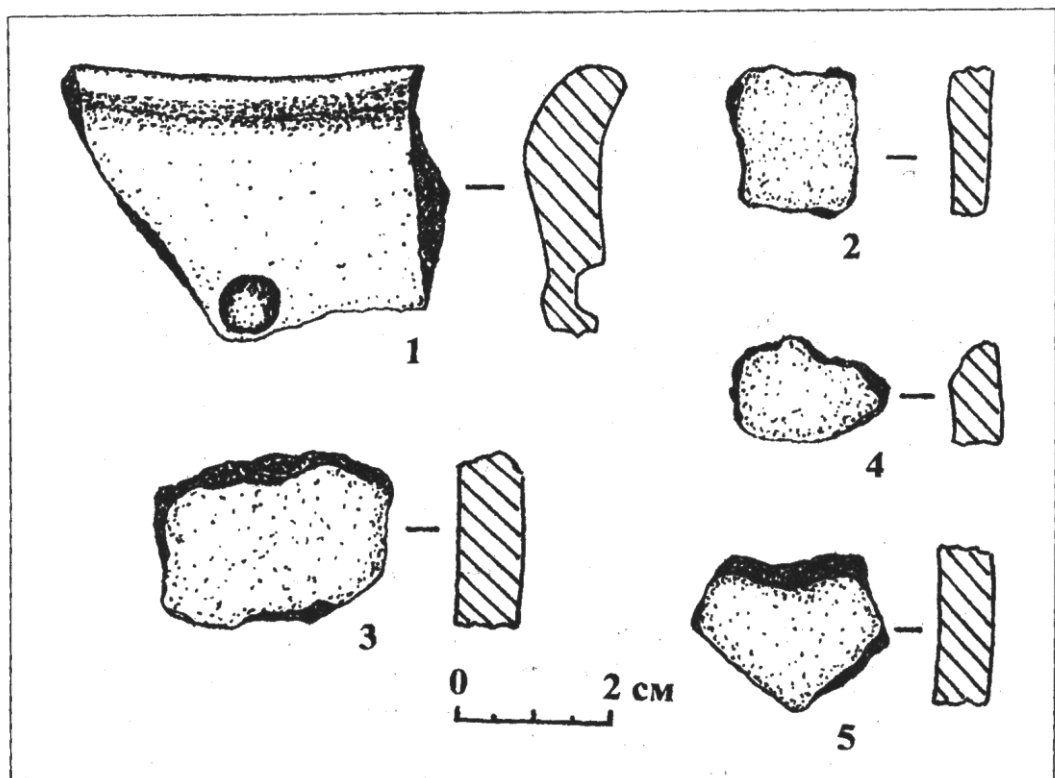
Рис.6. Глазомерный план могильника Кульчуг II.

А

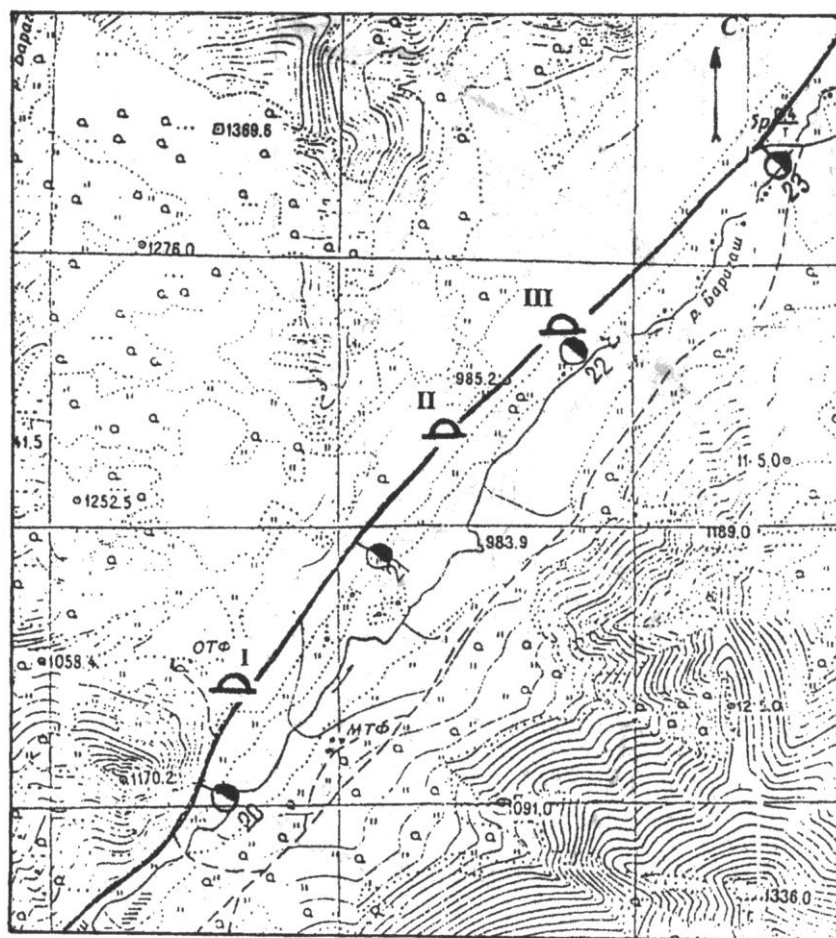

Б

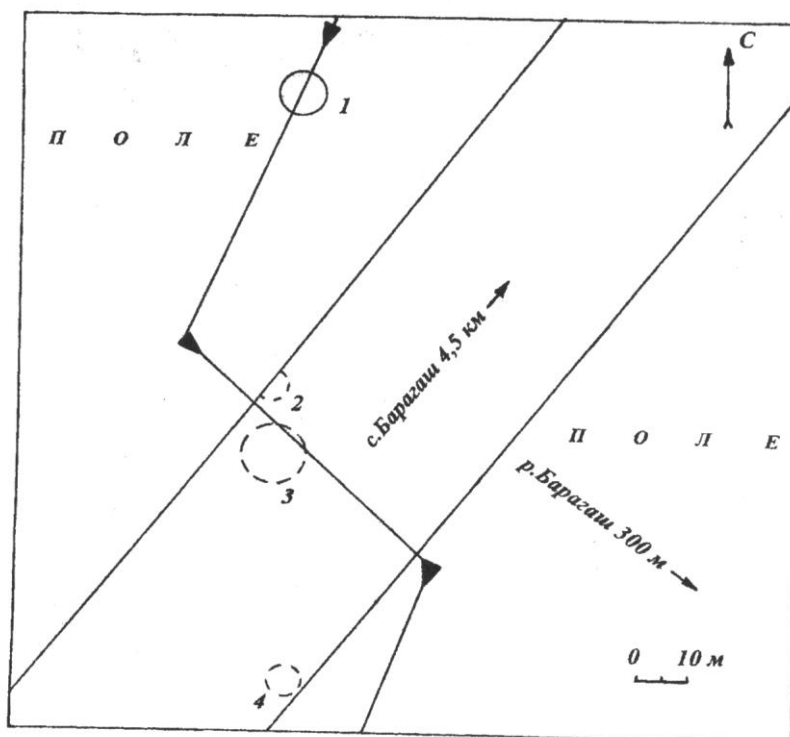

В

Рис. 1

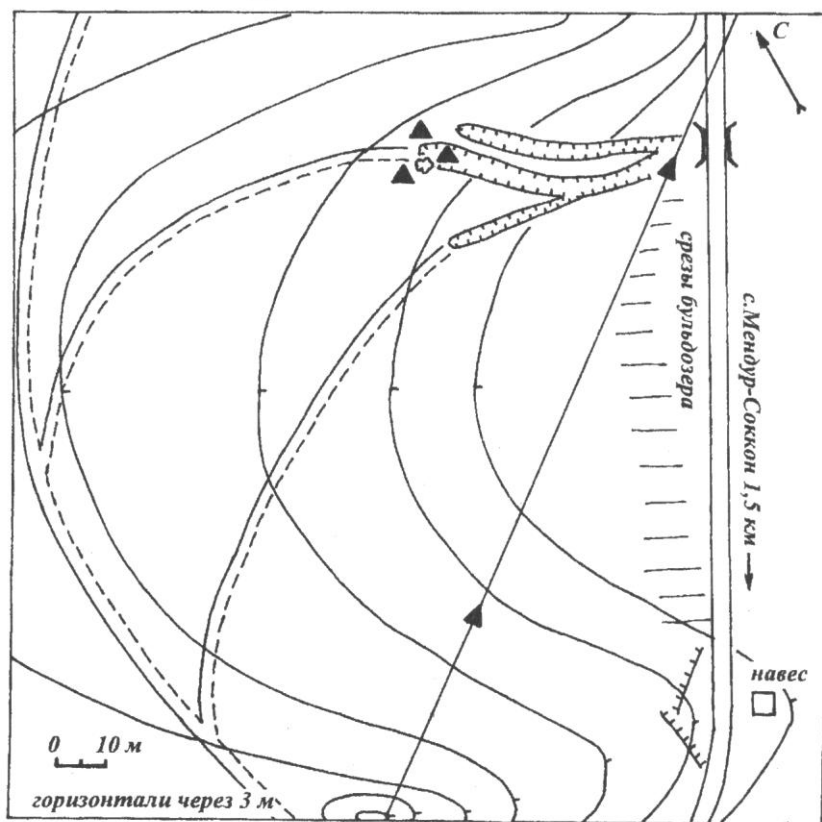
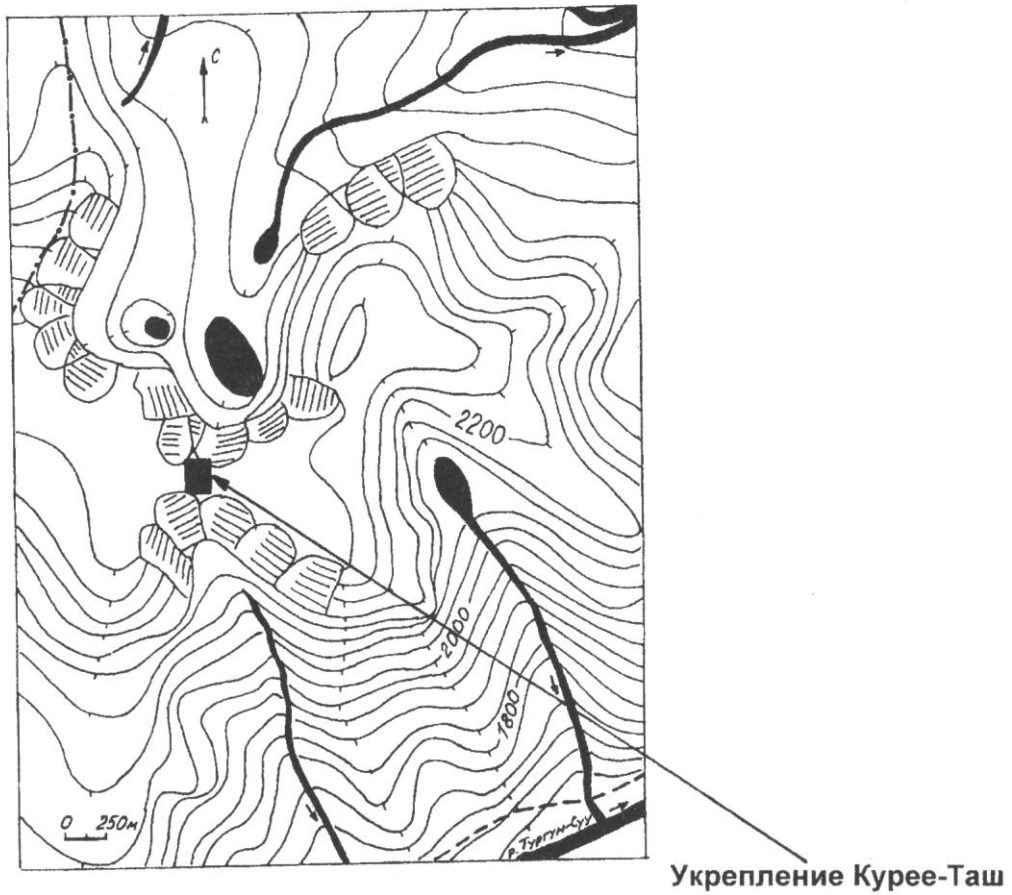

А

Б

Рис. 2

Б

Рис. 3

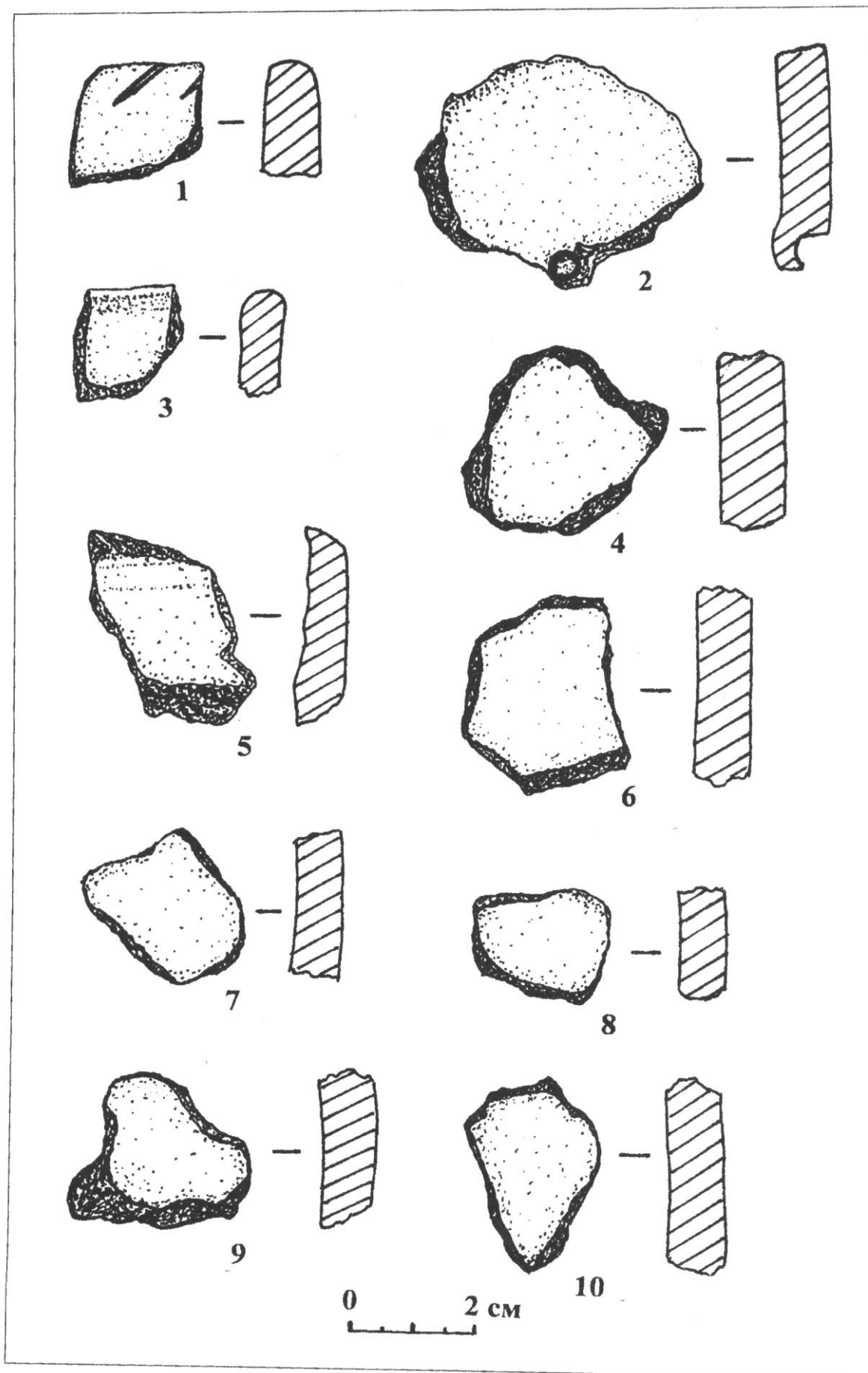

Рис. 4

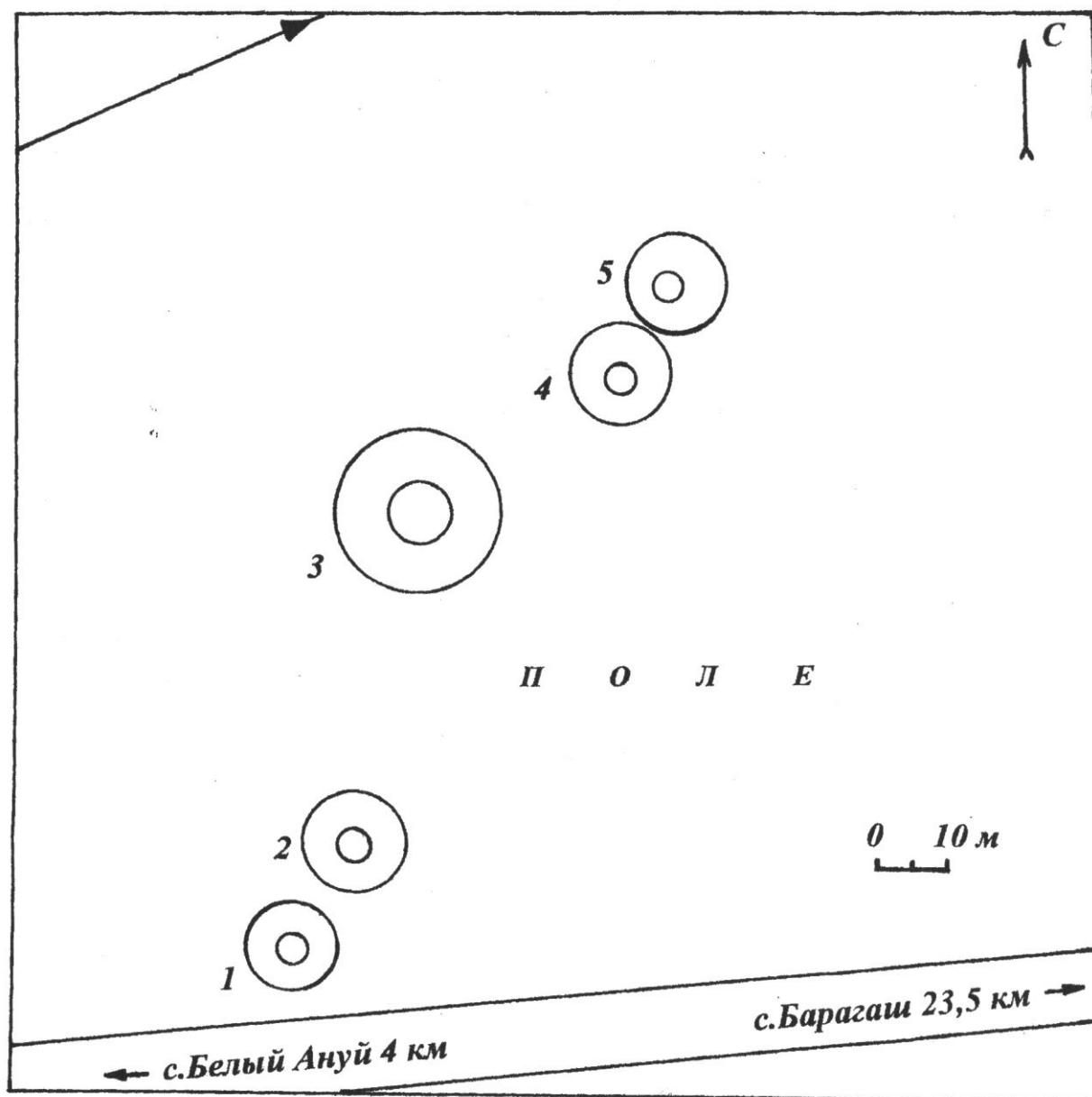

Рис. 6

Вдовина Т.А.
(г.Горно-Алтайск)

К АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЕ МАЙМИНСКОГО РАЙОНА РА

Археологическим отрядом Горно-Алтайского государственного университета в 2001-2002 гг. проводились разведочные работы в окрестностях села Кызыл-Озёк и поселка Куташ Майминского района Республики Алтай (рис.1). Целью работ было обследование современного состояния памятников, открытых в 80-х гг. XX в., в окрестностях с.Кызыл-Озёк а также выявление и фиксация ранее неизвестных. Предварительные итоги разведки были опубликованы (Сафронов А.М., Вдовина Т.А, Вдовин А.А., 2001, с.188-190; Вдовина Т.А., Сафронов А.М., 2002, с.8-11). В данной работе нами представлен более полный материал по результатам разведочных работ 2001-2002 гг.

Район среднего течение р.Маймы с ее основными притоками неоднократно обследовался археологами. В 60-х гг. XX века на южной оконечности села Кызыл-Озёк А.П.Окладниковым было обнаружено палеолитическое местонахождение Кызыл-Озёк, но точное местонахождение данного объекта нам неизвестно. В 80-е гг. этот район был обследован сотрудниками Горно-Алтайского краеведческого музея: В.А.Кочеевым и С.М.Киреевым. В 1983 г. ими было открыто поселение Кызыл-Озёк II, расположенное в 4 км. к востоку от села Кызыл-Озёк, на правой надпойменной террасе р.Майма. С юго-запада террасу ограничивает автомобильная дорога Горно-Алтайск – Бирюля. Поселение занимало площадь ок. 3 тыс.м². Культурный слой поселения сильно поврежден пашней. На поселении были собраны каменные орудия: обломки зернотерок, курант, отбойник, а также фрагменты керамики и обломок глиняного пряслица. (Киреев С.М., 1987, с.68). В 1984 г. С.М. Киреевым на территории дачного поселка Бочкаревка был собран подъемный материал, отнесенный им к категории поселенческого инвентаря (Киреев С.М., 1987, с.69). В 2001 г. В.Н. Елиным и А.Л. Кунгуровым были описаны предметы каменной индустрии местонахождения на территории дачного поселка Куташ, которое было определено ими как палеолитическое (Елин В.Н., Кунгуров А.Л., 1998, с.13-15).

Географические рамки проведенного нами обследования в Майминском районе включают среднее течение реки Майма и ее притоков: р.Вахта, р.Сиульта, р.Сайдыс, р.Куташ, р.Бидюля в Майминском районе Республики Алтай. Низкогорья бассейна р.Майма являются фактически северными отрогами хребта Иолго сниженными в среднем до 400 – 900 м. Наиболее высокими вершинами района являются на западе – г.Синюха (1241 м.) и на востоке – г.Чептоган (1469 м.). Рельеф западной части бассейна р.Майма сильнее расчленен, чем в восточной. Его покрывает густая сеть горных речек, главными притоками Маймы являются реки Сайдыс, Бирюля, Улала. На северо-западе по склонам слаборасчлененных низкогорий преобладает ландшафт экспозиционной лесостепи, представляющий собою чередование осиново-березовых и березовых лесов на горно-лесных темно-серых почвах по северным склонам и с разнотравно-злаковыми остепненными лугами на горных черноземах – по южным. Долина реки Майма и её основных притоков подверглась сплошному визуальному обследованию. Тщательно осматривались распаханые участки, обнажения, овраги, проселочные дороги на предмет поиска артефактов.

Поселение Кызыл-Озек-IV (А). Находится в урочище Бидюля в 2.5 км. к востоку от с.Кызыл-Озёк, на правом берегу одноименного ручья у подошвы южного склона горы Сарак (рис.2 – 1). Поселение располагается в небольшой закрытой ложбине максимальная ширина которой ~100 м. Практически все ровные поверхности распаханы. На пахоте обнаружены фрагменты орнаментированной и неорнаментированной керамики, керамическое лоцило (рис.8 – 5), песты (рис.8 – 3-4). Особенно выразительной является коллекция фрагментов керамики с разнообразными типами орнаментации, среди которых преобладающими являются поясок из жемчужин или наколов (рис.6 – 1-8). Основной формой сосудов являются банки и горшки. По-видимому, данное поселение является многослойным, так как в северо-восточной части объекта обнаружены предметы каменной индустрии (рис.6 – 9-11).

Объект Кызыл-Озёк-IV (Б). Находится в 2.5 км. к востоку от с.Кызыл-Озёк, в урочище Бидюля на правом берегу одноименного ручья на южном склоне горы Сарак, в 150 м. к северу выше поселения (А) на заросшем деревьями и кустарником участке южного склона горы Сарак. Местонахождение представляет собой выходы коренной кремнистой породы. На данном, сравнительно небольшом участке локализуется более пяти подобных выходов разного размера. Поверхности некоторых выходов использовались в качестве желваков, с которых скалывались заготовки каменных орудий. У подножия таких валунов-желваков обнаружены скопления первичных сколов и отщепов разной величины (рис.7 – 20-24).

Объект Кызыл-Озёк-V. Располагается в 1.8 км. к северо-востоку от с.Кызыл-Озёк и в 300 м. к северо-западу от асфальтового завода на межгорной седловине (рис.2 – 2). Вдоль седловины по ее хребту проходит грунтовая дорога, с северо-запада почти вплотную к дороге подходит ограждение пашни. На объекте обнаружено два мощных прокала (очага?) темно-красного цвета. Оба очага находятся прямо на дороге и интенсивно разрушаются. На данном этапе исследования не представляется возможным установить размер и форму очагов. Судя по канаве отсекающей северо-западную часть очагов, глубина прокала составляет не менее 30 см. На очагах и рядом на дороге встречаются изделия и отходы каменной индустрии (рис.7 – 1-19).

Поселение Кызыл-Озёк-VI. Располагается в 1 км. к юго-западу от с.Кызыл-Озёк в урочище Сиульта на левом берегу одноименного ручья. Местонахождение располагается в 70 м. к западу от животноводческой фермы и в 50 м. к северо-западу от дороги, ведущей в урочище (рис.3 – 1). На объекте осуществляется забор дерна и земли, проходит грунтовая дорога и в южной части расположена силосная траншея. В результате сборов материала в разрушениях дороги обнаружен сравнительно крупный фрагмент керамики с орнаментом в виде ряда «жемчужин» и ямок (рис.9 – 7) и развал керамического сосуда, орнаментированного пояском «жемчужин» (рис.9 – 8).

Объект Кызыл-Озёк-VII. Находится в черте с. Кызыл-Озёк. Расположен в небольшой ложбинке в ~200 м. к северо-западу от частных огородов улицы Вахтинской, в 60 м. к северо-западу от безымянного ручья, берущего начало в этой ложбинке и являющегося правым притоком р.Вахта (рис.3 – 2). На пахоте собрано несколько фрагментов неорнаментированной керамики.

Поселение Кызыл-Озёк-VIII. Расположено на одном из мысов правобережной надпойменной террасы р.Майма в 5 км. к юго-востоку от с.Кызыл-Озёк. Юго-западную часть мыса перерезает автомобильная трасса Горно-Алтайск – Бирюля, с юго-востока мыс ограничен грунтовой дорогой, ведущей к пасеке (рис.4; 1) Поверхность мыса распахана. На пахоте собраны мелкие, неорнаментированные фрагменты керамики и один фрагмент с орнаментом в виде круглых наколов.

Объект Кызыл-Озёк-IX. Находится в 1.8 км. к северо-востоку от с.Кызыл-Озёк, в 300 м. к северо-востоку от асфальтового завода, в 500 м. к западу от поселения Кызыл-Озёк IV(A) на правом берегу р.Бидюля на южном склоне г.Сарак (рис.4 – 2). Западная, основная часть местонахождения находится на территории заброшенной пашни. Юго-восточная часть спускается до берега ручья. На огороженной территории бывшей пашни собраны фрагменты керамики. Берег ручья, где также обнаружено несколько фрагментов керамики, локализуется юго-восточная часть поселения, которая разрушается паводковыми водами, а также проходящей рядом дорогой.

Поселение Куташ-II. Расположено на надпойменной террасе правого берега р.Сайдыс (рис.5; 1) находки встречаются на северной окраине поселка Куташ, и севернее, где терраса занята пашней. Юго-западную кромку террасы пересекает автомобильная дорога Горно-Алтайск – Турочак, с юго-восточной части террасу ограничивает р.Куташ – правый приток р.Сайдыс. В черте поселка ранее были собраны каменные орудия (Елин В.Н., Кунгуров А.Л., 1999, с.11-13). Нами на распаханной поверхности террасы обнаружено несколько десятков фрагментов орнаментированной и неорнаментированной керамики, фрагмент керамического пряслица (рис.10 – 1), две керамические бусины (рис.10 – 3-4), керамическое лоцило (рис.10 – 2), обломки курант (рис.8 – 1-2), зернотерка (рис.10 – 6), предметы каменной индустрии: кремневая пластина (рис.10 – 5) и несколько отщепов. Судя по профилю фрагментов керамики, наиболее распространенной формой сосудов являлись горшки и банки. Виды орнаментации различные: ряд круглых

наколов, «жемчужин», оттисков гребенчатого штампа (рис.9 – 1-6). Интересны находки двух слабо обожженных керамических бусин, выполненных из тонкой хорошо отмученной глины (рис.10 – 3-4). Одна из бусин является имитацией раковины каури. Все найденные обломки курант изготовлены из камня с твердой зернистой структурой, и имеют сильные следы сработанности. Оригинальной находкой является массивный нижний камень зернотерки, также со следами длительного использования (рис.10 – 6). Насыщенность находками всей территории террасы свидетельствует о долговременном характере этого многослойного поселения. Ежегодная распашка большей части террасы приводит к утрате многослойного поселения.

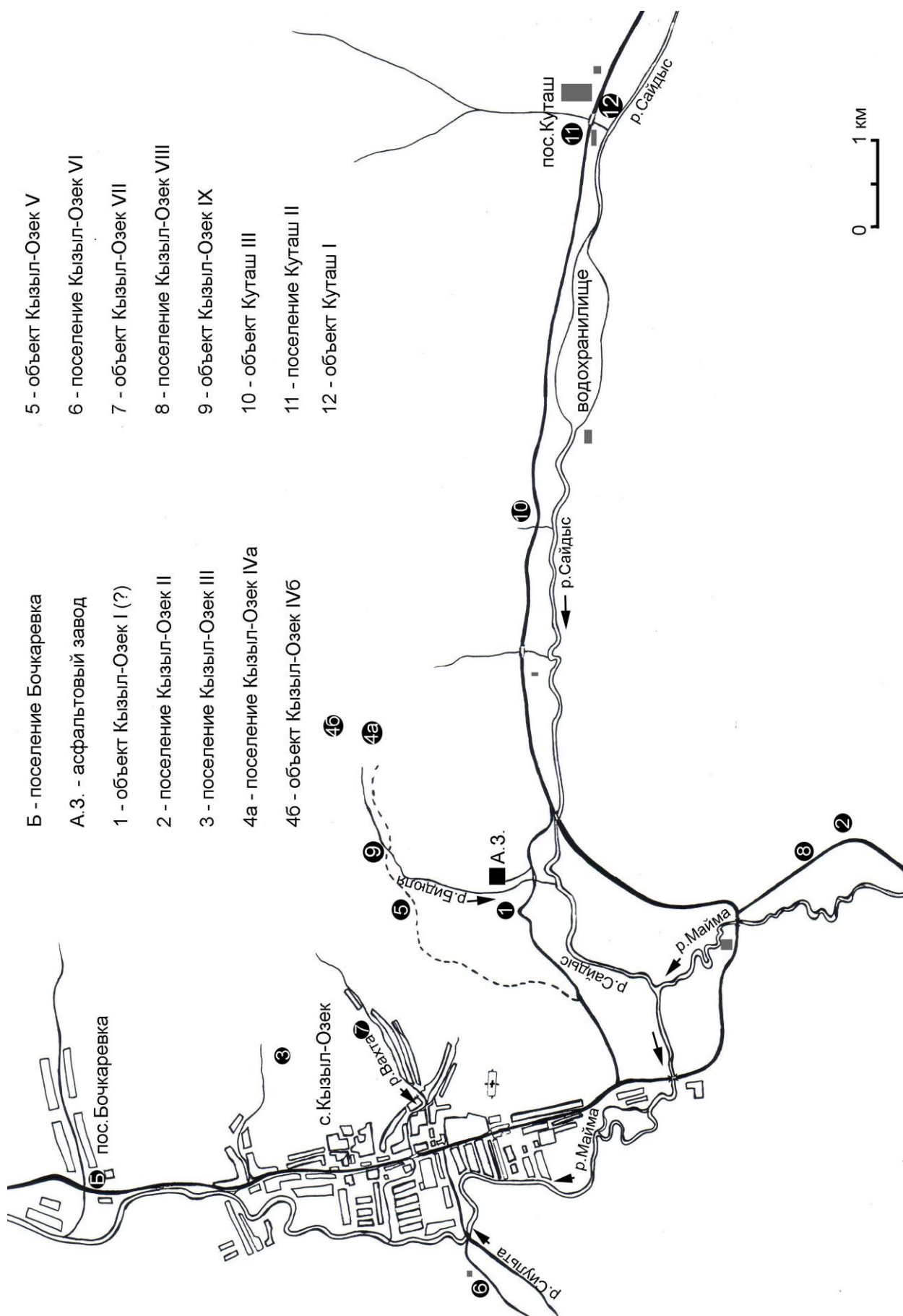
Объект Куташ-III. Располагается на высокой надпойменной террасе правого берега р.Сайдыс в 1 км. от Куташинского водохранилища по трассе Горно-Алтайск – Турочак, в направлении Горно-Алтайска (рис.5 – 2). Южную кромку террасы пересекает автомобильная дорога. С запада мыс ограничивает безымянный ручей – правый приток р.Сайдыс. Северо-восточная часть террасы разрушена при строительстве или ремонте дороги. На верхней части террасы в 50 м. к северу от р.Сайдыс зафиксирована сильно задернованная каменная выкладка округлой в плане формы диаметром ок. 4 м. На данном этапе исследования интерпретировать данный объект не представляется возможным.

Всего в ходе разведочных работ в Майминском районе было обнаружено девять археологических объектов, в том числе четыре поселения, три местонахождения, одна каменная выкладка, мастерская по добыче и первичной обработке кремня. Поселения Кызыл-Озёк IV(A) и Куташ II, по-видимому, являлись многослойными, на это указывают находки предметов каменной индустрии и керамики с орнаментацией облика раннего железного века на распашке. Предварительная дата существования данных поселений период позднего палеолита – ранний железный век. Объект Кызыл-Озёк IV(Б) предварительно датирован эпохой палеолита. Специалисты датируют подобные древние горные выработки Европы эпохой неолита, хотя есть мнение, что некоторые из них могли разрабатываться уже в раннем палеолите (Гурина Н.Н., Ковнурко Г.М., 1964, с.3). В Горном Алтае подобные мастерские по добыче и первичной обработке кремня зафиксированы на р.Тыткескень, левом притоке р.Катунь и были определены как палеолитические (Кунгуров А.Л., 1998, с.3-13). Объект Кызыл-Озёк V на основе имеющегося подъемного материала датируется эпохой палеолита. Орнаментация в виде пояска «жемчужин» в сочетании с наколами, ямками и оттисками палочки, а также такой элемент как налепной валик, в целом характерны для поселений раннего железного века северных предгорий Алтая (Абдулганеев М.Т., 1994, с.106-109). Из исследованных нами поселений керамика с подобной орнаментацией найдена на объектах Кызыл-Озёк IV(A),VI,VIII, IX, а также Куташ II, что позволяет нам предположить, что данные поселения были обитаемы в раннем железном веке. Датировка местонахождений Кызыл-Озёк VII, IX, а также Куташ III на данном этапе исследования затруднительна из-за невыразительности подъемного материала.

Обнаруженные памятники являются перспективными поселенческими комплексами, детальное изучение которых поможет прояснить этнокультурную ситуацию в северных предгорьях Алтая в раннем железном веке, так как подавляющее большинство обнаруженной керамики относится к периоду раннего железного века. Интересным объектом является Кызыл-Озёк IV(Б), так как подобные горные кремневые разработки являются слабоизученной категорией археологических памятников Алтая. Примечателен тот факт, что никаких признаков погребений и надмогильных сооружений на сегодняшнем этапе исследования в данном регионе не обнаружено. Практически все представленные выше археологические местонахождения подвергаются в той или иной степени антропогенному воздействию, что, в конечном итоге приведет к утрате памятников.

Литература

1. Абдулганеев М.Т. Валиковая керамика раннего железного века в северных предгорьях Алтая // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. – Барнаул, 1994. – С.106-109.
2. Вдовина Т.А., Сафронов А.М. Археологическое обследование долины р.Майма в 2002 году // Горный Алтай. Исторический сборник. Вып. 6. – Горно-Алтайск, 2002. – С.6-9.

Б - поселение Бочкаревка	5 - объект Кзыл-Озек V
А.З. - асфальтовый завод	6 - поселение Кзыл-Озек VI
1 - объект Кзыл-Озек I (?)	7 - объект Кзыл-Озек VII
2 - поселение Кзыл-Озек II	8 - поселение Кзыл-Озек VIII
3 - поселение Кзыл-Озек III	9 - объект Кзыл-Озек IX
4а - поселение Кзыл-Озек IVа	10 - объект Куташ III
4б - объект Кзыл-Озек IVб	11 - поселение Куташ II
	12 - объект Куташ I

Рис. 1

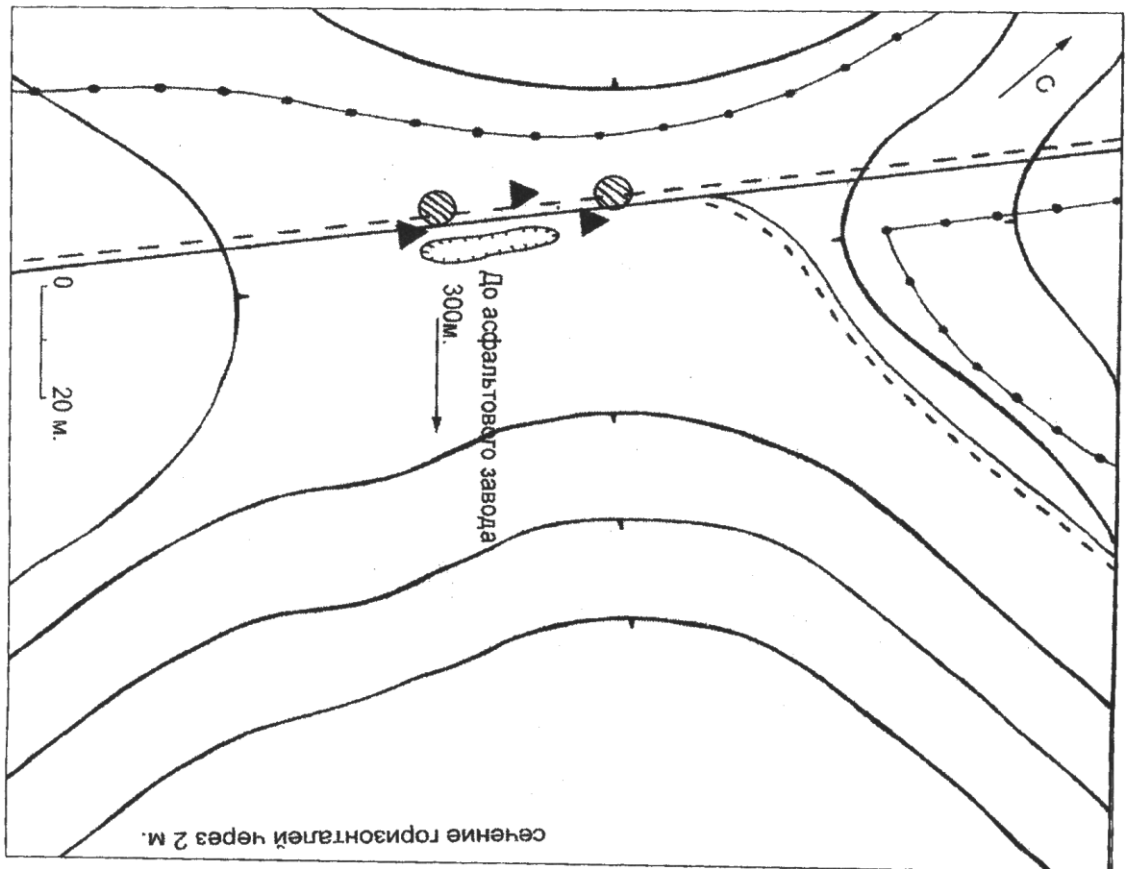
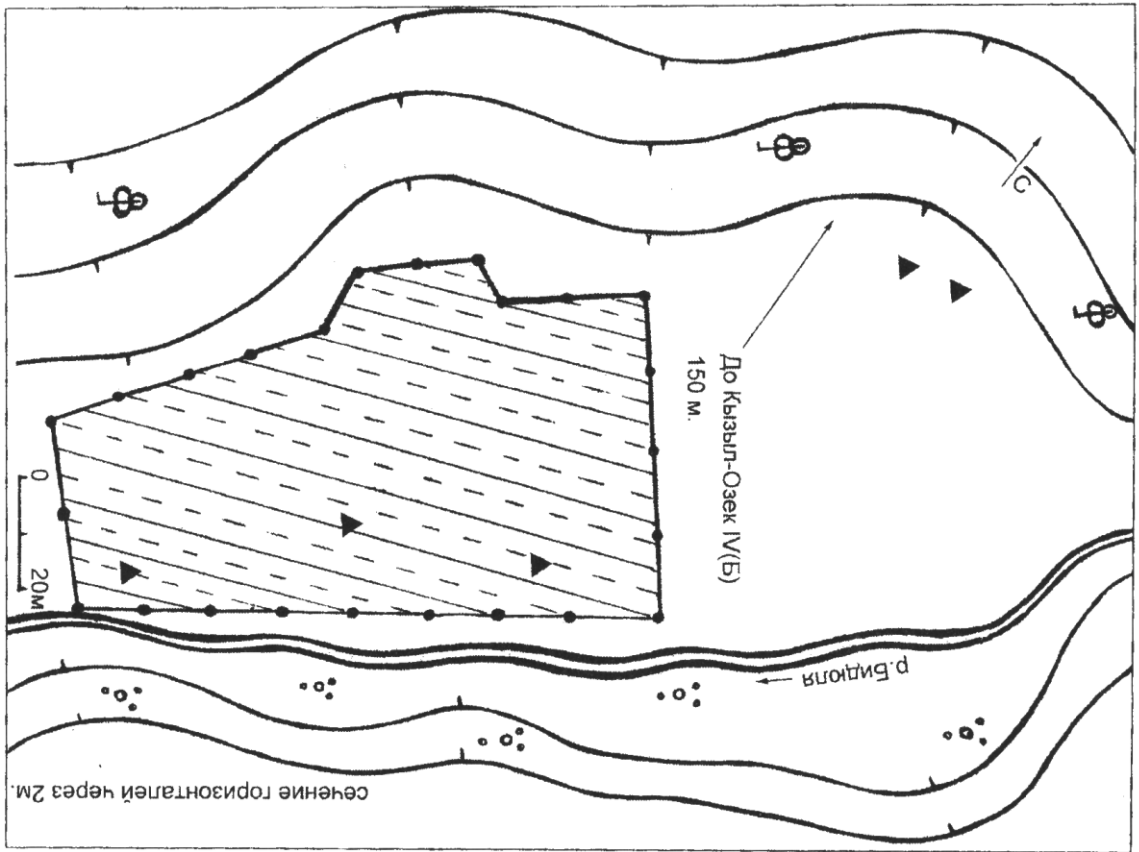

Рис. 2

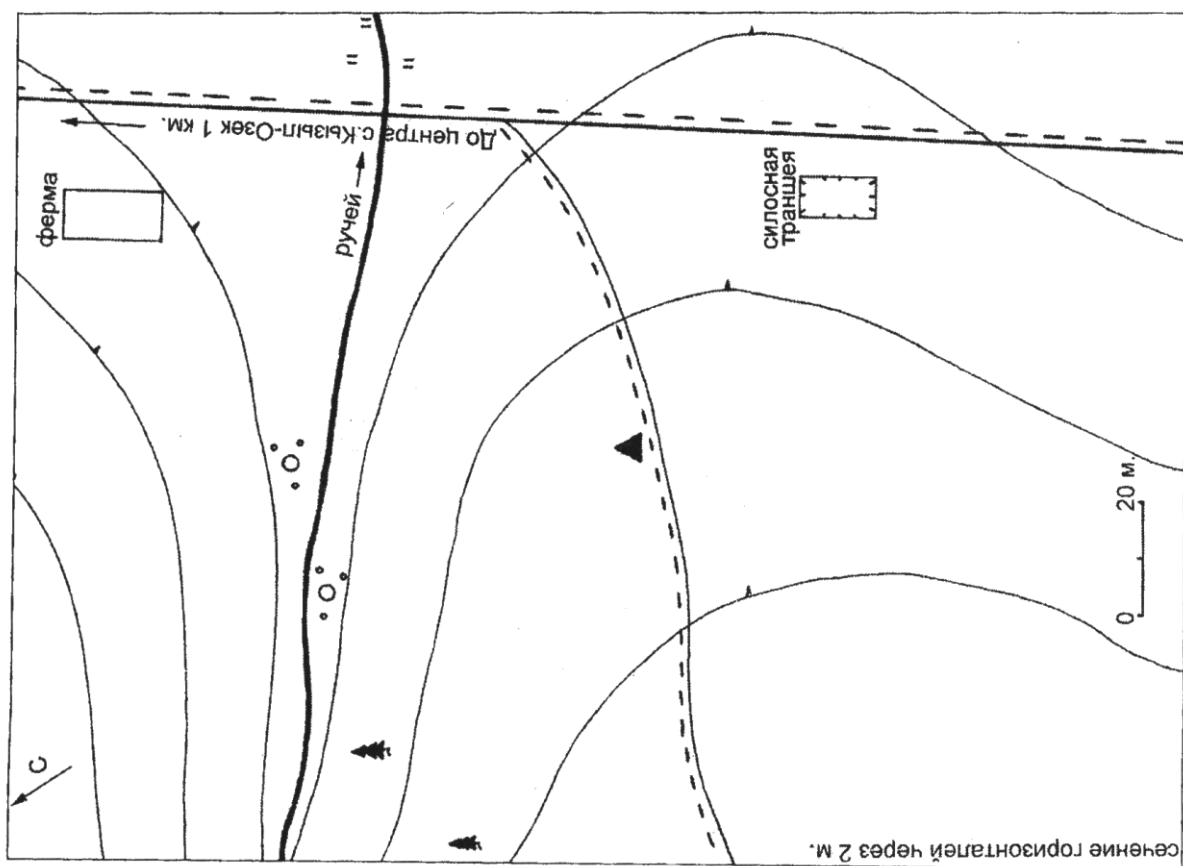
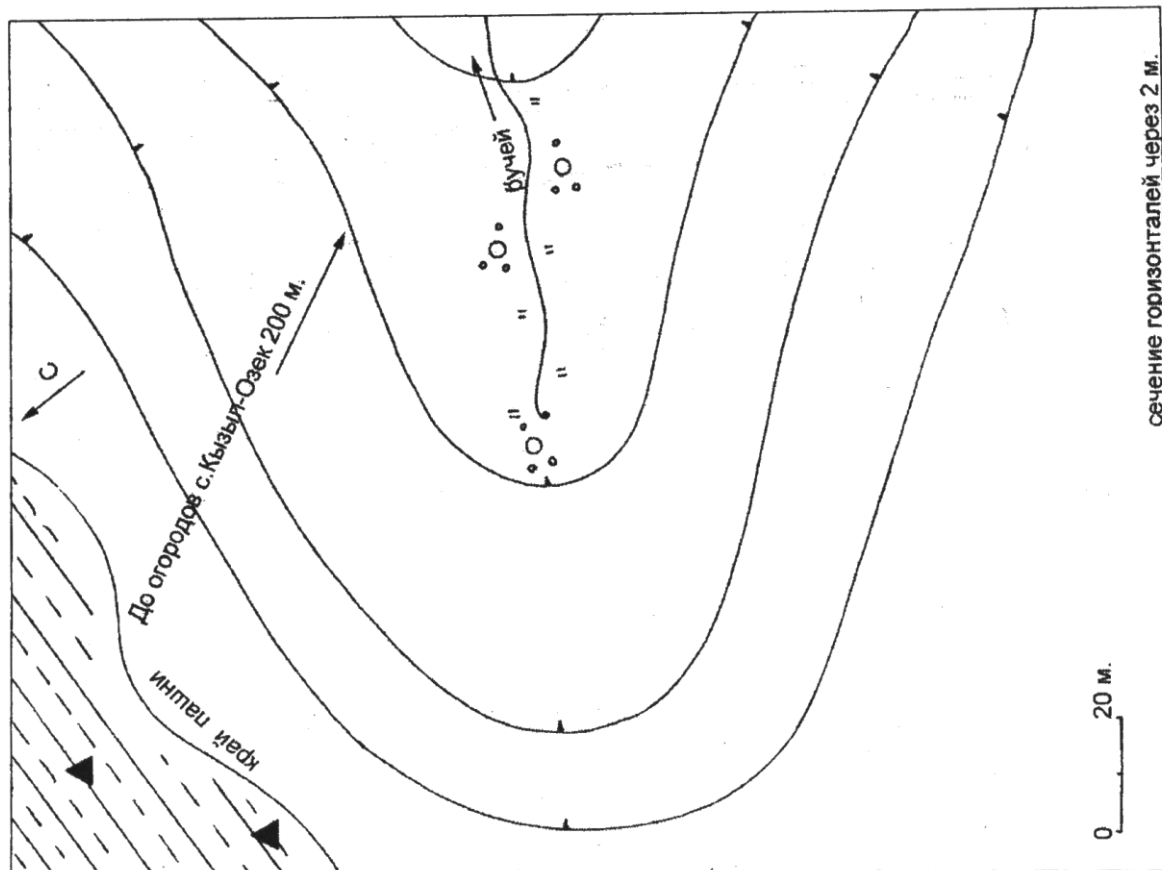

Рис.3

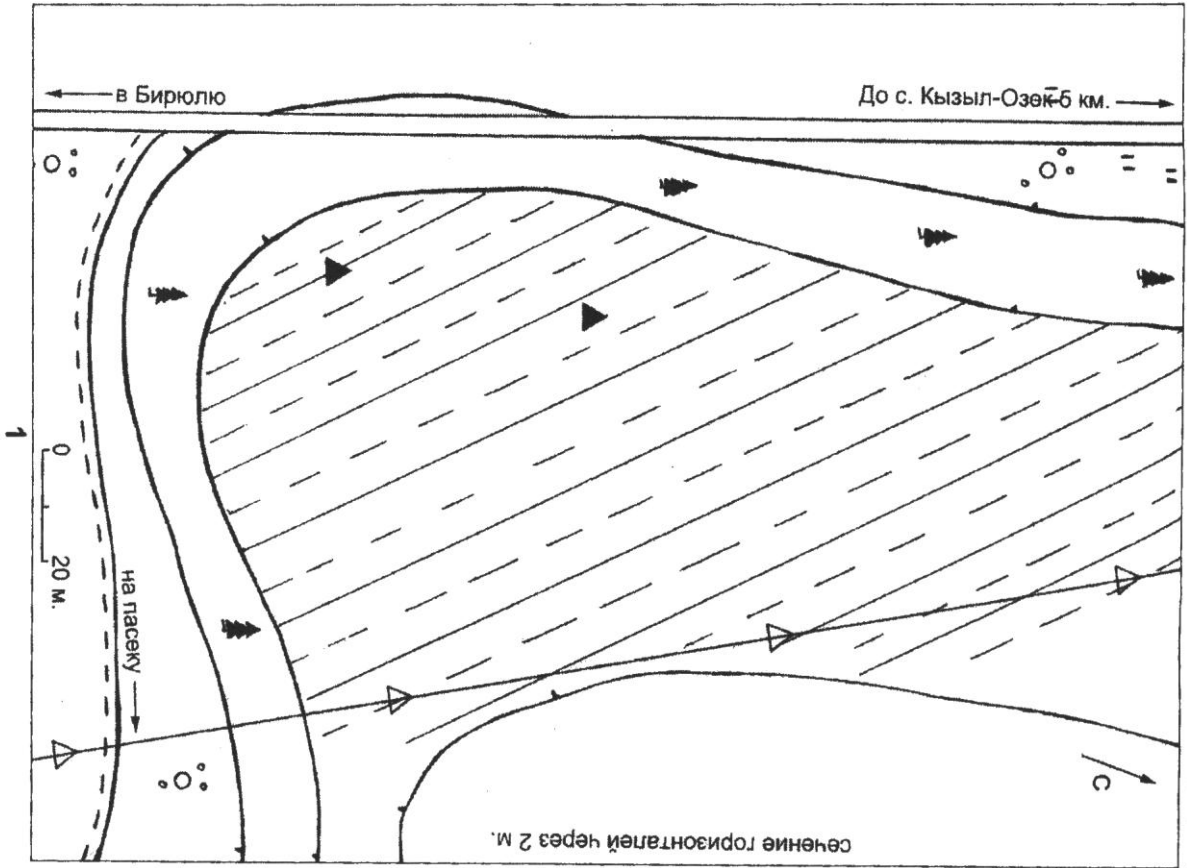
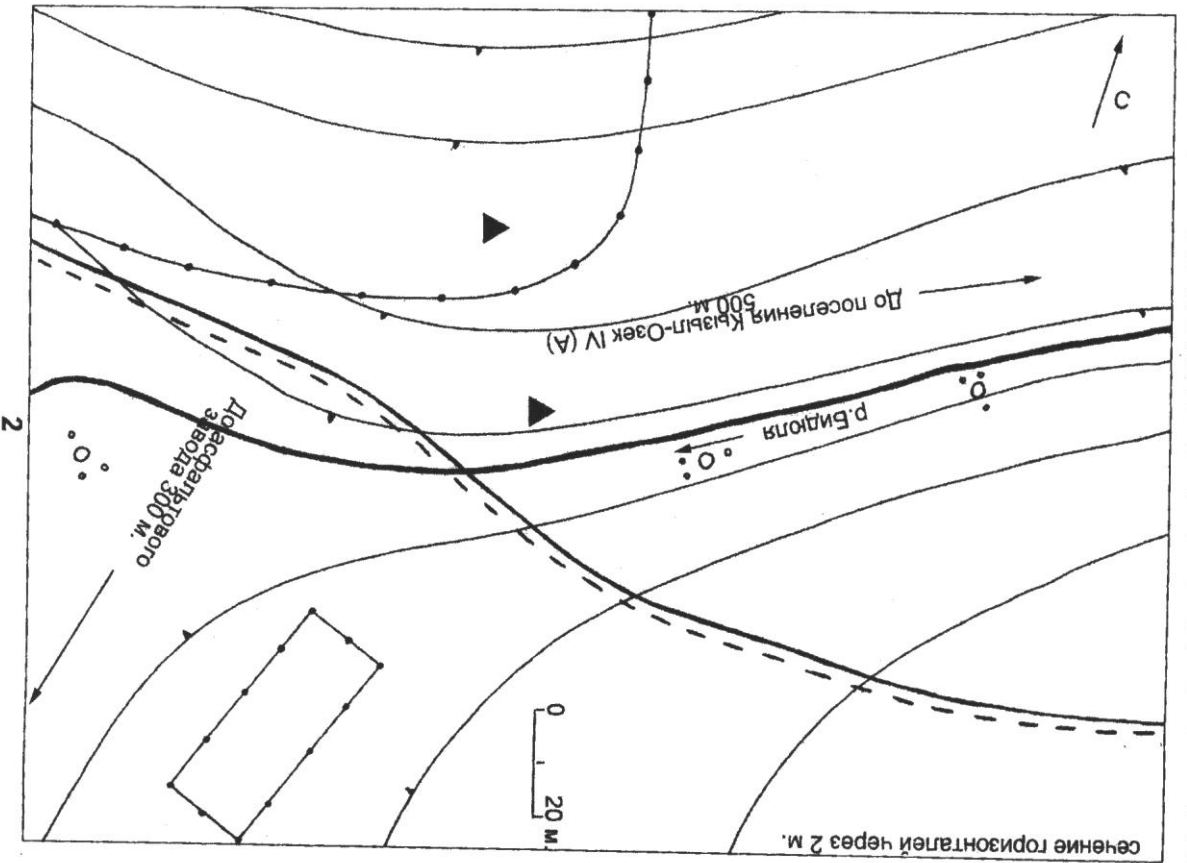

Рис.4

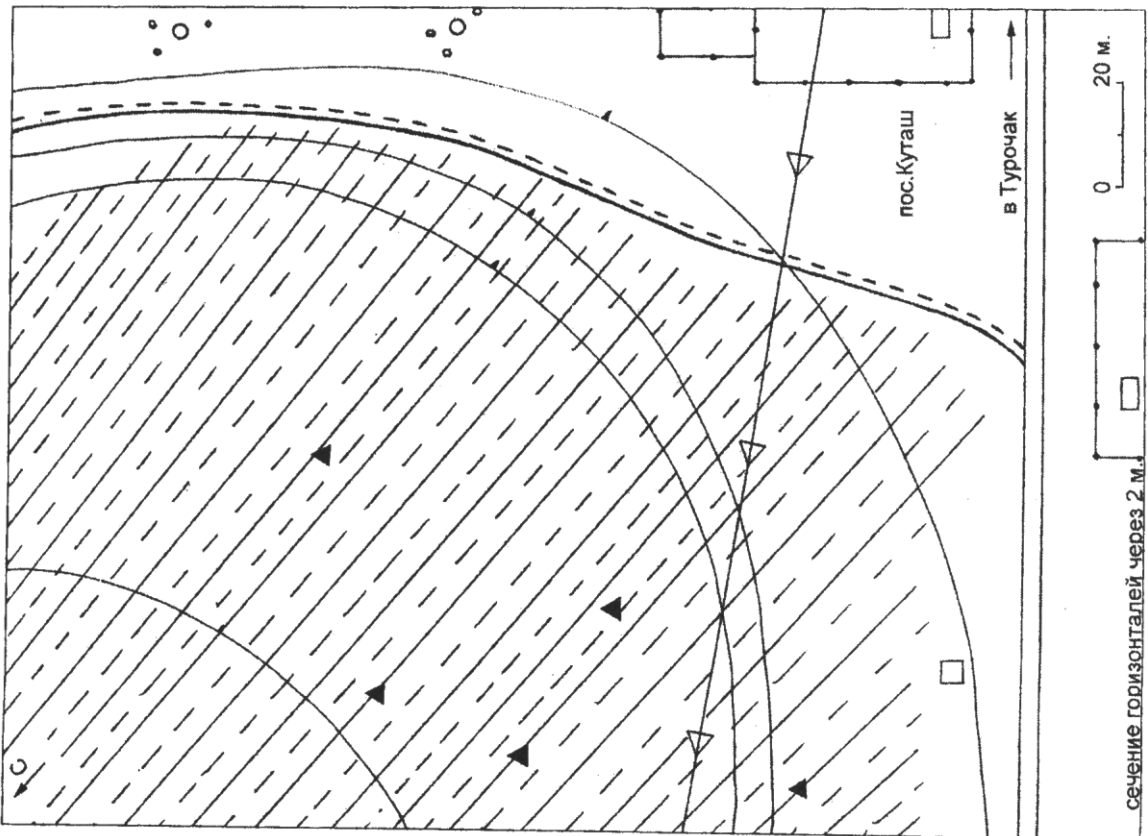
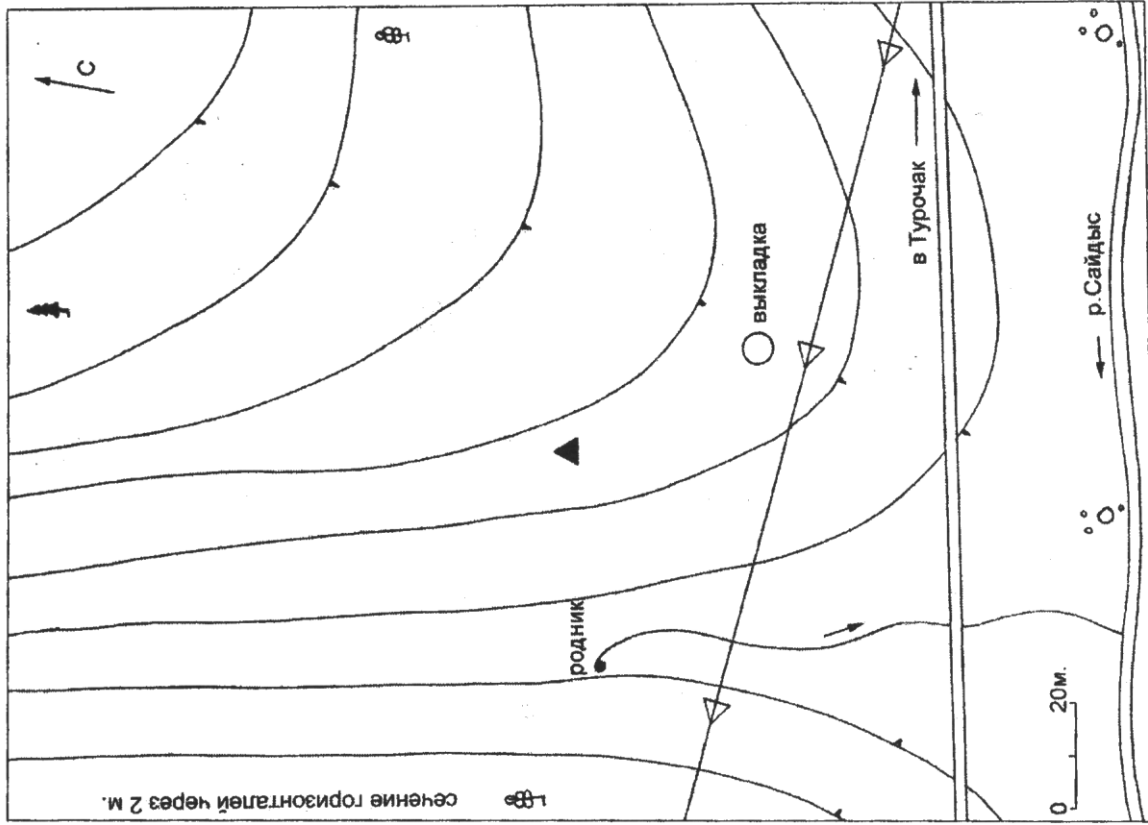

Рис.5

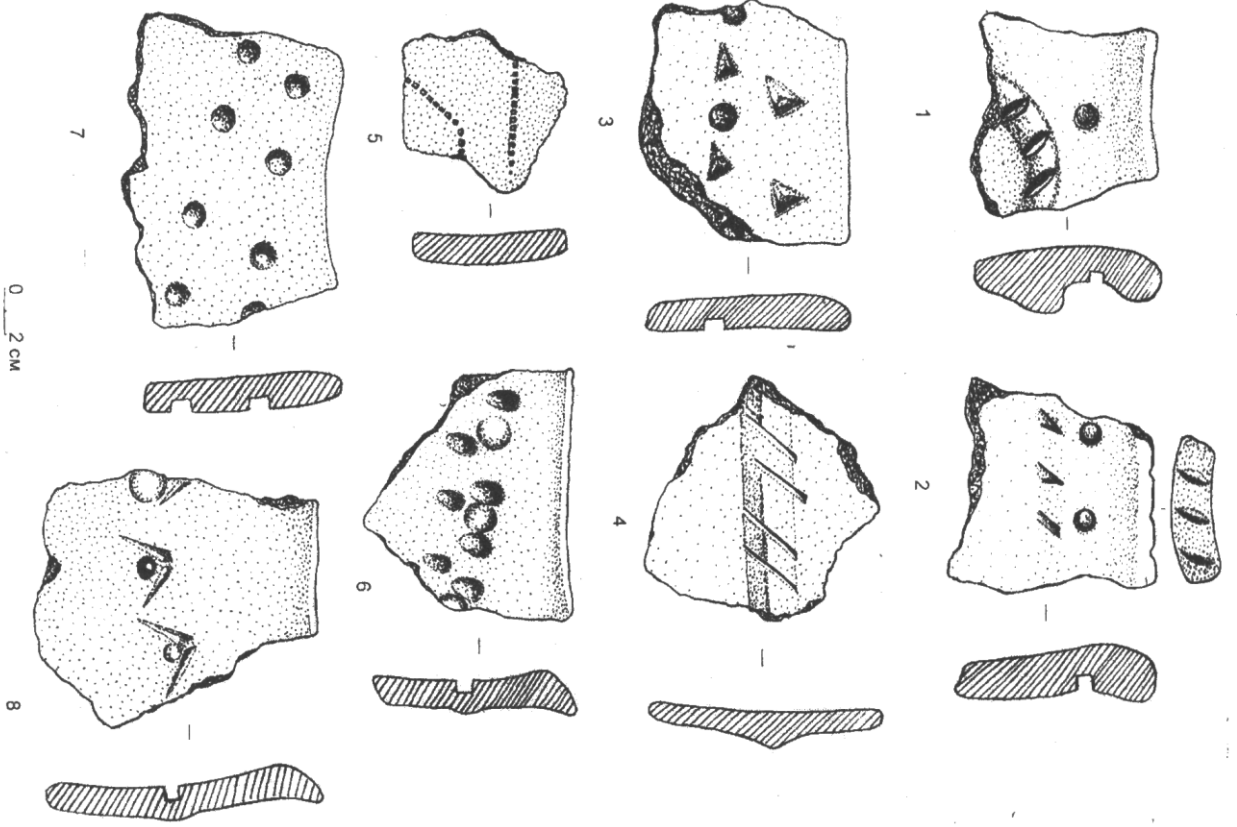
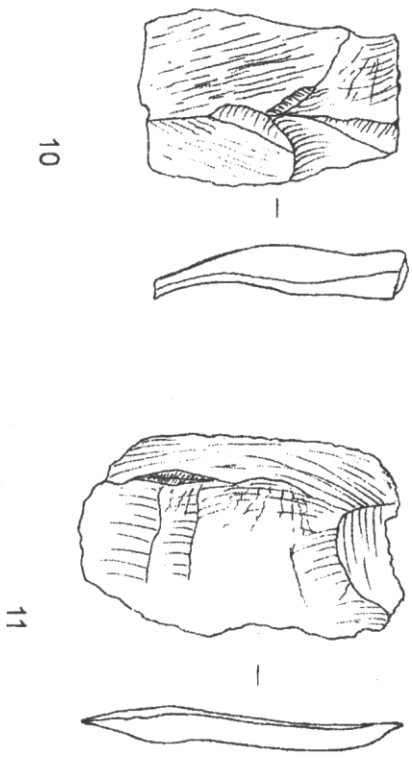
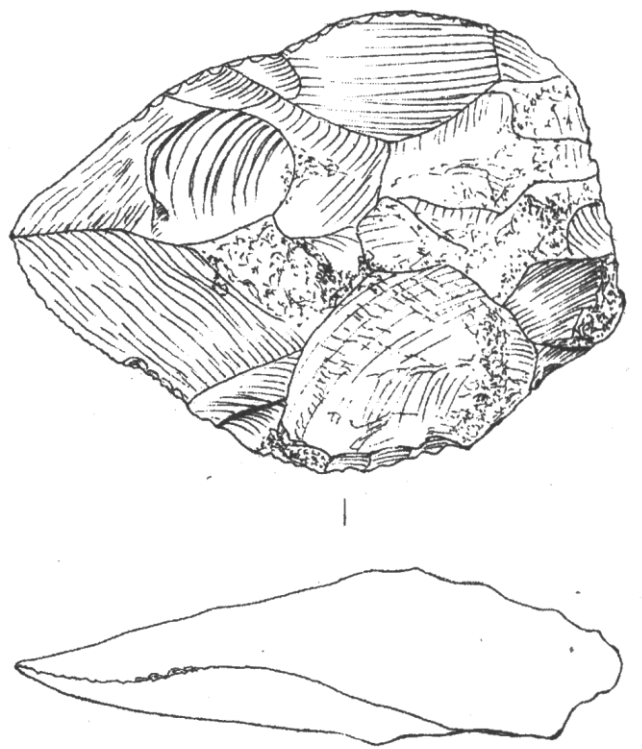

Рис. 6

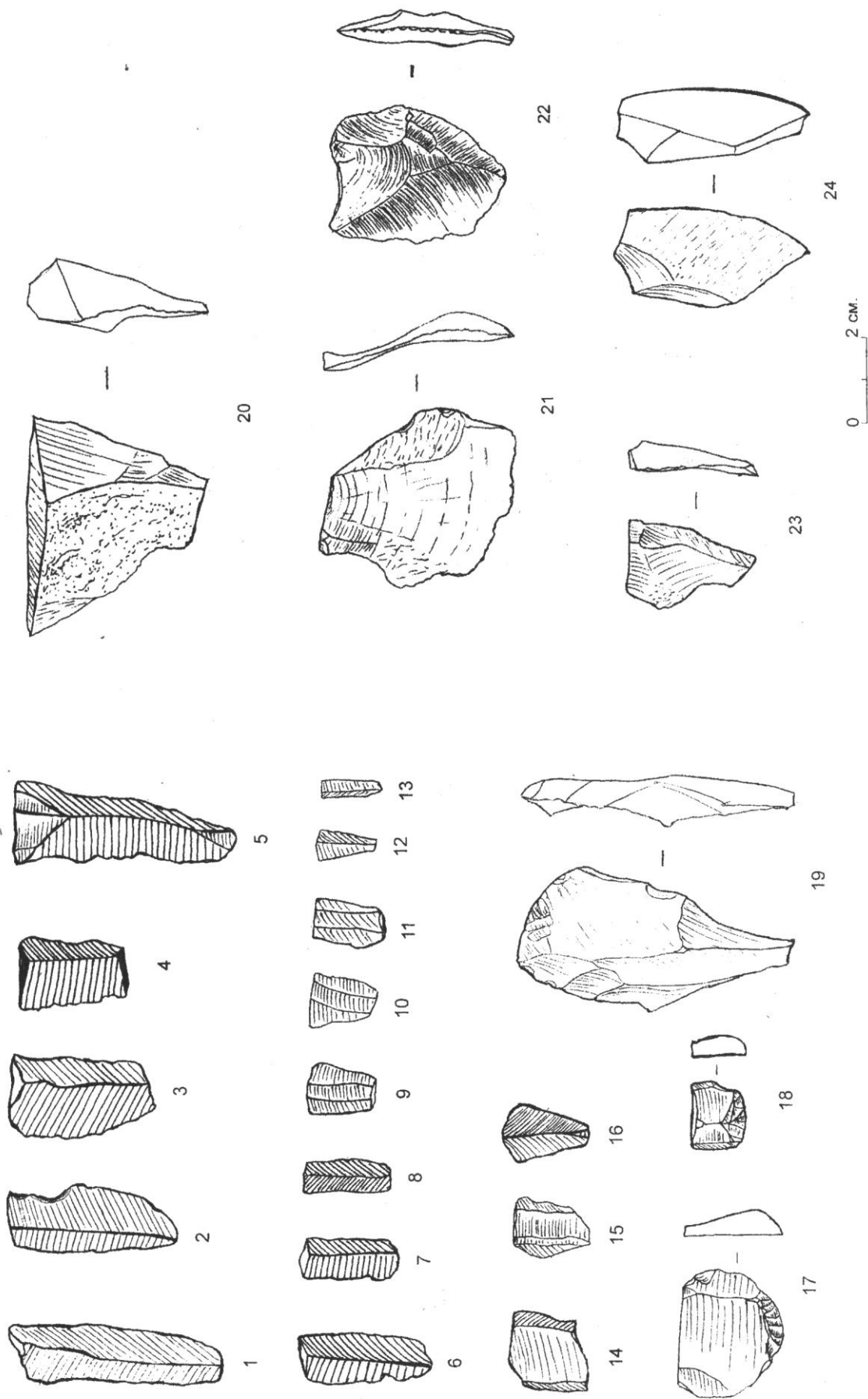

Рис.7

0
2 cm

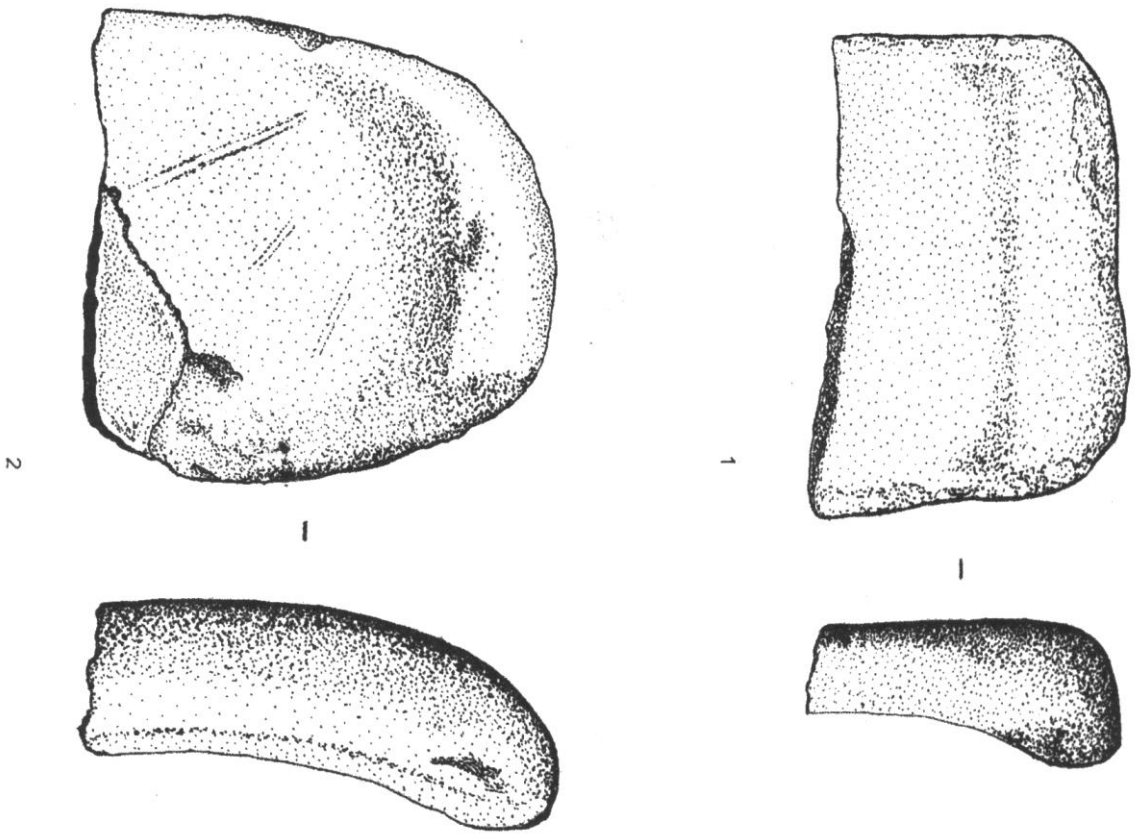
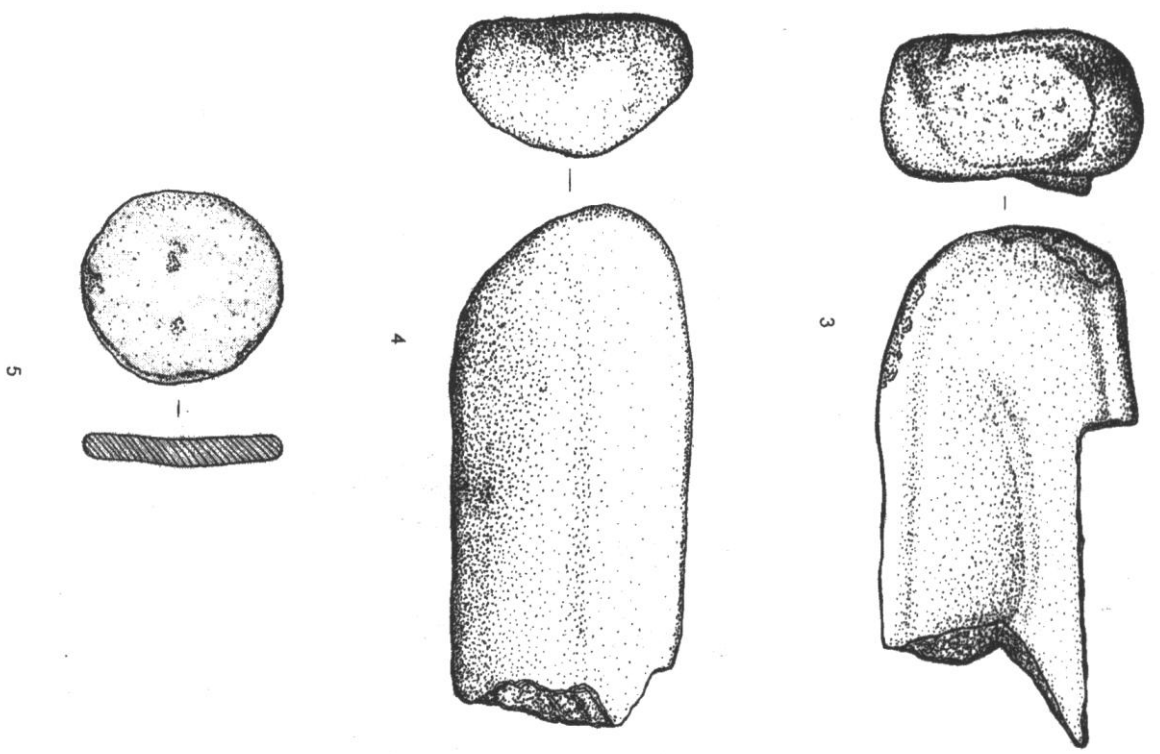

Рис. 8

0
2 cm

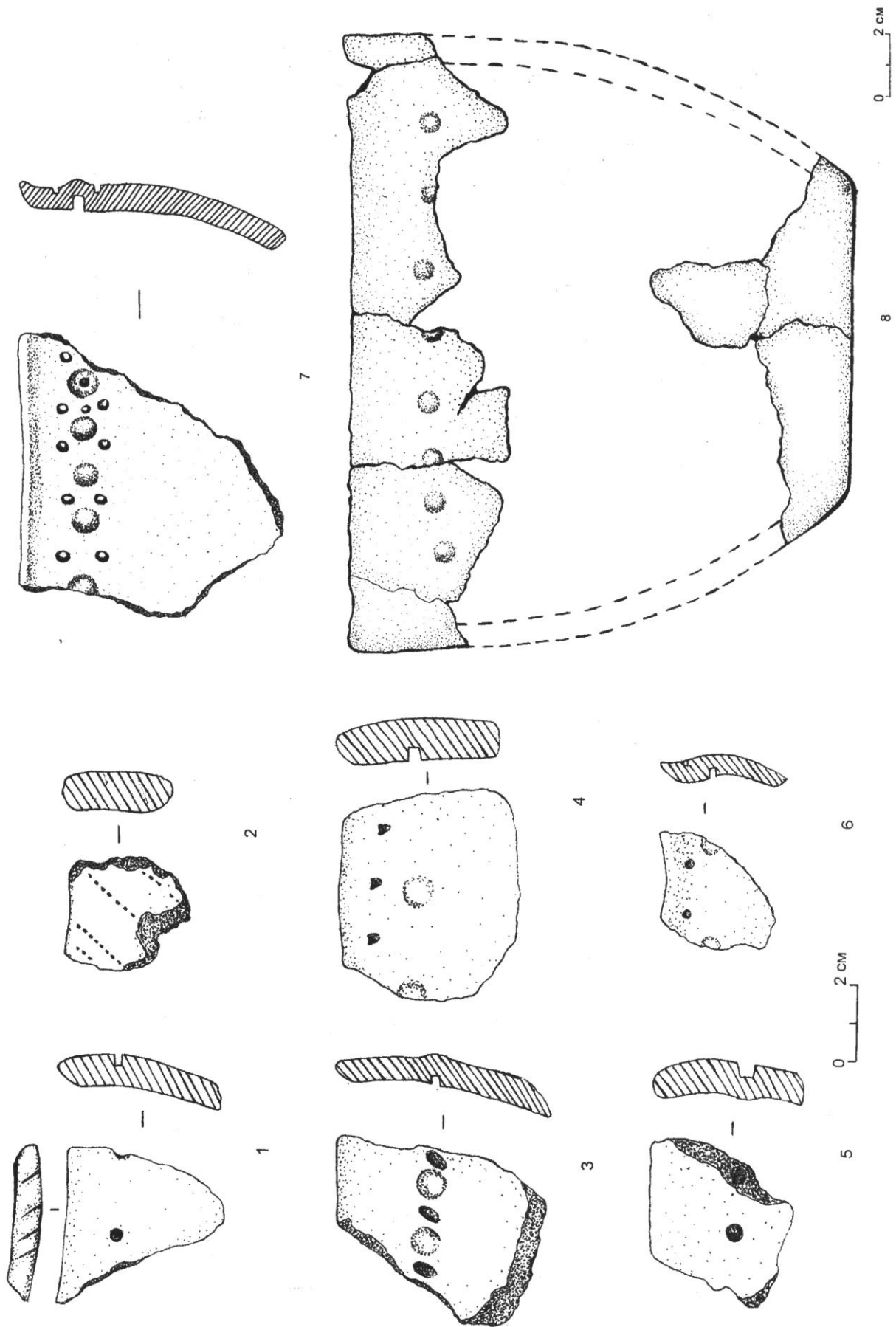

Рис.9

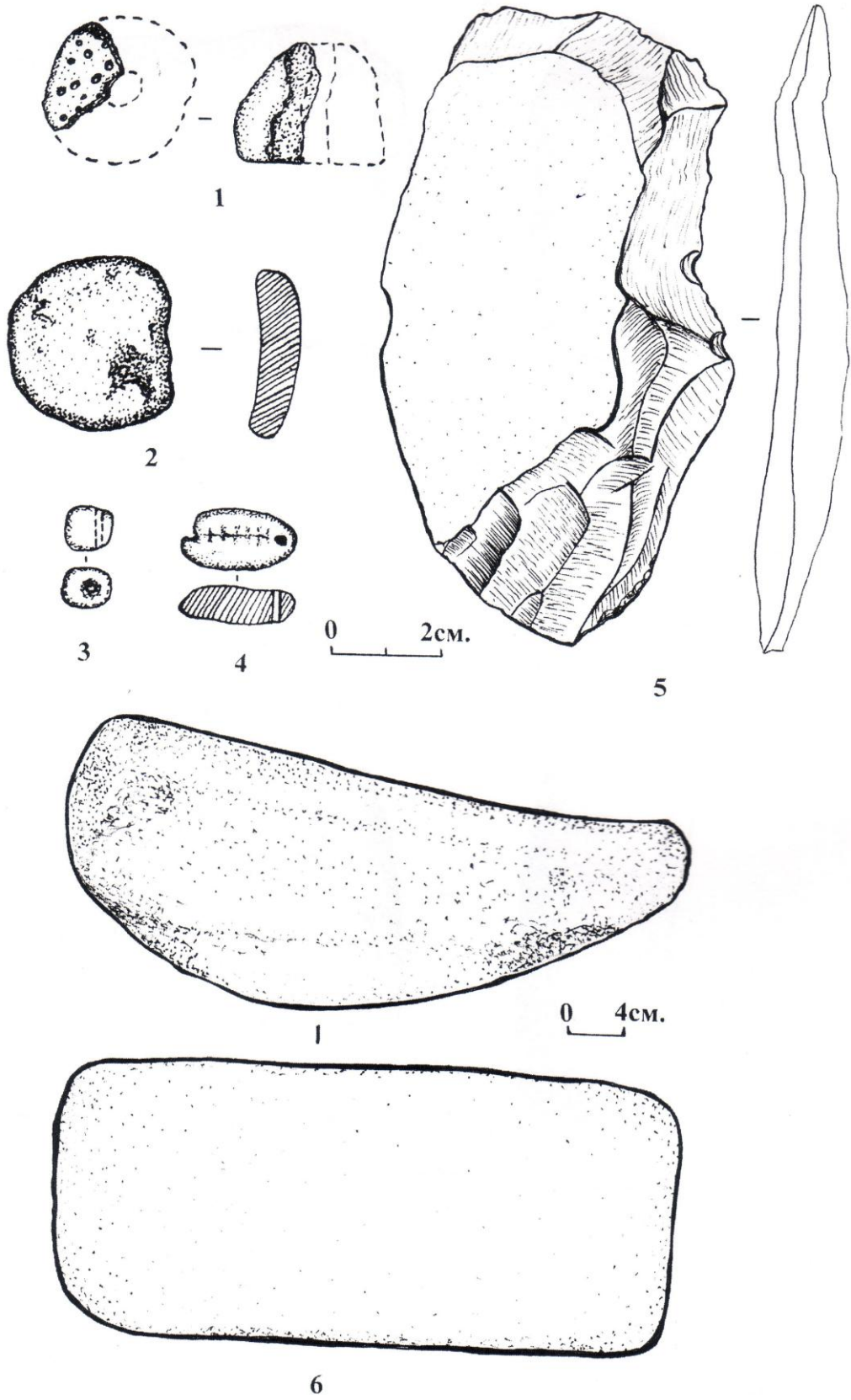

Рис.10

3. Гурина Н.Н., Ковнурко Г.М. Шахты по добыче кремня в Западной Белоруссии // Советская археология. – М., 1964. – №2. – С.3-12.
4. Елин В.Н., Кунгуров А.Л. Палеолитическое местонахождение Куташ // Древности Алтая. – Горно-Алтайск, 1998. – №3. – С.13-15.
5. Киреев С.М. Поселения долины р.Майма и проблема культурной принадлежности памятников северо-западных предгорий Горного Алтая во II пол. I тыс. до н.э. // Проблемы истории Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1987. – С.61-73.
6. Кунгуров А.Л. Палеолитические памятники р.Тыткескень (Средняя Катунь) // Древности Алтая. – Горно-Алтайск, 1998. – №3. – С.3-13.
7. Сафронов А.М., Вдовина Т.А., Вдовин А.А. Новые археологические объекты в Майминском районе // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края, вып.12. – Барнаул, 2001. – С.188-190.

Список иллюстраций к статье Вдовиной Т.А.

- Рис.1. Схема расположения памятников археологии в окрестностях с.Кызыл-Озек.
- Рис.2. 1 – глазомерный план поселения Кызыл-Озек IV (А); 2 – глазомерный план объекта Кызыл-Озек V.
- Рис.3. 1 – глазомерный план поселения Кызыл-Озек VI; 2 – глазомерный план поселения Кызыл-Озек VII.
- Рис.4. 1 – глазомерный план поселения Кызыл-Озек VIII; 2 – глазомерный план поселения Кызыл-Озек IX.
- Рис.5. 1 – глазомерный план поселения Куташ II; 2 – глазомерный план поселения Куташ III.
- Рис.6. 1-8 – фрагменты орнаментированной керамики, поселение Кызыл-Озек IV (А); 9-11 Предметы каменной индустрии, поселение Кызыл-Озек IV (А).
- Рис.7. 1-19 – предметы каменной индустрии, объект Кызыл-Озек V; 20-24 Первичные кремневые сколы, объект Кызыл-Озек IV (Б).
- Рис.8. 1-2 – обломки курант, поселение Куташ II; 3-5 – сломанные песты, поселение Кызыл-Озек IV (А); 6 – керамическое лоцило, поселение Кызыл-Озек IV (А).
- Рис.9. 1-6 – фрагменты орнаментированной керамики, поселение Куташ II; 7 – фрагмент орнаментированной керамики, поселение Кызыл-Озек VI; 8 – развал горшка, поселение Кызыл-Озек VI.
- Рис.10. Находки с поселения Куташ II: 1 – фрагмент керамического пряслица, 2 – керамическое лоцило, 3-4 – керамические бусины, 5 – кремневая пластина, 6 – зернотерка.

Худяков Ю.С., Бобров Л.А.
(г.Новосибирск)

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ КОНТАКТЫ И ВЗАИМОВЛИЯНИЕ РУССКИХ С ТЮРКСКИМИ НАРОДАМИ ЗАПАДНОЙ И ЮЖНОЙ СИБИРИ В ВОЕННОМ ДЕЛЕ В XVI – XVII ВВ.

Вопросы военной истории в контексте присоединения к Российскому государству районов Западной и Южной Сибири, населенных тюркоязычными кочевыми скотоводческими народами, находились в поле зрения отечественных ученых с периода становления исторической науки в России в первой трети XVIII в.

Среди ученых, специально приглашенных в Россию для изучения природных ресурсов Сибири, одним из первых обратил внимание на оборонительные сооружения, развалины позднесредневековых татарских крепостей в Прииртышье Д.Г. Мессершмидт, возглавлявший первую научную экспедицию по территории Северной Азии (Messerschmidt D.G., 1962, s.74-78).

Значительно больше внимания уделил вопросам военной истории русских, сибирских татар и енисейских кыргызов в XVI – XVII вв. выдающийся ученый историк, путешествовавший по Сибири в составе Великой Северной экспедиции, Г.Ф. Миллер. Благодаря его самоотверженному труду был собран, сохранен для науки и обработан основной фонд русских письменных источников, в которых освещены основные события и сложные процессы присоединения южных районов Сибири к России. Г.Ф. Миллер обследовал городища Сибирского Юрта в Западной Сибири. Он осмотрел «Кучумово городище», Искер или Кашлык, Чимги-Туру, Тарханское, Карачинское и некоторые другие татарские городища, описал систему фортификации некоторых из них, состоявшую из земляных валов и рвов, окаймлявших двор городища с напольной стороны. Г.Ф. Миллер отметил различную форму укреплений: четырехугольную, дуговидную и круглую в плане. Он высказал предположение, согласно которому в цитадели Искера проживали представители высшей знати Сибирского татарского ханства.

Г.Ф. Миллер проанализировал сведения сибирских летописей и других источников, и подробно изложил историю военных действий русских против войск хана Кучума (Миллер Г.Ф., 1999, с.218-219, 234-259).

Ученый осмотрел развалины джунгарских монастырей в верховьях Иртыша. Он пришел к заключению, что «русская сторона не прилагала много усилий для присоединения этих мест», а населявшие Верхнее Приобье телеуты и татары «подчинились большей частью совершенно добровольно» (Сибирь, 1996, с.21). Он касался вопросов контактов между русской администрацией в Сибири и джунгарами. В трудах Г.Ф. Миллера были освещены и события военной истории в Южной Сибири. Ученый считал, что енисейские кыргызы чинили русским препятствия, так как они считали всех татар своими людьми. Из-за этого они «постоянно подстрекали другие народы и уговаривали их объединиться с ними против русских» (Миллер Г.Ф., 2000, с.55). Он отметил, что основным средством борьбы с кочевниками было сооружение острогов, которые стали важными опорными пунктами российской власти на присоединенных землях. Г.Ф. Миллер полагал, что поддержка со стороны монголов укрепляла воинственный дух кыргызов. Он писал, что «защита, обещанная киргизам Алтын-ханом, и ожидавшееся нападение со стороны калмыков сделали этот народ очень дерзким» (Миллер Г.Ф., 2000, с.68). В трудах ученого упомянуты некоторые виды оружия и приемы ведения боя, применявшиеся кочевниками в ходе столкновения с отрядами русских казаков и служилых людей (Миллер Г.Ф., 2000, с.66).

Отдельные наблюдения и соображения на эту тему содержатся в сочинениях других участников Великой Северной экспедиции. В труде И.Г. Гмелина так же упомянуты квадратные и прямоугольные в плане татарские городища, осмотренные им на территории Западной Сибири. Им достаточно подробно описаны развалины джунгарского монастыря Аблай-кит в Верхнем Прииртышье (Гмелин И.Г., 1994, с.141).

В труде И.Э. Фишера также были рассмотрены некоторые аспекты взаимоотношений русских с тюркоязычными кочевыми народами Южной Сибири. Ученый считал, что главной причиной трудностей, которые возникли у русских властей в ходе присоединения Минусинской котловины, была воинственность енисейских кыргызов (Фишер И.Э., 1774, с.53). Он упомянул в своем сочинении горные крепости и находки предметов вооружения в «киргизских могилах».

О памятниках эпохи джунгарского ханства в Прииртышье упомянул в своем труде Г.В. Де Генин (Генин В., 1937, с.626-627). Более подробно джунгарские монастыри на Иртыше, Аблайкит и Семь палат, описал в своей статье И.Р. Форстер. Среди находок из Прииртышской коллекции были отдельные предметы, относящиеся к XVII в. (Forster J.R., 1767, р.228-230).

Во второй половине XVIII в. памятники эпохи позднего средневековья на территории Западной и Южной Сибири были обследованы участниками академических экспедиций. П.С. Паллас посетил Алтайский горный округ, обследовал древние горные выработки, осмотрел джунгарский ламаистский храм Аблайкит, исследовал памятники в долине р. Енисей. В своих трудах он упоминал городища со рвами для защиты от вражеских нападений, выделил несколько типов древних и средневековых погребений, среди которых «киргизские могилы». П.С. Паллас серьезно интересовался и опубликовал специальные работы по ламаистской культовой пластике и рудных копиях (Паллас П.С., 1780, с.312-314).

Ученые XVIII в. сравнительно редко производили раскопки, в ходе которых не встречалось «куриозных» вещей из драгоценных металлов, которые интересовали их в первую очередь. Такие находки приобретались у бугровщиков. Железные предметы вооружения не привлекали к себе специального внимания ученых, поскольку не представляли из себя ничего необычного, «куриозного». Они сравнительно редко привлекали внимание бугровщиков, поскольку такие вещи было трудно продать знатым людям или иностранцам. Исключение среди подобных предметов составляли наконечники стрел из разграбленных кыргызских курганов, которые отличались очень хорошей сохранностью, поскольку подверглись дополнительной закалке в огне погребальных костров, на которых сжигали тела умерших сородичей енисейские кыргызы. Однако, бугровщики очень скоро усвоили, что в курганах кыргызской культуры редко встречаются вещи, изготовленные из драгоценных металлов, поэтому перестали их раскапывать.

В начале XIX в. в г. Барнауле, при горном училище, был создан первый в Сибири музей. В состав музейных экспозиций, наряду с этнографическими материалами, энтомологическими коллекциями, чучелами животных и образцами горных механизмов, была включена небольшая коллекция археологических находок из «чудских могил». Среди них в описи коллекций упомянуты «девять старинных шпаг разных видов», которые могли представлять собой железные клинки, относящиеся к эпохе средневековья, а также «две чугунные посуды», которые должны относиться к эпохам развитого или позднего средневековья (Гришаев В.Ф., 1993, с.38). Коллекции археологических находок собирали и отдельные любители старины. На Алтае таким собирательством занимался начальник горного округа П.К. Фролов, находки в коллекции которого осмотрел К.Ф. Ледебур. Этот ученый в 1826 г. раскопал несколько могил на р. Чарыш, среди которых были не «чудские», а «калмыцкие», т.е. теленгитские захоронения (Ледебур К.Ф., 1993, с.98-99).

Значительную коллекцию археологических находок собрал в первой трети XIX в. енисейский губернатор А.П. Степанов, который производил неквалифицированные раскопки курганов в разных районах подведомственной губернии. Он даже пытался обобщить свои наблюдения и, полемизируя с П.С. Палласом, утверждал, что «внутренность могил», различных по конструкции, «решительно одинакова». В то же время он соглашался с тем, что некоторые погребения принадлежат «чуди», другие «киргизам», а третьи «татарам» (Степанов А.П., 1997, с.28-30).

В XIX в. в числе основных причин ведения войн и военных успехов русских с тюркскими и монгольскими народами стали выдвигаться экономические и военнотехнические. Например П.А. Словцов считал, что основным стимулом для освоения Северной Азии русскими была погоня за пушниной и обложение сибирских аборигенов ясаком, а главной причиной военных побед – применение огнестрельного оружия. Он оправдывал необходимость покорения народов Сибири еще и тем, что среди них были распространены «дикие» нравы, обычаи и суеверия (Словцов П.А., 1995, с.89).

Коллекцию предметов позднесредневекового оружия из степного Алтая собрал А.И. Шренк (Демин М.А., 1989, с.52).

Весьма значительными для расширения круга источников и изучения проблем этнической и военной истории тюркских и монгольских народов Саяно-Алтая и Центральной Азии были результаты исследований В.В. Радлова. В процессе раскопок археологических памятников Причулымья им были изучены и датированы памятники эпохи позднего средневековья, отнесенные ученым к «новейшей эпохе железного века». В изученных комплексах были обнаружены предметы наступательного и защитного вооружения. Исследователь описал и точно датировал памятники на Чердате по находкам русских монет XVII в. (Радлов В.В., 1989, с.459-460, 477-480). На основании обобщения археологических, этнографических и лингвистических материалов ученый пришел к важному выводу, согласно которому современное коренное тюркоязычное население Минусинской котловины сформировалось из «различных племен», спустившихся в долину Енисея из окрестной тайги после того, как в начале XVIII в. енисейские кыргызы были угнаны в Джунгарию, а южносибирские земли вошли в состав России (Радлов В.В., 1989, с.222).

Точка зрения В.В. Радлова в дальнейшем нашла подтверждение в русских исторических документах. Однако ее попытался оспорить И.П. Кузнецов. Он считал, что кыргызы не могли проживать в Минусинской котловине ввиду ее сравнительно небольших размеров, а обитали гораздо южнее», в степях Центральной Азии. В то же время он признавал,

что коренное население Минусинской котловины должно было находиться в зависимости от кыргызов (Кузнецов И.П., 1889, с.36).

В течение второй половины XIX в. во многих городах России, в том числе в Сибири стали создаваться музеи, в которых начали накапливаться археологические находки из раскопок и случайных сборов. Среди этих находок было немало предметов вооружения, относящихся к эпохе позднего средневековья. Их приносили, сдавали или продавали музеям многие любители старины. Находки позднесредневекового оружия из Западной и Южной Сибири оказались в музейных собраниях разных городов Российской империи. Подобные предметы находятся в музеях Санкт-Петербурга, Москвы, Казани, Омска, Тобольска, Томска, Красноярска, Барнаула, Бийска, Минусинска, Иркутска, Хельсинки. Часть железных предметов вооружения, собранных в долине Среднего Енисея и хранящихся в Минусинском музее, была введена в научный оборот Д.А. Клеменцем (Клеменц Д.А., 1886, с.155-156).

Для изучения оружия сибирских татар эпохи позднего средневековья в Западной Сибири важное значение имели раскопки столицы Сибирского ханства, городища Искер, которые проводили сибирские краеведы М.С. Знаменский и В.Н. Пигнатти в конце XIX – начале XX вв. (Пигнатти В.Н., 1915, с.19).

Отдельные предметы наступательного и защитного вооружения позднего средневековья из Южной Сибири попали в поле зрения европейских ученых (Martin F.R., 1897, Tabl.27, 28, 31; Tallgren A.M., 1917, Pl. XII, 1, 7, 8, 12, 15).

В первой половине XX в. памятники тюркоязычного населения эпохи позднего средневековья в Западной и Южной Сибири целенаправленно не изучались, поскольку они не включались в число объектов археологии. Памятники эпохи позднего средневековья не вошли в сквозные периодизации археологических культур Минусинской котловины и Алтая, созданные С.А. Теплоуховым и М.П. Грязновым (Теплоухов С.А., 1929, с.55; Грязнов М.П., 1930, с.10-11). Это негативно сказалось на изучении подобных памятников в последующие десятилетия. На территории Западной и Южной Сибири производились раскопки отдельных позднесредневековых памятников, а материалы из музейных коллекций были частично введены в научный оборот. Предметы вооружения, относящиеся к эпохе позднего средневековья, публиковались выборочно и не всегда точно атрибутировались (Карцов В.Г., 1929, с.49; Левашова В.П., 1939, с.54).

Основные события военной истории енисейских кыргызов в XVII в. были изложены и тенденциозно интерпретированы в книге Н.Н. Козьмина (Козьмин Н.Н., 1925, с.49-70).

В 1937 г. был переиздан фундаментальный труд Г.Ф. Миллера, в котором освещены события, связанные с походом в Сибирь отряда Ермака и процессом присоединения территории Сибирского Юрта к Московскому Царству (Миллер Г.Ф., 1937, с.197-261).

В последующие десятилетия вопросы присоединения к России Западной и Южной Сибири, населенной тюркоязычными народами, имевшими свои государственные образования, подробно рассматривались в трудах С.В. Бахрушина, Л.П. Потапова, А.П. Уманского, Р.Г. Скрынникова и других ученых (Бахрушин С.В., 1955, с.182-190; Потапов Л.П., 1953, с.169-170; Потапов Л.П., 1957, с.20-24; Уманский А.П., 1995, с.20-21; Скрынников Р.Г., 1982, с.155-160).

Целенаправленное изучение археологических памятников, относящихся к эпохе позднего средневековья, на территории лесной зоны Западной Сибири началось в 1950-е гг., благодаря деятельности А.П. Дульзона (Дульзон А.П., 1953, с.127-334).

Результаты этих исследований показали важное значение полученных археологических материалов для определения этнокультурной принадлежности позднесредневековых комплексов, реконструкции событий политической и военной истории, и взаимоотношений между русскими и коренными сибирскими народами. Предметы русского ремесленного производства, обнаруженные в памятниках XVI – XVII вв. стали важным источником для определения хронологии, исследованных комплексов.

В последующие десятилетия археологические памятники эпохи позднего средневековья изучались археологами в лесостепной Барабе, в Прииртышье, Степном и Горном Алтае, на Среднем Енисее.

Анализ предметов вооружения из этих комплексов нашел отражение в монографиях и статьях ряда ученых (Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И., 1990, с.38-82; Соловьев А.И., 1987, с.34, 59-60; Коников Б.А., Худяков Ю.С., 1981, с.184-188; Худяков Ю.С.,

1991, с.87-100; Худяков Ю.С., 2000, с.72-75; Худяков Ю.С., 2001, с.252-273; Худяков Ю.С., 2004, с.308-317; Скобелев С.Г., 1999, с.175-180; Скобелев С.Г., 2002, с.75-78; Нечипоренко В.Н., Панькин С.В., Скобелев С.Г., 2004, с.133-155; Бобров Л.А., 2000, с.80-88; Бобров Л.А., 2003, с.79-88). Для анализа вооружения и военного искусства тюркских кочевых народов в последние десятилетия стали привлекаться и фольклорные материалы (Бутанавев В.Я., 1981, с.188-197; Липец Р.С., 1984, с.63-113; Соёнов В.И., 1994, с.176-187).

В последние годы стало целенаправленно исследоваться оружие русских казаков и служилых людей, несших службу и воевавших на территории Сибири и Дальнего Востока. Для анализа уровня развития уровня развития военного дела и сравнения комплексов вооружения русских и коренных сибирских народов привлекались сведения письменных исторических источников, находки предметов вооружения из раскопок русских острогов в Сибири и материалы из музейных коллекций (Митько О.А., 2004, с.165-199; Скобелев С.Г., Шаповалов А.В., 1995, с.138-144).

Изучение комплекса вооружения русских воинов, служивших в составе российских военных подразделений в Сибири, и оружия тюркских и монгольских народов, обитавших на территории этого региона в XVI – XVII вв. позволило не только сравнить уровень военного дела, выявить причины военных успехов или неудач в ходе боевых столкновений, но и отметить элементы, характеризующие взаимодействие и взаимовлияния разных этносов друг на друга в военной области (Бобров Л.А., Худяков Ю.С., 2004, с.222-223; Худяков Ю.С., Бобров Л.А., 2004, с.103-108).

Для анализа вооружения и военного искусства русских и тюркских народов Западной и Южной Сибири имеются сведения письменных источников, находки предметов вооружения из раскопок археологических памятников эпохи позднего средневековья и нового времени, оружие из музейных коллекций. Могут быть привлечены для изучения и изобразительные материалы, хотя они относятся большей частью к новому времени.

Одной из самых важных и информативных групп источников по данной теме являются «отписки» и «скаска» казачьих атаманов и военачальников отрядов служилых людей, в которых с достаточно большой точностью и достоверностью, описано вооружение русских воинов и их противников. В этих сообщениях подробно описывалось оружие и особенности тактики боя, применявшиеся тюркоязычными кочевниками Западной и Южной Сибири, перечислялось вооружение своих воинов, отмечалось его не всегда хорошее состояние и нехватка оружия и боеприпасов. В донесениях, посланных в Москву, сибирские воеводы не только характеризовали оружие своих подчиненных и противников, с которыми им приходилось встречаться на поле боя, но и упоминались меры, предпринятые для улучшения оснащения стрельцов и казаков.

В «отписках» и «скасках» упоминаются различные виды холодного, огнестрельного и защитного вооружения, находившегося в распоряжении русских воинов, в том числе: «бердыши, рогатины, пики, сабли, сулемы, кистени, пальмы, пищали, винтовки, мушкеты, пистолы», а также «шишаки» – боевые наголовья со сферическим куполом и длинным навершием «шишом»; «шеломы» – сфероконические шлемы с высокой конической тульей и навершием, «шапки железные», «миссюрки» – наголовья со сферическим куполом и наносником; «кольчуги» и «пансыри» – кольчатые доспехи; «куяки» – пластинчатонашивные или ламеллярные панцыри; «латы» – доспехи европейского производства в виде кирасы, иногда с покрытием бедер; «бумажники» – мягкая защитная одежда, стеганная на вате (Худяков Ю.С., Бобров Л.А., 2004, с.105).

Первые русские воины, казаки, пришедшие в Сибирь в конце XVI в. в составе отряда Ермака, были хорошо вооружены и обладали большим военным опытом, имея за плечами не одну военную кампанию. Их снаряжением занимались богатейшие российские купцы Строгановы, обладавшие значительными ресурсами и заинтересованные в бесперебойном поступлении пушныны. Для усиления этого отряда они включили в его состав «триста человек немцев и Литвы», военнопленных с Ливонской войны, очень высоко ценившихся как профессионалы в области военного дела в Российском государстве в периоды позднего средневековья и нового времени (Худяков Ю.С., 2002, с.240).

Воины отряда Ермака, наряду с огнестрельным оружием, пищалями, имели различные виды холодного и защитного вооружения, копья, сабли, боевые топоры, сфероконические шлемы-шишаки с кольчужными бармицами, сферические миссюрки, «кольчуги и пансыри» – кольчатые доспехи в виде нераспашной верхней одежды с короткими рука-

вами и подолом, широким воротом. Вероятно, применялись и другие виды защиты – «колонтари» – кольчато-пластинчатые доспехи и «бумажники» и «тягеляи» – ватные мягкие виды защитной одежды. Сам атаман Ермак после своих впечатляющих побед над ханом Кучумом получил в дар от царя Ивана Грозного и носил «двойной доспех», который из-за его высокой эффективности татары сочли «непробиваемым» и приписывали этому доспеху особые, чудодейственные, охранительные свойства. Согласно проведенной реконструкции он включал кольчугу с широким проемом для головы и шеи, короткими рукавами и подолом. На груди и спине кольчуга была усилена металлическим зеркалами – «мишенями» с выгравированными изображениями царских двуглавых орлов (Худяков Ю.С., 2002а, с.241 (рис.1). По краям рукавов и подола кольчуга была усилена опушкой из медных колец. (Скрынников Р.Г., 1986. с.173-174). Поверх кольчуги Ермак одевал пластинчатый жилет без оплечий, рукавов и подола. Жилет был составлен из крупных прямоугольных пластин. Он держался на плечах с помощью лямок и застегивался ремешками с правого бока (рис.1).

Этот двойной доспех обладал повышенной прочностью. Такую двойную защитную броню не могла пробить ни одна татарская стрела. Не удивительно, что об этом доспехе Ермака слагали легенды. Однако он оказался настолько тяжелым, что сыграл роковую роль в судьбе казачьего атамана, который во время ночного боя оказался в водах Иртыша, не смог выплыть и утонул под тяжестью доспеха.

Кюяки русских воинов XVI-XVII вв., воевавших в Сибири, представляли собой подобные пластинчато-нашивные жилеты. Жилеты не имели рукавов, обладали коротким подолом и боковым разрезом. Такие жилеты нередко надевались и носились в комплекте с кольчатыми «пансырями» (Зиннер Э.П., 1968, с.159).

Помимо огнестрельного, русские казаки и служилые люди широко применяли в Сибири холодное оружие. Ими активно использовалось древковое колющее оружие: копья, рогатины, бердыши; клинковое рубящее-колющее оружие: палаши и сабли; рубящее и ударно-дробящее оружие: боевые топоры, булавы, кистени. Оружие, которое использовали против противника в ближнем и рукопашном бою воины отряда Ермака, казаки и служилые люди в Сибири, было по большей части изготовлено мастерами-оружейниками в европейской части Московского царства. Импортное холодное оружие в арсенале русских сибирских воинов встречалось достаточно редко. Гораздо чаще они использовали «восточное», центральноазиатское и переднеазиатское защитное вооружение. Благодаря наличию сходных элементов в эпоху позднего средневековья у тюркских и иранских народов Передней и Средней Азии и населения некоторых стран Восточной Европы, в том числе Моковии, сложился близкий по видовому и типологическому составу комплекс защитного вооружения, вытеснивший в процессе развития военного дела позднемонгольский оружейный комплекс, господствовавший в предшествующие века. Его основной отличительной чертой можно считать широкое применение кольчатой и кольчато-пластинчатой брони для защиты корпуса, а также головы и конечностей воинов, использование зеркал в составе комбинированных доспехов, использование рубящее-колющего оружия с изогнутыми клинками и ручного огнестрельного оружия. Основные виды оружия из состава этого набора были приспособлены к условиям конного ближнего боя с использованием сабель. В силу своей развитости и практичности этот комплекс нашел широкое распространение в Евразии.

Сфероконические шлемы, кольчуги, комбинированные панцири, сабли и другие виды защитного и наступательного вооружения, производившиеся в ремесленных центрах Среднего Востока и Средней Азии, активно закупались для оснащения русских воинов. Русский оружейный комплекс XVII в., в отличие от комплексов предшествующих периодов раннего и развитого средневековья, приобрел определенное сходство с передне- и среднеазиатским, в отличие от западноевропейского. В музейных собраниях в европейской части России сохранилось значительное количество предметов вооружения передне- и среднеазиатского происхождения. В музее г. Звенигорода экспонируются сфероконические шлемы, кольчуга и наручи, которые находят аналогии среди вооружения бухарского, персидского, турецкого и индийского производства (рис.2 – 1-5) (Robinson H.R., 1967, Fig.16,C; 32,A; 34,A; 35; Plate IV,A,B; XIV,A,B,C; XVI,A). Копья с удлиненно-ромбическими наконечниками, рядами отверстий в области плечиков, завитками и выступами с обеих сторон втулки, вероятно, имеют европейское происхождение (Muller H.,

Kolling H., 1981, s.80, 81). Однолезвийные втульчатые наконечники на длинных древках, вероятнее всего, имеют забайкальское происхождение (рис.2 – 7) (Худяков Ю.С., 1991, с.136-137). В Восточную Европу они, как и другие виды оружия, могли попасть во время монгольских завоеваний (Горелик М.В., 1983, с.259).

В процессе продвижения в Сибирь в XVI-XVII вв. русские воины применяли, помимо копий и палм, рогатины с удлинено-ромбическим пером, бердыши, боевые топоры и секиры (рис.3 – 2, 7, 19-21; 4 – 1-6; 5 – 1-4).

Сравнительный анализ оружия русских, сибирских татар, телеутов, енисейских кыргызов и кыштымов, а также джунгар, свидетельствует о наличии схожих элементов. Судя по находкам предметов вооружения из памятников сибирских татар эпохи позднего средневековья, воины Сибирского ханства были вооружены сложносоставными луками разных типов и стрелами с железными наконечниками с плоским линзовидным и ромбическим в сечении пером (Худяков Ю.С., 2001, с.254-258). В ближнем бою они использовали ударные копья, метательные дротики, палаши, сабли и боевые топоры. Для защиты применяли шлемы, панцири и кольчуги (Худяков Ю.С., 2000, с.73). Подобный набор оружия был типичным для тюркских и монгольских кочевников в позднем средневековье. Он был вполне достаточным для того, чтобы держать в подчинении зависимые угорские и самодийские племена, однако, не позволил противостоять хорошо вооруженному и оснащенному противнику, каким был отряд Ермака. Он имел превосходство перед ополчением сибирских татар и их угорских вассалов не только в обладании и умелом применении огнестрельного оружия, но и в средствах защиты и умении вести бой, передвигаясь на лодках. За все время активных военных действий между русскими и сибирскими татарами, последние не сумели найти эффективные средства, чтобы противостоять казакам на поле боя. Их относительные военные успехи связаны с обороной хорошо укрепленных и естественно защищенных неприступных крепостей, внезапными нападениями из засад, хорошим знанием и умелым использованием условий местности. Несмотря на занятие Искера и других татарских городков, сопротивление сторонников восстановления Сибирского ханства во главе с наследниками хана Кучума продолжалось вплоть до второй половины XVII в. (Худяков Ю.С., 2000, с.74-75). Как справедливо отмечал в своей работе Р.Г. Скрынников, важную роль в достижении победы над войсками Кучума сыграло не только обладание огнестрельным оружием, но и большой боевой опыт и умение казаков, приобретенные во время военных столкновений с кочевниками в Поволжье (Скрынников Р.Г., 1982, с.155-157). Сибирские татары также имели опыт походов через Уральские горы во владения купцов Строгановых, но во время таких набегов стремились избегать крупных военных столкновений.

Решающую роль в присоединении лесостепных районов Западной Сибири к России сыграл переход на сторону царских властей значительной части татарской знати. Уже в период военных действий против войск хана Кучума на стороне отрядов русских служилых людей воевали его бывшие подданные, угры и сибирские татары. Они использовались в качестве проводников, переводчиков и сами воевали против сторонников Кучума. С конца XVI в. «служилые иноземцы» стали привлекаться на военную «государеву службу» в Сибири (Гемуев И.Н., Люцидарская А.А., 1994, с.64).

При дальнейшем продвижении в южные районы Сибири, в Верхнее Приобье и Степной Алтай, в Кузнецкую и Минусинскую котловины, русским военным отрядам пришлось столкнуться с хорошо вооруженными и организованными военными силами енисейских кыргызов, зависимых от них кыштымов, а также телеутов. Южносибирские тюркоязычные кочевники, в том числе енисейские кыргызы и телеуты, находились в зависимости от халха-монголов и джунгар. Каждый из этих народов обладал богатым военным опытом и традициями. Воины имели на вооружении эффективное холодное наступательное и защитное вооружение. Енисейские кыргызы обладали развитой оружейной базой, бесперебойную работу которой обеспечивали шорские мастера-оружейники. По отзывам русских служилых людей, изготовленные шорскими кузнецами железные изделия были очень высокого качества. Шорское железо они характеризовали, что оно «лучше свейского», т.е. шведского железа весьма высоко ценящегося в Европе (Башкатова Э.В., 1981, с.130).

Енисейские кыргызы имели на вооружении сложносоставные луки, стрелы с железными плоскими, зигзагообразными и ромбическими наконечниками; копья и дротики с боковыми шипами, завитками или отрожками, прямые палаши и изогнутые сабли с долами

и елманью на клинках. В качестве средств защиты использовались сфероконические шлемы, панцири-бригандины и кольчуги с короткими рукавами и подолом (рис.7 – 1-6,11,12,15-17,21-24,26) (Худяков Ю.С., 2002б, с.67-73).

В XVII в. у кыргызов появилось, хотя и в ограниченном количестве, трофейное и покупное огнестрельное оружие – ружья и даже пушки. Однако, ввиду отсутствия боеприпасов и навыков обращения с таким оружием, оно не получило достаточно широкого распространения и не повлияло на военную и политическую ситуацию в данном регионе (Худяков Ю.С., 2002б, с.73).

Помимо самих кыргызов в войсках кыргызских княжеств воевали отряды, набранные из представителей подвластных, различных по своей этнической принадлежности, племен – кыштымов. Кыргызские князья, привлекая в свои войска кыштымов, опасались их возможного усиления и стремились к тому, чтобы по своей вооруженности и оснащенности воины-кыштымы уступали наиболее боеспособному роду войск в составе кыргызской армии – тяжеловооруженной панцирной коннице. На всем протяжении предшествующих периодов раннего и развитого средневековья из числа кыштымов формировались только отряды легкой кавалерии, состоявшие из всадников-лучников. Лишь в эпоху позднего средневековья, когда над кыргызами нависла перспектива утраты своей государственности, кыргызские князья были вынуждены допустить, чтобы кыштымские воины получили право и возможность вооружиться наступательным оружием ближнего боя и средствами защиты. В этот период кыштымы были вооружены сложносоставными луками, стрелами с железными плоскими и ромбическими, костяными трехгранными и четырехгранными наконечниками, мечами, боевыми топорами и секирами, были защищены пластинчатонашивными панцирями бригандинами (рис.7 – 6-10,13,14,18-20,25,27-30) (Худяков Ю.С., Ким С.А., 2001, с.64-67, 70-71). Племена кыштымов, часть которых обитала на северной и западной окраинах кыргызских владений, стали контактировать с русскими раньше кыргызов и их халха-млнгольских и джунгарских сюзеренов. Кыштымы более активно, чем их правители, воспринимали и заимствовали многие элементы русской культуры, в том числе и предметы вооружения. К числу таких заимствований относятся, прежде всего, железные топоры русского ремесленного производства. У русских они служили хозяйственным и деревообрабатывающим инструментом. Однако, у народов Западной и Южной Сибири эти топоры служили оружием (рис.4; 5 – 2,4; 7 – 19). Помимо обычных топоров к сибирским аборигенам через посредство русских казаков и служилых людей попадали и настоящие боевые секиры с широким лезвием (рис.5 – 1,3;7 – 18). Значительно реже представители коренных сибирских народов могли пользоваться для военных целей русскими бердышами.

Вероятно, при посредстве русских к кыргызам и кыштымам могли попадать копья и дротики с завитками или отрожками и наконечники древкового колющего оружия с односторонними шипами (рис.3 – 3,4,11,12; 7 – 4,5,16,17; 8 – 3; 9 – 10,11).

Кроме енисейских кыргызов серьезную военную силу в Южной Сибири представляли телеуты. Они заселяли Алтай и соседние районы Приобья и Притомья. Попытки использовать военные силы телеутов в борьбе против русских с целью восстановления Сибирского татарского ханства предпринимали татарские царевичи, наследники хана Кучума. Впрочем, иногда телеутские князья выступали в качестве союзников русских властей в Сибири в их борьбе против енисейских кыргызов за обладание Кузнецкой котловиной (Худяков Ю.С., 2004, с.309). Телеутские воины были вооружены сложносоставными луками, стрелами с железными плоскими и двухлопастными, костяными ромбическими наконечниками, изогнутыми саблями, копьями и дротиками, секирами и кинжалами. Для защиты они пользовались кольчугами с короткими рукавами и подолом (рис.8 – 1-17) (Худяков Ю.С., 2004, с.313-316).

В XVII в. телеуты освоили применение огнестрельного оружия. Ружья и боеприпасы они приобретали у русских и бухарцев (Уманский А.П., 1995, с.65-66). В фольклоре упоминаются и другие виды оружия, например, арбалеты (Соёнов В.И., 1994, с.179).

Опасаясь и стремясь ослабить военные силы телеутов, российские власти запрещали продавать «колмацким людям» не только огнестрельное, но и холодное оружие, в том числе копья и рогатины, шлемы и «пансыри» – кольчуги (Уманский А.П., 1995, с.67).

Видимо, подобная практика со стороны русских служилых людей и казаков имела распространение. В материалах вооружения телеутского воинства имеются маньчжур-

ские сабли (рис.8 – 1), монгольские «золоченые» наконечники стрел (рис.8 – 8) и бухарские кольчуги (рис.8 – 17). У русских они могли приобретать копья с завитками или отрожками на шейке втулки, дротики с боковым шипом, кинжалы с пластинчатым эсовидным перекрестьем и секиры с невысоким обушком и широким лезвием (рис.8 – 3, 9, 10, 16). Некоторые из подобных предметов вооружения могли быть изготовлены по европейским образцам.

Однако, наиболее грозным противником для русских властей в Сибири в XVII – первой половине XVIII в. были халха-монголы и джунгары. Джунгарское ханство, «последняя кочевая империя Центральной Азии», обладала мощной армией и хорошо налаженным оружейным ремесленным производством.

Джунгарские и халхасские воины имели на вооружении сложносоставные луки и стрелы с железными двухлопастными, плоскими и четырехгранными наконечниками, саблями, копьями и кинжалами.

Западные и восточные монголы использовали для защиты разнотипные ламеллярные и пластинчатые панцири, кольчуги, сфероконические и сфероцилиндрические шлемы, а также наручья (рис.9 – 1-13) (Худяков Ю.С., Бобров Л.А., 2004, с.114-122). Помимо этих основных видов оружия монголы использовали в ближнем бою боевые топоры и секиры, булавы, а для пленения бегущего врага применяли арканы (Базарсүрэн С.Б.Ж., 2000, тал.104-107; зур.49 – 2; 73 – 1).

Русские, вступавшие в контакты с западными и восточными монголами, отмечали, что они воюют, преимущественно, холодным оружием: «...а бой де у колмацких людей лучной и копейный, и сабельный...» (Материалы, 1959, с.54).

В период существования Джунгарского ханства ойратские ханы и полководцы, по достоинству оценив возможности огнестрельного оружия, предприняли меры для его приобретения и перевооружения своей армии. Это перевооружение началось после войн с казахами и походов в «Бухарию», в ходе которых джунгарские военачальники смогли убедиться в эффективности активных оборонительных действий отрядов пехоты, вооруженной огнестрельным оружием и занимающей укрепленные позиции (Златкин И. Я., 1983, с.198). К концу XVII в. в составе джунгарских войск насчитывалось до 30 тысяч стрелков с «огнестрельным боем» (Материалы, 2000, с.335). Однако полностью перевооружить свою армию огнестрельным оружием джунгарские ханы не смогли, что стало одной из причин их военных поражений в войнах с маньчжурами.

В источниках, относящихся к эпохе позднего средневековья, подчеркивается, что мастера-оружейники в монгольских государствах изготавливали холодное оружие различных видов. Джунгарские кузнецы производили необходимое вооружение в окрестностях озера Тексеп. Согласно сообщению И. Сорокина, ойратские мастера делали «сабли, панцири, латы, шлемы...» (Златкин И.Я., 1983, с.239). По джунгарскому закону, принятому в 1640 г., кочевники каждых двух из сорока юрт были обязаны изготавливать и поставлять для армии доспехи. Тех, кто не выполнял это требование, штрафовали (Их Цааз, 1981, с.19, 47).

Помимо оружия собственного производства, халха-монголы и джунгары пользовались покупным или полученным в качестве дани, которую они взымали с бурят, телеутов и шорцев. По свидетельству источников «кузнецкие татары» – шорцы изготавливали «панцири, бехтерцы, шеломы, копья, рогатины и сабли», которые они продавали или платили ясак «колмацким людям». (Златкин И. Я., 1983, с.92). В материалах монгольских комплексов эпохи позднего средневековья и музейных собраниях имеются импортные предметы вооружения. В окрестностях пещеры Цаган-Агуй в Гобийском Алтае была найдена сабля со слабоизогнутым клинком и пластинчатым перекрестьем. Подобные сабли изготавливали в Китае (рис.9 – 4). Близкая по конструкции, но богаче оформленная сабля была привезена в Россию в XVII в. Н. Спафарием (Парадное оружие, 1986, рис. 20). Вероятно, к числу предметов «бухарского», среднеазиатского или восточнотуркестанского производства должны относиться кольчуга с широким воротом, короткими рукавами и подолом, а также наручье, хранящееся в музее г. Улангома (рис.9 – 9, 13) (Худяков Ю.С., Бобров Л.А., 2004, с.121). Отдельные предметы вооружения могли попадать к халха-монголам и джунгарам от русских. К их числу можно отнести копья с ромбическим пером и кольцевыми завитками на втулке. Такое копьё было найдено в Восточном Забайкалье (рис.9 – 10). (Худяков Ю.С., Бобров Л.А., 2004, с.119). Однако в первую очередь у русских

старались приобретать огнестрельное оружие. Оно закупалось также в Средней Азии и Китае. Джунгары пытались наладить собственное производство ружей и пищалей. С помощью попавшего в плен шведского артиллериста Густава Рената была предпринята попытка производства пушек (Зиннер Э.П., 1968).

Однако процесс заимствования в области военного дела между русскими и тюркскими народами Западной и Южной Сибири не был односторонним. Русские также многое восприняли из арсенала вооружения, воинского снаряжения и военного искусства у коренных сибирских этносов (рис.10, 11).

В своих «отписках» и «скасах» казаки и служилые люди обращали особое внимание на оснащенность южносибирских и центральноазиатских кочевников средствами защиты. Енисейские кыргызы, халха-монголы и джунгары в XVI-XVII вв. были оснащены пластинчато-нашивными панцирями-куяками и бригандинами, ламеллярными панцирями-халатами, стеганной защитной одеждой – «олбок», кольчугами, наручами, зеркалами, защитными сапогами, сферическими, сфероконическими и сфероцилиндрическими шлемами. Даже боевые кони кыргызских и монгольских «лутчих людей» были защищены «доспехами и приправами» – защитными попонами (Бахрушин С.В., 1955, с.203; Бобров Л.А., 2002, с.94-96).

В то же время у русских казаков не хватало защитных средств, поэтому в некоторых боях в открытом поле «куяшники мугальские и киргизские» при успешных атаках «копьем смешивали» казаков и союзных им «служилых иноземцев» из числа сибирских народов (Бахрушин С.В., 1955, с.203).

В боях с войсками кочевников большое значение имело применение огнестрельного оружия. Однако, уже в 1634 г. енисейские кыргызы смогли с успехом применить захваченные у русских пищали. В дальнейшем они стремились приобрести ружья и использовать их против служилых людей (Александров В.А., 1964, с.46, 50).

По мере продвижения на восток, растянутость коммуникаций, нехватка огнестрельного оружия и боеприпасов, защитного вооружения и недостаток людских ресурсов сказывались все острее. В своих посланиях вышестоящему начальству воинские командиры постоянно жаловались на трудности. Подобными жалобами изобилуют челобитные воеводам и царю.

Пытаясь исправить создавшееся тяжелое положение со снабжением своих войск в Сибири, царское правительство решило организовать в первой четверти XVII в. производство вооружения в Томске. Из железа, купленного или полученного в качестве ясака у сибирских аборигенов, попытались изготавливать пищали, пушки, ядра и другие виды оружия, а также воинского снаряжения. Однако, из-за необычайной дороговизны и низкого качества изделий, это оружейное производство пришлось свернуть (Башкатова Э.В., 1981, с.132-135).

Поэтому более выгодным оказалось захватывать в виде трофеев, приобретать или получать в качестве податей оружие и доспехи у местных кузнецов. Торговля доспехами была весьма прибыльным занятием. Цена обычного панциря-куяка равнялась стоимости коня и составляла 5 рублей, а богато украшенного монгольского панциря доходила до 10 рублей (Бахрушин С.В., 1959, с.34). Поэтому многие кочевые воины стали вымогать доспехи у своих вассалов и даже сородичей для продажи. Казаки из гарнизона Красноярского острога охотно покупали «куяки добрые под сукном» у живших по соседству подгородних качинцев и аринцев, и даже у ойратов (Бахрушин С.В., 1959, с.34). По отзывам современников и путешественников XVIII в. русские служилые люди предпочитали вместо своих кольчуг надевать более надежные пластинчато-нашивные куяки, или дополнять ими свои «пансыри». По описанию И.Г. Гмелина, красноярские служилые люди «имели двойные кольчуги, которые закрывали все туловище. Одна состояла сплошь из маленьких колец, а другая из тонких железных пластинок. Последний вид кольчуги, по мнению служилых, легче носить, чем первый. Такой панцирь закрывает, как уже было сказано, все туловище, живот, всю спину и руки. К тому же носили еще и шапку, сверху покрытую железом» (Зиннер Э.П., 1968, с. 159). Не случайно в 1622 г. Кузнецким воеводам было указано брать ясак с «кузнецких сибирских людей» – шорцев, не «мягкой рухлядью» – мехами, а «шеломами, и рогатинами, и саблями» (Потапов Л.П., 1953, с. 167).

Обычно, средства защиты, «шапки железные», «шишаки», «шеломы», куяки и другие доспехи покупались, или выменивались на лошадей, рогатый скот, меха и изделия из

цветных металлов. Однако, иногда, несмотря на строжайшие запреты царских властей, доспехи обменивались на огнестрельное оружие. Беспринципных дельцов не останавливало даже то, что в ходе военных действий оно может быть применено против их же соплеменников. Так, например, качинский Татарин Кула смог выменять «винтовку» за пару «мугальских наручей» у пятидесятника Родиона Кольцова (Бахрушин С.В., 1959, с.132). Другой «добытчик куяков», Герасим Никитин, для того, чтобы выкупить у кыргызского князца понравившийся ему куяк «с посеребренным гвоздем», несколько раз ездил к нему в ставку «с пивом и вином», подолгу пьянствовал в юрте, пока не добился своего (Бахрушин С.В., 1959, с.132). Интенсивность такого обмена привела к тому, что панцири стали служить в качестве единиц обмена (Бахрушин С.В., 1955, с.182).

В крупных сибирских острогах были созданы оружейные арсеналы, в которых хранилось оружие, в том числе и приобретенное в виде трофеев, дани или в результате торговых операций. Оно являлось собственностью государства, принадлежало «государевой казне». Его тщательно хранили вплоть до XVIII в., хотя подобное защитное вооружение давно не использовалось для военных целей.

Русскими казаками и служилыми людьми использовалось не только защитное, но и наступательное холодное оружие, изготовленное сибирскими оружейниками. На Енисее русские регулярно захватывали «пики, копыя, сулемы» у енисейских кыргызов и кыштымов в качестве трофеев в результате успешных боев. Казаки покупали у подгородних «татар»-качинцев саадаки с луками и стрелами (Бахрушин С.В., 1959, с.32, 34). На площади Саянского острога были железные и костяные наконечники стрел, которые могли использоваться казаками (Скобелев С.Г., 1998, с.74). Татарскими и турецкими луками пользовались даже казачьи командиры (Бахрушин С.В., 1959, с.106).

Казаки и служилые люди в Сибири широко использовали в военном деле древковое колющее оружие: копыя, рогатины, бердыши. Этому способствовала нехватка огнестрельного оружия и боеприпасов. Когда выяснялось, что пищали «исчезли» из арсеналов неизвестно куда или вышли из строя, в ход шло проверенное холодное оружие. «Пищалей нет, а кому и были даваны, те пищали у иных в прежних годах на боех и в разных посылках и в приход воинских людей перепорчены, и от стрельбы пищальные стволы раздуты» (Бахрушин С.В., 1959, с.19).

Под воздействием опыта, накопленного в ходе военных столкновений с кочевниками-аборигенами, претерпела изменения тактика ведения боя. Это стало следствием привлечения в состав русских войск отрядов татарской конницы.

В XVII в. были попытки использования русскими служилыми людьми оружия и доспехов европейского образца. Целенаправленное применение такого оружия было характерно во время создания рейтарских полков «нового строя» в Сибири во второй половине XVII в. На вооружение были приняты шпаги, пики, сабли, «латы рейтарские с шишаки», «пищали съезжие» (Бахрушин С.В., 1955, с.204).

Далеко не все оружие для сибирских рейтаров привозили из Европы. Часть его изготавливалась на тульско-каширских заводах. Европейские «латы» – кирасы выдавались служилым людям «по росписи». Иногда оно доставалось не ратным людям из рейтарских «списков», а казакам (Никитин Н.И., 1988, с.39).

Рассмотренные материалы, относящиеся к вооружению русских казаков и служилых людей в Сибири и тюркских народов этого региона свидетельствуют, что военное дело было сферой интенсивных этнокультурных контактов и взаимовлияния.

Литература

1. Александров В.А. Русское население Сибири XVII-XVIII вв. (Енисейский край). – М., 1964.
2. Бахрушин С.В. Енисейские киргизы в XVII в. // Научные труды. – М., 1955. – Т. III. – Ч.2. – С.176-224.
3. Бахрушин С.В. Очерки по истории Красноярского уезда XVII в. // Научные труды. – М., 1959. – Т. IV.
4. Башкатова Э.В. Влияние металлургической промышленности на развитие городов Томска и Кузнецка // Сибирские города XVII - начала XX в. – Новосибирск, 1981.

5. Бобров Л.А. Защитное вооружение кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в период позднего средневековья // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. Материалы 40-й Региональной археолого-этнографической студенческой конференции. – Новосибирск, 2000. – Т. III. – С. 80-88.
6. Бобров Л.А. Позднесредневековые шлемы из собраний музеев Красноярского края // Военное дело номадов Северной и Центральной Азии. – Новосибирск, 2002. – С. 89-97.
7. Бобров Л.А. О путях «вестернизации» азиатского доспеха в позднем средневековье и новое время (XV-XVIII вв.) // Вестник НГУ. Серия: история, филология. – Новосибирск, 2003. – Т. 2. – Вып. 3. Археология и этнография. – С. 79-88.
8. Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Особенности этнокультурного взаимодействия в военной области русских с народами Восточной Сибири в XVII в. // Евразия: этнокультурное взаимодействие и исторические судьбы. Тезисы докладов научной конференции. – М., 2004. – С. 222-223.
9. Бутанаев В.Я. Вооружение и военное дело хакасов в позднем средневековье (по материалам фольклора) // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1981. – С. 188-197.
10. Гемуев И.Н., Люцидарская А.А. Служилые угры (один из аспектов русско-угорских отношений в XVI-XVII вв.) // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: археология и этнография. – 1994. – № 3. – С. 63-67.
11. Гмелин И.Г. Поездка по Рудному Алтаю в августе – сентябре 1734 года (из книги *Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733-1734*) // Кузнецкая старина. – Новокузнецк, 1994. – С. 140-169.
12. Горелик М.В. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV-начала XV в. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. – М., 1983. – С. 244-269.
13. Гришаев В.Ф. Барнаульский музеем в 1836 г. // Алтайский сборник. – Барнаул, 1993. – Вып. XVII. – С. 31-38.
14. Грязнов М.П. Древние культуры Алтая // Материалы по изучению Сибири. – Новосибирск, 1930. – Вып. 2. – С. 3-11.
15. Де Геннин В. Описание уральских и сибирских заводов 1735 г. – М., 1937. – 661 с.
16. Демин М.А. Первооткрыватели древностей. – Барнаул, 1989. – 120 с.
17. Дульзон А.П. Поздние археологические памятники Чулыма и проблема происхождения чулымских татар // Ученые записки Томского государственного педагогического института. – Томск, 1953. – Т. 10. – С. 127-334.
18. Зиннер Э.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII в. – Иркутск, 1968. – 247 с.
19. Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. – М., 1983.
20. Их Цааз («Великое уложение»). Памятник монгольского феодального права XVII в. – М., 1981.
21. Карцов В.Г. Материалы к археологии Красноярского района // Описание коллекций и материалов музея. Отдел археологический. – Красноярск, 1929. – 68 с.
22. Клеменц Д.А. Древности Минусинского музея. – Томск, 1886.
23. Козьмин Н.Н. Хакасы. Историко-этнографический и хозяйственный очерк Минусинского края. – Иркутск, 1925.
24. Конилов Б.А., Худяков Ю.С. Наконечники стрел из Искера // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1981. – С. 184-188.
25. Кузнецов И.П. Древние могилы Минусинского округа. – Томск, 1889.
26. Левашева В.П. Из далекого прошлого южной части Красноярского края. – Красноярск, 1939.
27. Ледебур К.Ф. Путешествие по Алтайским горам и предгорьям Алтая // Ледебур К.Ф., Бунге А.А., Мейер К.А. Путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи. – Новосибирск, 1993. – С. 14-156.
28. Липец Р.С. Образ батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. – М., 1984. – 262 с.
29. Материалы по истории русско-монгольских отношений 1607-1636. – М., 1959.
30. Материалы по истории орусско-монгольских отношений 1685-1691. – М., 2000.
31. Миллер Г.Ф. История Сибири. – М.; Л., 1937. – Т. 1.
32. Миллер Г.Ф. История Сибири. – М., 1999. – Т. 1. – 630 с.

33. Миллер Г.Ф. История Сибири. – М., 2000. – Т. 2. – 796 с.
34. Митько О.А. Люди и оружие (воинская культура русских первопроходцев и коренного населения Сибири в эпоху позднего средневековья) // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 2004. Вып.1. – С.165-206.
35. Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. – Новосибирск, 1990. – 262 с.
36. Нечипоренко В.Н., Панькин С.В., Скобелев С.Г. Поздние луки Среднего Енисея // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 2004. – Вып.1. – С.129-164.
37. Нечипоренко В.Н., Скобелев С.Г. Колчаны и их принадлежности в памятниках юга Среднего Енисея позднего средневековья // Вестник НГУ. Серия: история, филология. – Новосибирск, 2003. Т.2. – Вып.3. Археология и этнография. – С.75-78.
38. Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири XVII в. – Новосибирск, 1988.
39. Паллас П.С. Рассуждения о старинных рудных коях в Сибири и их подобие венгерским, различествующими от Римских // Академические известия. – СПб., 1780. – Ч.V. – С.312-337.
40. Парадное оружие и конское убранство XVII – XVIII в. – М., 1986.
41. Пигнатти В.Н. Искер // Ежегодник Тобольского музхей. – Тобольск, 1915. – Вып.25.
42. Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. – М.; Л., 1953.
43. Потапов Л.П. Происхождение и формирование хакасской народности. – Абакан, 1957. – 307 с.
44. Радлов В.В. Из Сибири. Страницы дневника. – М., 1989. – 749 с.
45. Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. – Новосибирск, 1996. – 310 с.
46. Скобелев С.Г. Саянский острог – первый русский населенный пункт в Присяянье // Россия и Хакасия: 290 лет совместного развития. – Абакан, 1998. – С.71-74.
47. Скобелев С.Г. Позднесредневековый лук редкой формы с Енисея // Российская археология. – 1999. – № 3. – С.175-180.
48. Скобелев С.Г. Стрелы Саянского острога // Военное дело номадов Северной и Центральной Азии. – Новосибирск, 2002. – С.177-199.
49. Скобелев С.Г., Шаповалов А.В. Оборонительные сооружения Саянского острога // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. – Кемерово, 1995. – С.138-148.
50. Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. – Новосибирск, 1982.
51. Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. – Новосибирск, 1995. – 675 с.
52. Соёнов В.И. Обзор вооружения и военной тактики кочевников Алтая в XIII – XVIII вв. По материалам героического эпоса // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. – Горно-Алтайск, 1994. – С.176-187.
53. Соловьев А.И. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха средневековья. – Новосибирск, 1987. – 192 с.
54. Степанов А.П. Енисейская губерния. – Красноярск, 1997.
55. Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // Материалы по этнографии. – Л., 1929. – Т.IV. – Вып. 2. – С.6-58.
56. Уманский А.П. Телеуты и их соседи в XVII – первой половине XVIII века. – Барнаул, 1995. – Ч.1.
57. Фальк И.П. Записки путешествия // Полное собрание путешествий по России. – СПб., 1824. – Т.VI. – 546 с.
58. Фишер И.Э. Сибирская история с самого открытия до завоевания сей земли российским оружием. – СПб., 1774.
59. Худяков Ю.С. Защитное вооружение кыргызского воина в позднем средневековье // Проблемы средневековой археологии Южной Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 1991. – С.87-100.
60. Худяков Ю.С. Хан Кучум и его воины // Родина. – 2000. – № 5. – С.72-75.
61. Худяков Ю.С. Лук и стрелы сибирских татар // Восток-Запад. Диалог культур Евразии: Вопросы средневековой истории и археологии. – Казань, 2001. – Вып. 2. – С.252-273.
62. Худяков Ю.С. Кольчуга Ермака. Легенды и источники // Тюркские народы. Материалы V-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск; Омск, 2002а, - С.240-243.

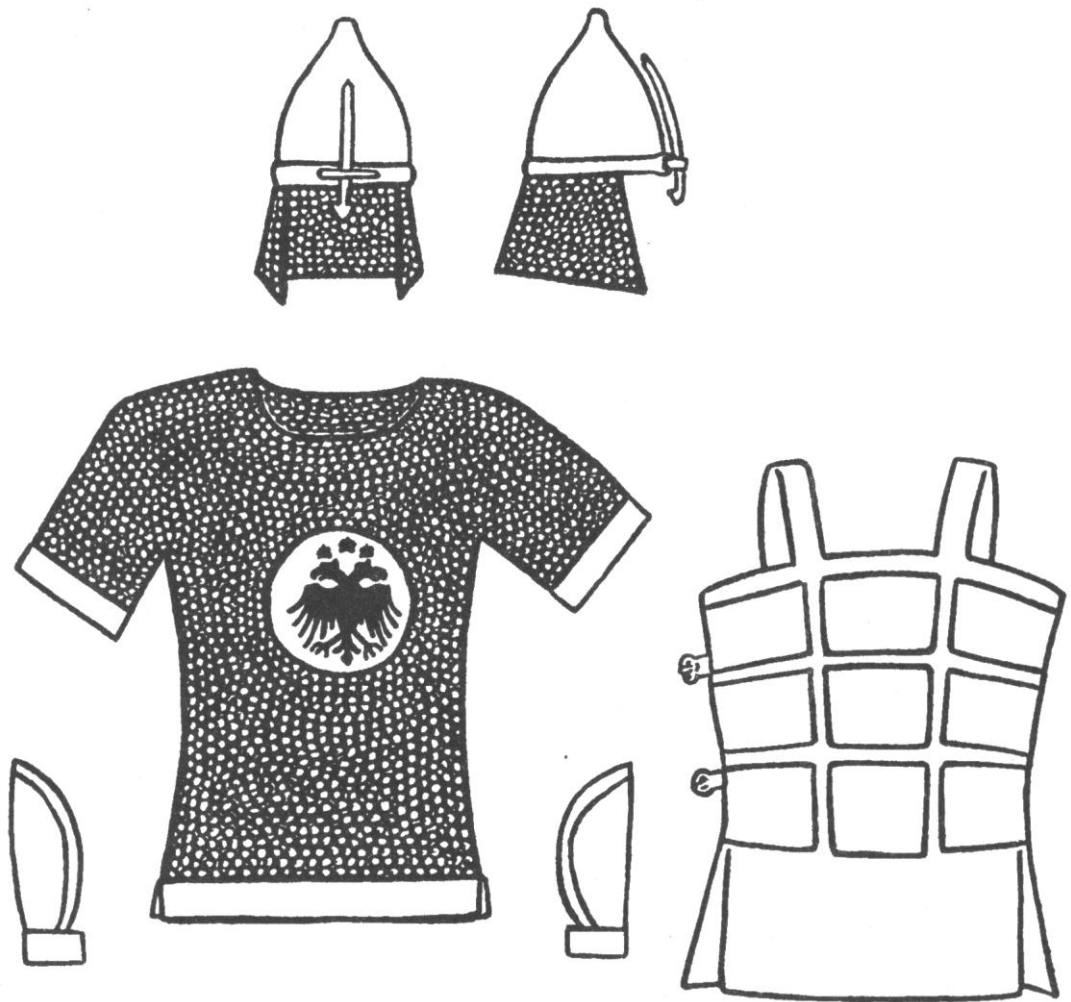

Рис.1

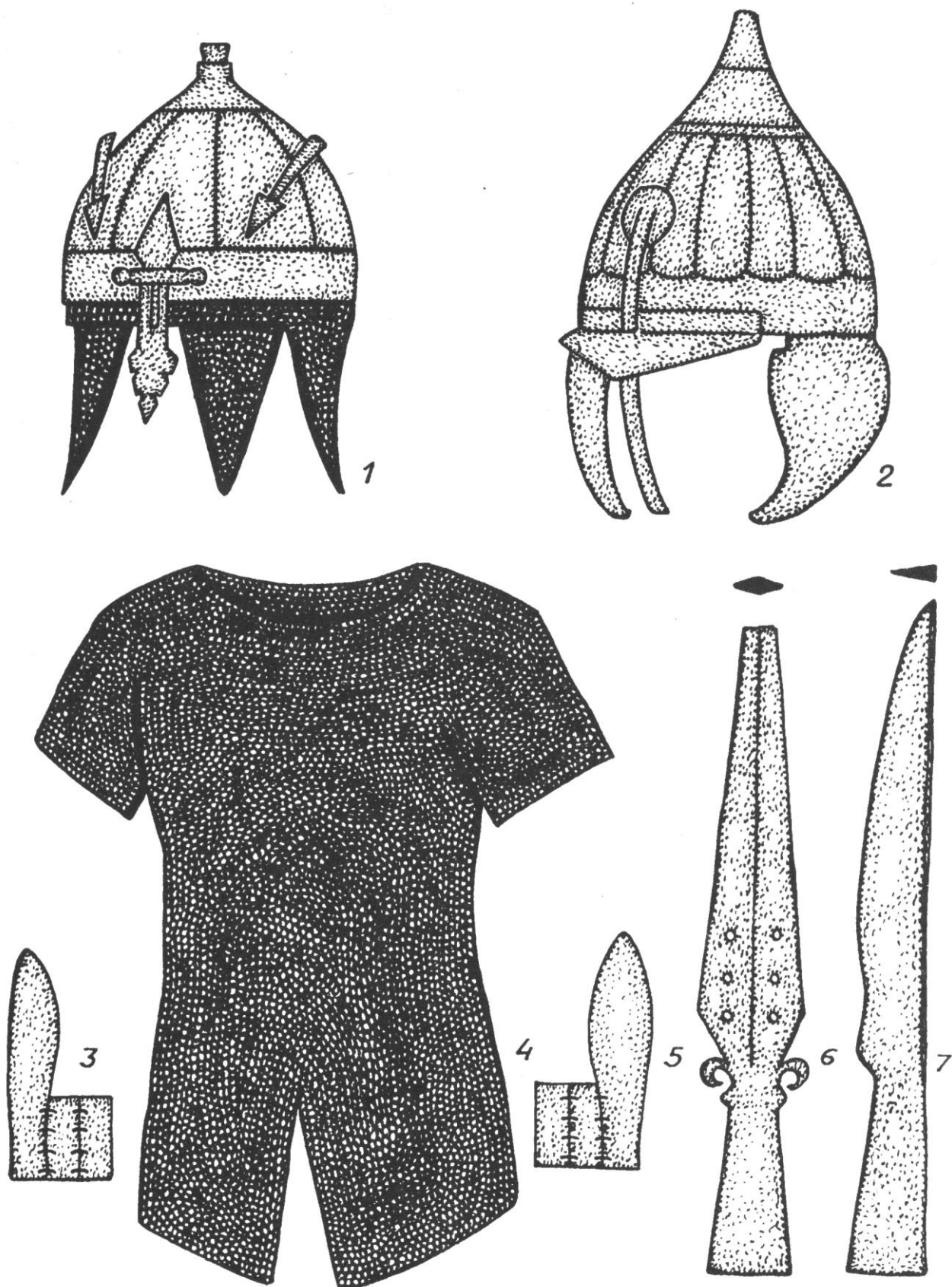
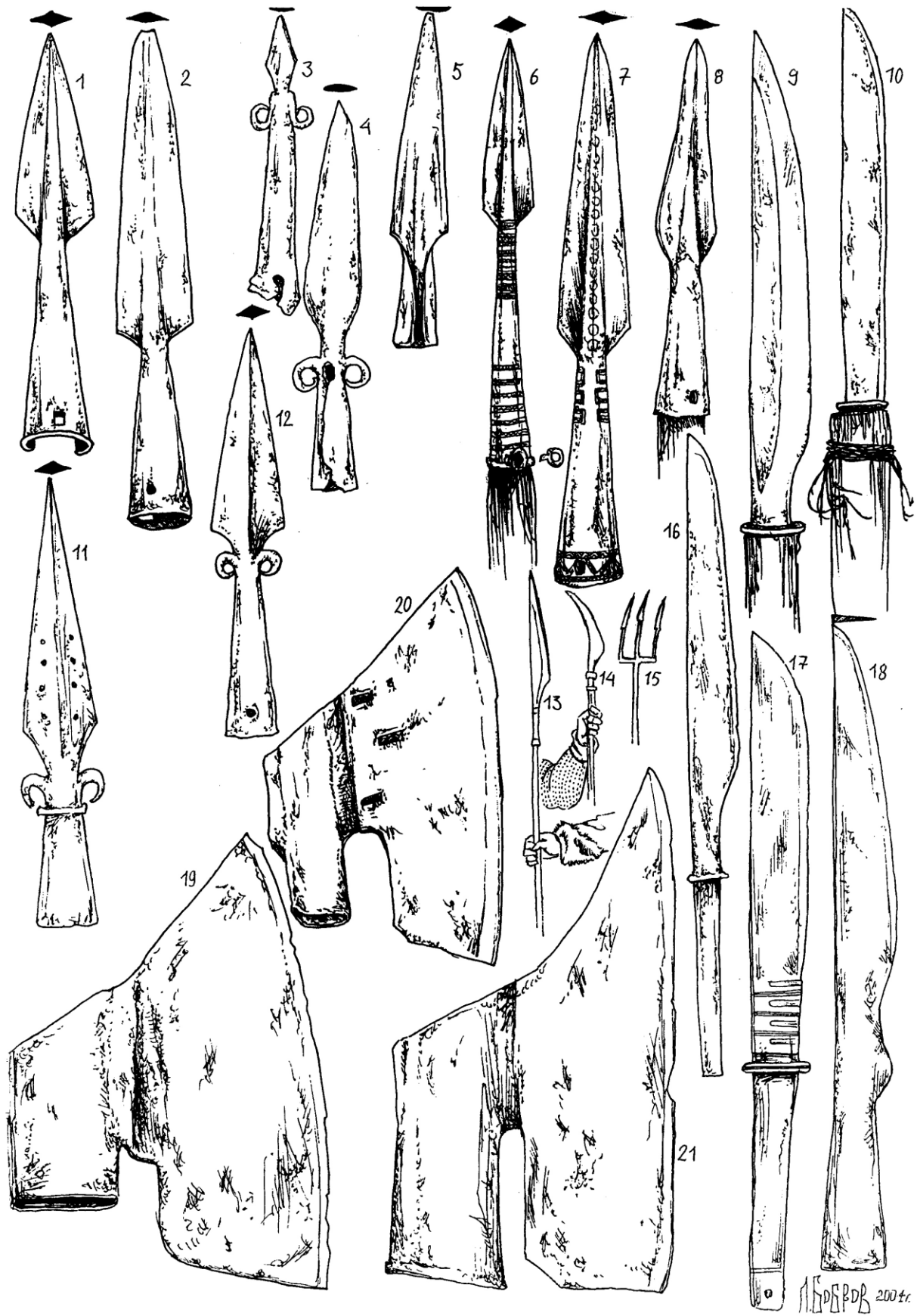

Рис.2

ИГОРЬ 200гг.

Рис.3

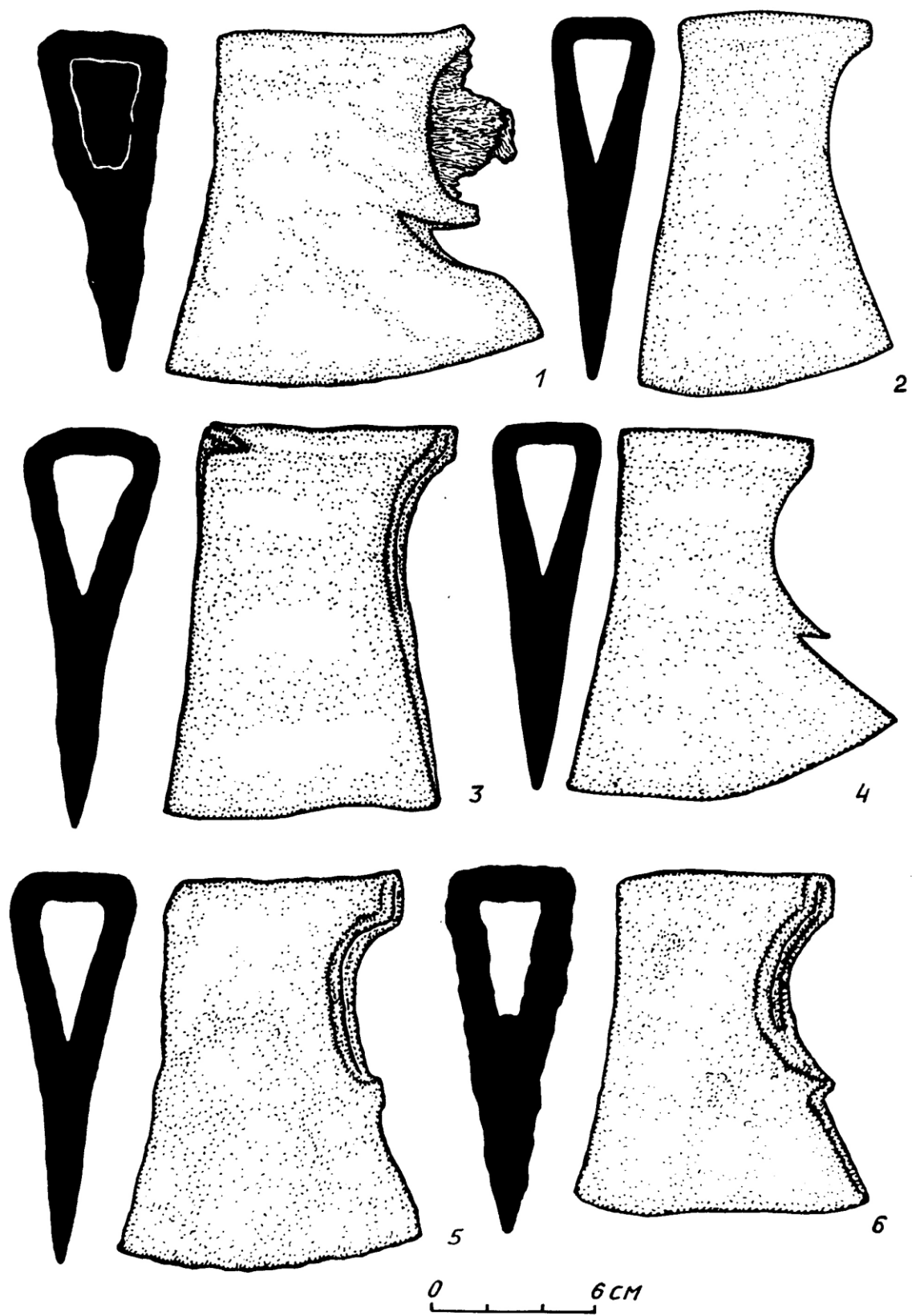

Рис.4

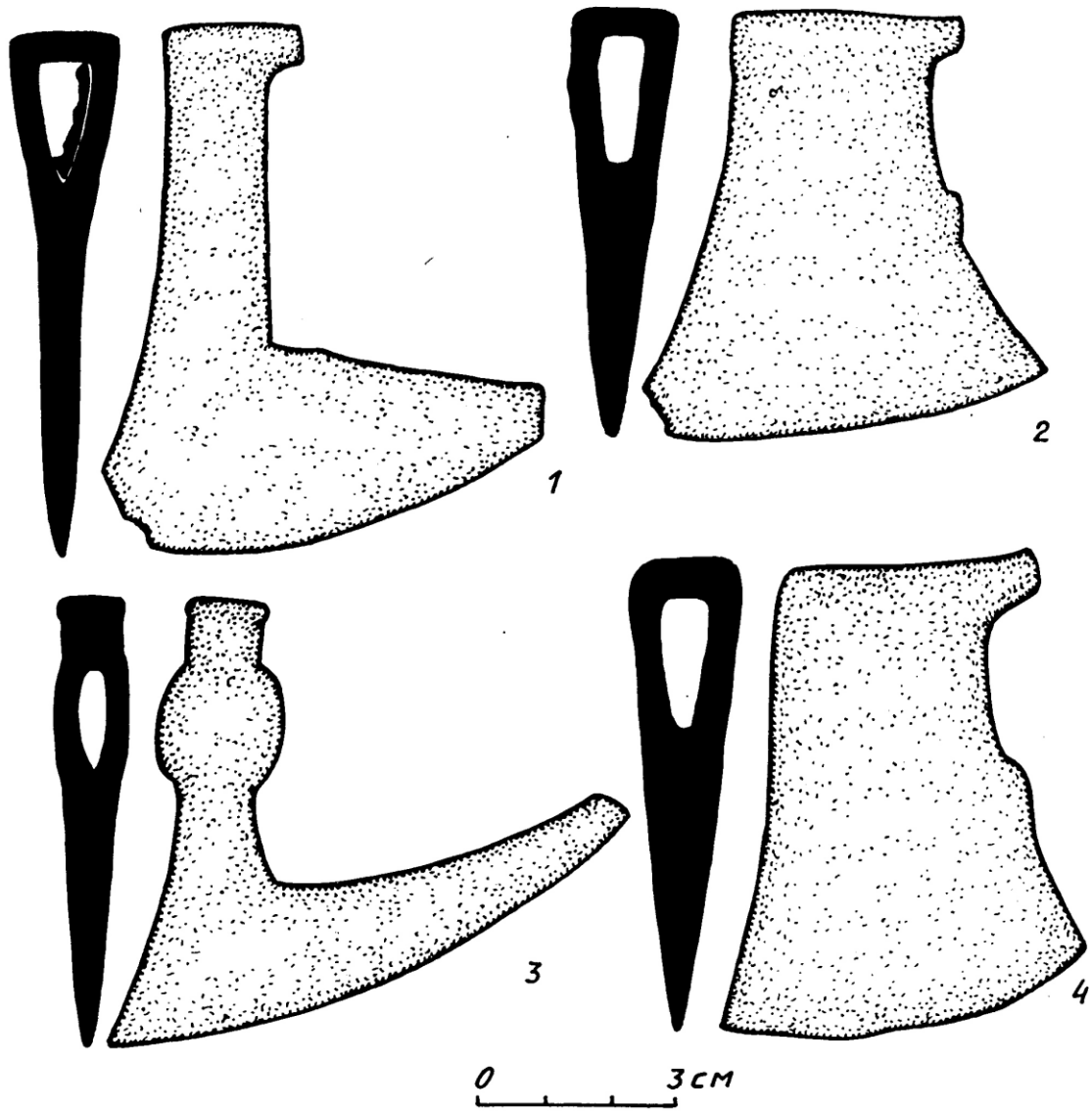
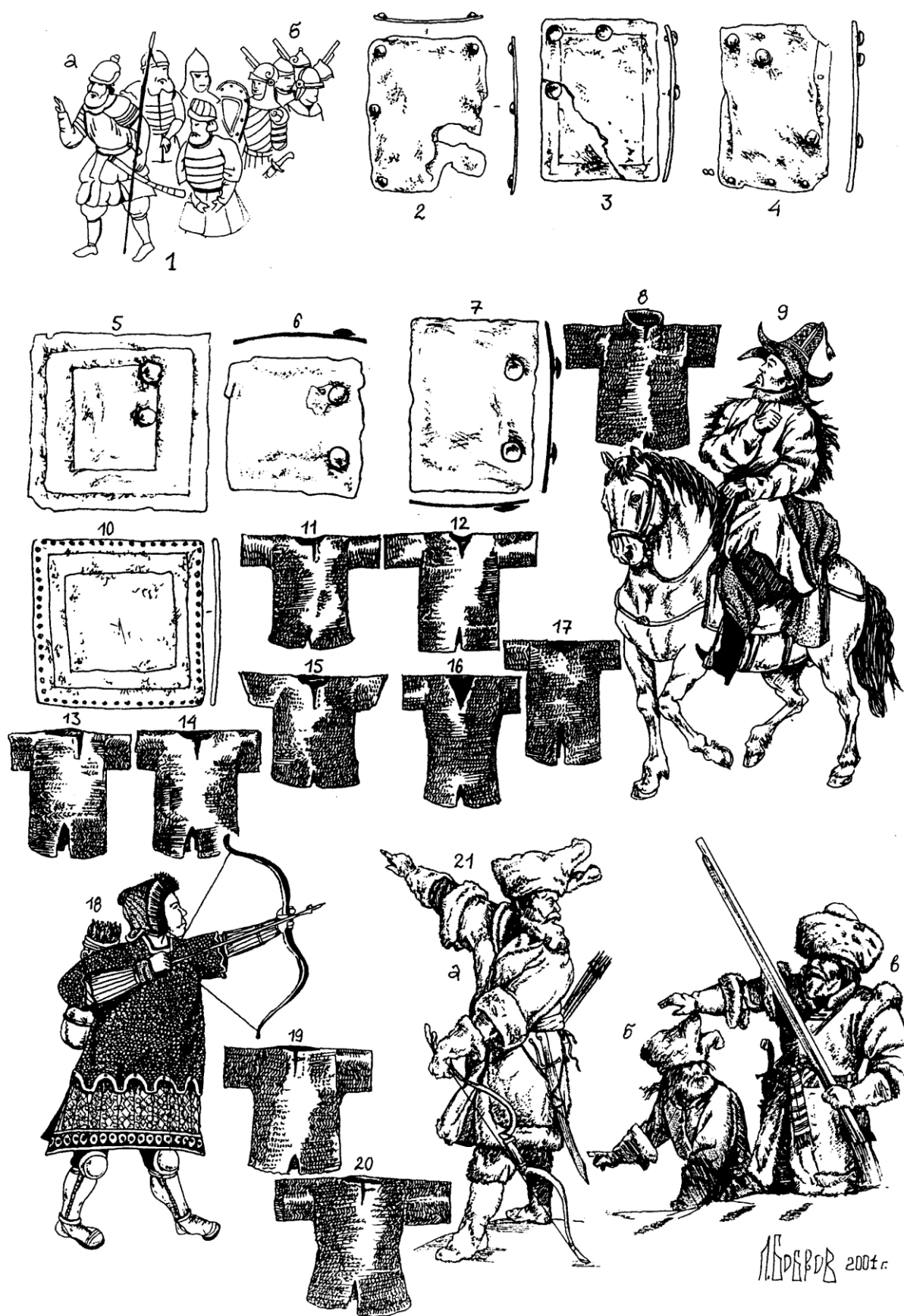

Рис.5

Игорь 2004г.

Рис.6

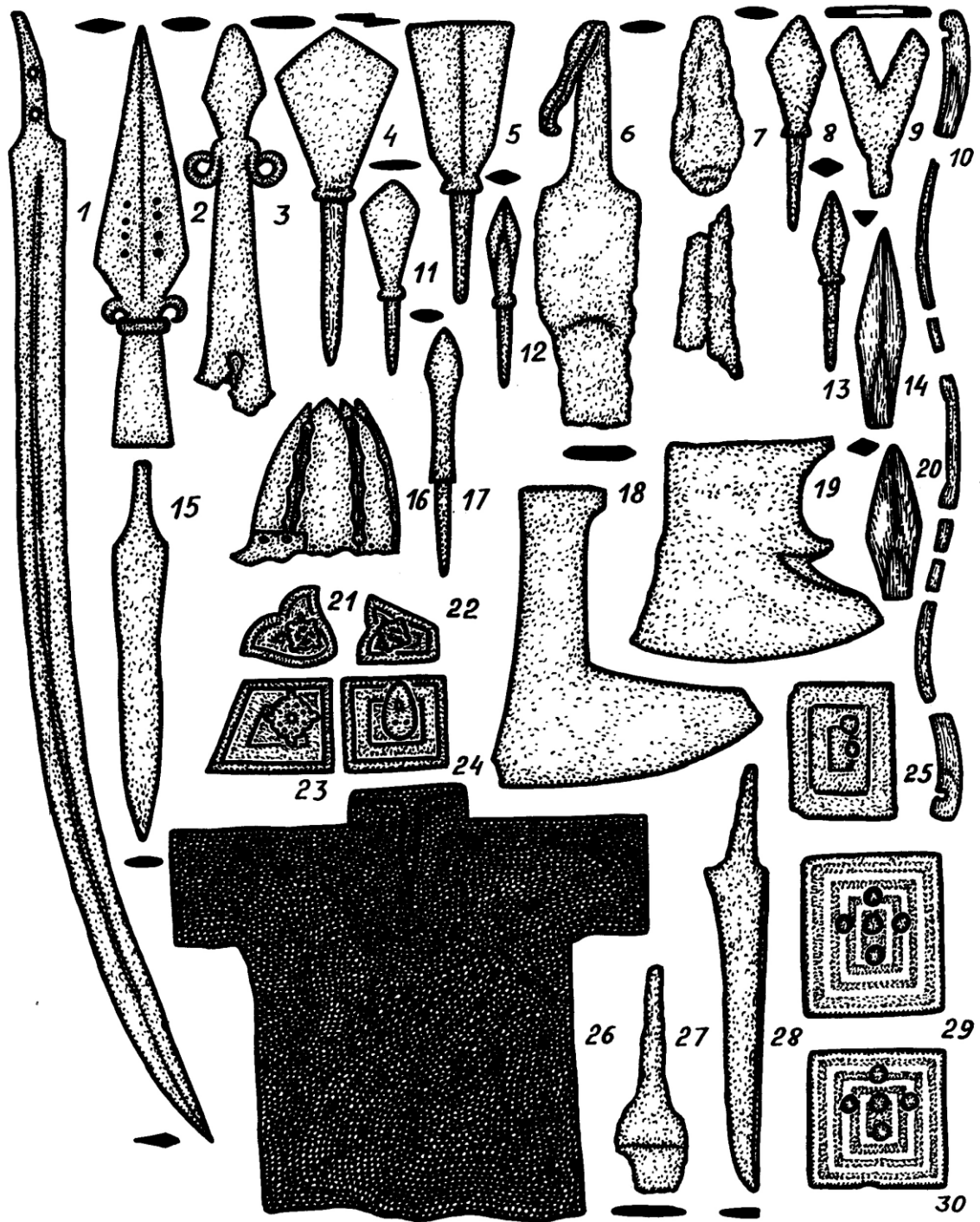

Рис.7

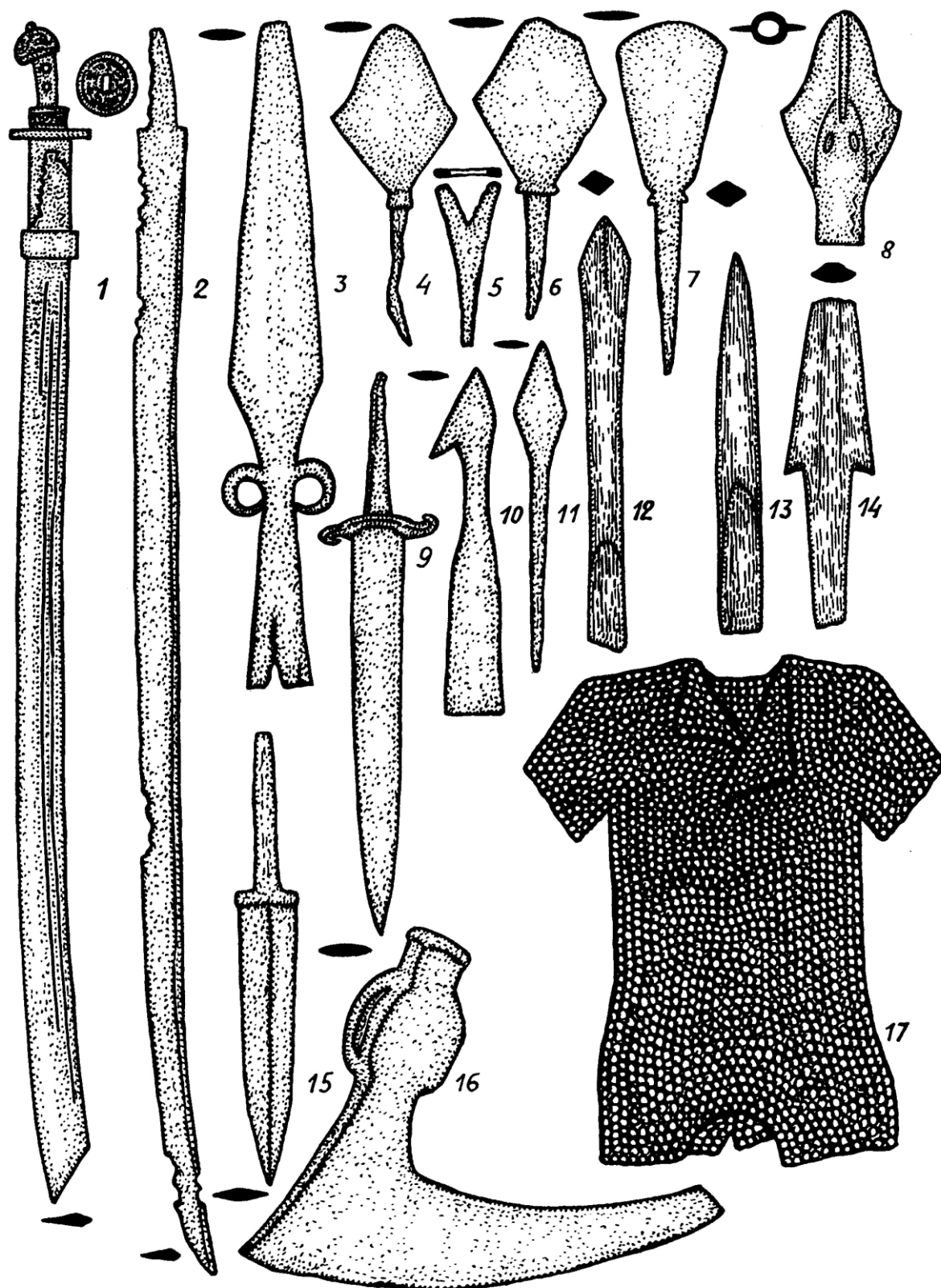

Рис.8

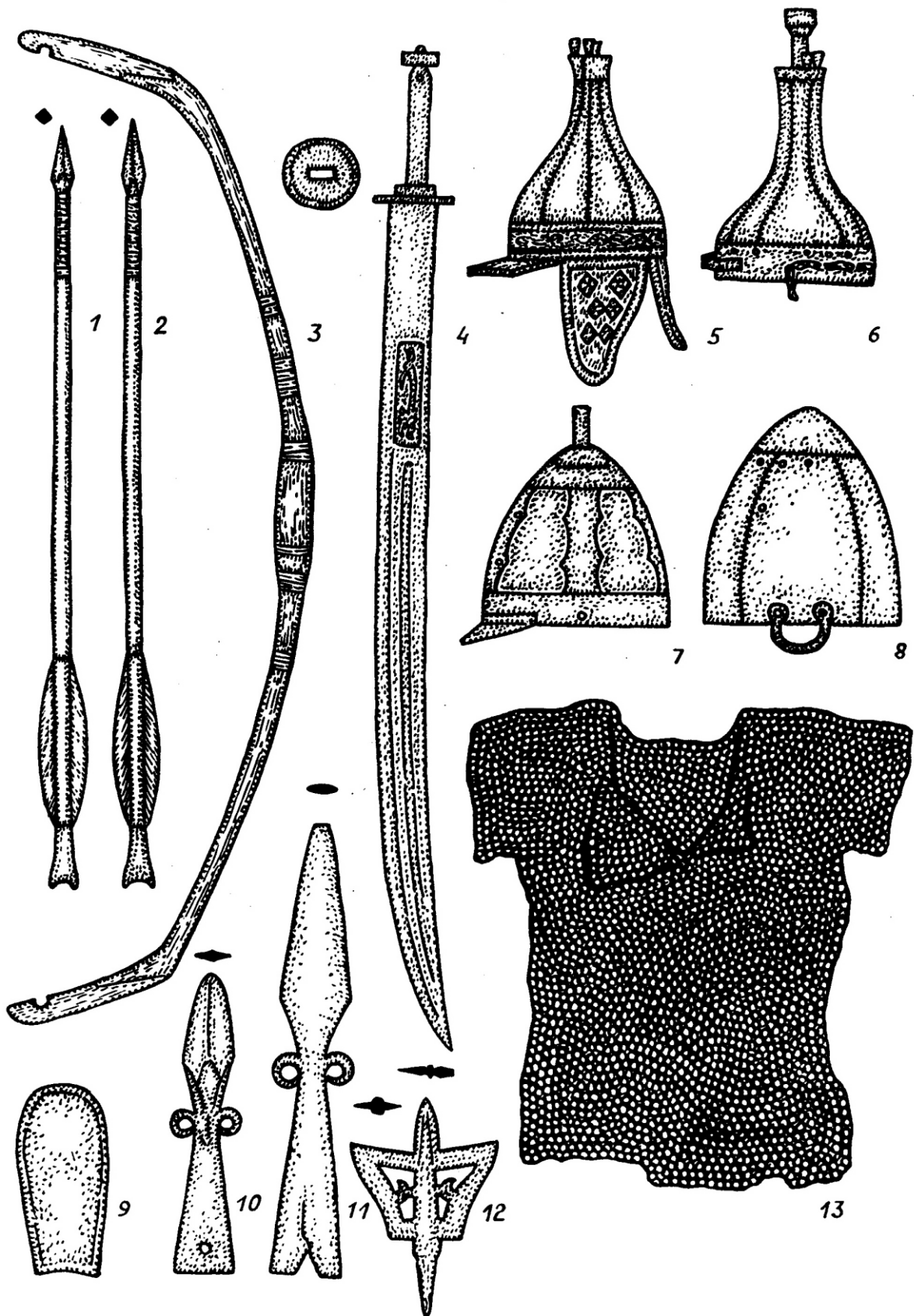

Рис.9

Рис.10

Рис.11

63. Худяков Ю.С. Комплекс вооружения кочевников Южной Сибири позднего средневековья // Военное дело номадов Северной и Центральной Азии. – Новосибирск, 2002б. – С.65-88.
64. Худяков Ю.С. Комплекс боевых средств Алтая и юга Западной Сибири в эпоху позднего средневековья // Восток-Запад. Диалог культур Евразии: Проблемы средневековой истории и археологии. – Казань, 2004. – Вып.4. – С.308-318.
65. Худяков Ю.С., Бобров Л.А. Этнокультурное взаимодействие русских и тюркских народов Западной и Южной Сибири в области военного дела в эпоху позднего средневековья // Материалы пленарного заседания Международной научно-практической конференции «История цивилизации и духовной культуры кочевников». – Павлодар, 2004. – Т.1. – С.1-3-108.
66. Худяков Ю.С., Ким С.А. Вооружение кыргызских кыштымов // Вопросы военного дела и демографии Сибири в эпоху средневековья. – Новосибирск, 2001. – С.50-75.
67. Базарсурэн С.Б.Ж. Чингис-ханы цэргийн зэр зэвсэг. – Улаанбаатар, 2000.
68. Martin F.R. Sibirica. Ein Beitrag zur Kenntnis der Vorgeschichte und Kultur sibirischer Volker. – Stockholm, 1897.
69. Messerschmidt D.G. Forschung erteise durch Sibirien von 1720 bis 1727. - Berlin, 1962. – В.1. – 379 s.
70. Muller H., Kolling H. Europäische Hieb- und Stichwaffen aus der Sammlung des Museums fur Deutsche Geschichte. – Berlin, 1981. – 448 s.
71. Observations on some Tartarian antiquites, descried in the preceding article. By John Reinhold Forster, F.A.S. // Archaeologia. Or miscellaneous tracts relating to antiquity. Published by the Sosity of antiquaries of London. – MDCCXLIII. – Vol.II. – P.227-235.
72. Robinson H.R. Oriental Armour. – New York, 1967. – 257 p.
73. Tallgren A.M. Collection Tovostine des antiquites prehistoriques de Minoussinsk conserves chez le Dr. Karl Hedman a Vasa. – Helsingfors, 1917.

Список иллюстраций к статье Ю.С.Худякова, Л.А.Боброва

- Рис.1. Реконструкция кольчатого и пластинчатого доспехов Ермака.
- Рис.2. Вооружение русских воинов эпохи позднего средневековья азиатской и европейской традиций: 1 – шлем с бармицей; 2 – шлем с козырьком и наушами; 3, 5 – наручья; 4 – кольчуга; 6 – копье; 7 – пальма; 1-7 – музей г. Звенигорода.
- Рис.3. Древковое оружие русских и коренных народов Сибири: 1 – русское копье XVI-XVII вв. (Красноярский музей); 2 – русская рогатина XVI-XVII вв. (Красноярский музей); 3 – кыргызский дротик с отрожками (Минусинская котловина); 4 – копье с отрожками (лесостепной Алтай); 5 – копье XVI-XVII вв. (Южная Сибирь); 6 – эвенкийское копье (Красноярский музей); 7 – нганасанское копье с Таймыра (Красноярский музей); 8 – кетское копье (Красноярский музей); 9 – эвенкийская пальма (Красноярский музей); 10 – кетская пальма (Красноярский музей); 11 – русское копье с отрожками XVII в. (ГИМ); 12 – русское копье с отрожками XVII в. (ГИМ); 13 – изображение якутской пальмы из книги И.Г. Георги XVIII в.; 14 – изображение хантской пальмы из книги И. Идеса XVIII в.; 15 – изображение трезубых вил тунгусов из книги Н.К. Витзена XVIII в.; 16 – селькупская пальма (Красноярский музей); 17 – якутская пальма (ГИМ); 18 – пальма (Звенигородский музей); 19-20 – русские бердыши (Красноярский музей); 21 – бердыш (Ачинский музей).
- Рис.4. Русские топоры из памятников тюркоязычных этносов Южной Сибири: 1 – Ортызы-Оба, к. 2 (Минусинская котловина); 2, 4 – Улу-Кель, Чердат (Приаулымье); 3 – Солян-Сее, об. 9 (Минусинская котловина); 5 – Ус-Оба, м.2 (Минусинская котловина); 6 – Табат-Бельтыры, м. 1 (Минусинская котловина).
- Рис.5. Русские топоры и секиры из Средней и Южной Сибири: 1 – Айканское селище (Средняя Сибирь); 2 – Шаньчиг, к. 24 (Тува); 3 – Алтай; 4 – Ак-Турук (Тува).
- Рис.6. Защитное вооружение, применявшееся русскими и коренными народами Сибири: 1 – изображения русских воинов XVII в. В панцирях (по «Кунгурскому летописцу»); 2 – пластина из Алазейского острога; 3 – пластина из Забайкалья; 4 – пластина из Парабельской коллекции; 5-7 – пластины из Айканского селища; 8 – кольчуга с Горного Алтая; 9 – изображение «киргизца на коне» (из книги И.Г. Георги); 10 – пластина из

коллекции И.П. Кузнецова из Южной Сибири; 11 – кольчуга XVII в. из Калгуты в Горном Алтае; 12 – русская кольчуга XVII в. (из Оружейной палаты Московского Кремля); 13 – «татарская» кольчуга XVII в. (из Минусинского музея); 14 – русская кольчуга XVII в. (из тайника с Дудинского участка на р. Енисей, Красноярский музей); 15 – кольчуга XVII в. из Калгуты в Горном Алтае; 16 – Маньчжурская кольчуга XVII в. (из музея Бэйпин гугун в Пекине); 17 – кольчуга XVII в. из Минусинской котловины; 18 – изображение остяка в кольчуге (с картины «Битва остяцких племен» в Тобольском музее); 19-20 – кольчуги XVII в. из с. Джезатор в Горном Алтае; 21 – изображение «русских охотников» с гравюры И.В. Бауэра, XVII в.

Рис.7. Вооружение кыргызов и кыштымов XVI-XVII вв.: 1 – сабля; 2, 3, 7 – копья и дротики; 4, 5, 8, 9, 11, 12, 13 – железные наконечники стрел; 6 – меч; 10 – лук; 14, 20 – железные наконечники стрел; 15, 27, 28 – кинжалы; 16 – шлем; 18, 19 – топоры и секиры; 21-25, 29, 30 – панцирные пластины; 26 – кольчуга.

Рис.8. Вооружение телеутов XVII в.: 1, 2 – сабли; 3 – копье; 4-8, 11 – железные наконечники стрел; 9, 15 – кинжалы; 10 – дротик; 12-14 – костяные наконечники стрел; 16 – секира; 17 – кольчуга.

Рис.9. Вооружение джунгар: 1, 2 – стрелы; 3 – лук; 4 – сабля; 5, 8 – шлемы; 9 – наручье; 10, 11 – копья; 12 – наконечник стрелы; 13 – кольчуга.

Рис.10. Реконструкция русских служилых людей XVII в. В Сибири. Слева направо: служилый воин, казак, казачий атаман. (Реконструкция Л.А.Боброва).

Рис.11. Реконструкция сибирских воинов XVI-XVII вв. Слева направо: остяцкий лучник, сибирский служилый татарин, знатный кыргызский воин. (Реконструкция Л.А.Боброва).

*Работа выполнена по программе Президиума РАН
«Этнокультурное взаимодействие в Евразии» (проект 29.2.2.)*

Кунгуров А.Л., Иванова Е.П.
(г.Барнаул)

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СВЕДЕНИЙ О ДРЕВНЕМ ГОРНОМ ДЕЛЕ НА ТЕРРИТОРИИ РУДНОГО АЛТАЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЯМИ XVIII – НАЧАЛА XX ВВ.

Научное исследование Алтайского края в XVIII веке тесно связано с открытием и использованием полезных ископаемых. Значительную часть рудных месторождений участники рудных поисковых партий выявили по следам древних рудников – «чудских» копей. Например, такие крупные рудники как Зырянковский и Снегирёвский заложены на месте древних выработок. Первый рудник открыт в 1791 году Зыряновым, который во время охоты наехал на древние горные разработки, при исследовании его оказалось, что руда содержит большой процент серебра, меди и свинца, в последствии этот рудник стал одним из крупнейших на Алтае. Снегирёвский рудник открыт унтер-штейгером Снегирёвым в 1792 году по следам обширной копи. По следам древних горных работ заложены такие крупные рудники, как Змеиногорский, Золотушенский, Николаевский.

М.Ф. Розен зафиксировал по архивным источникам и при осмотре старых шахт и приисков на территории Алтайского края и Восточно-Казахстанской области более 90 древних разработок на медь олово, золото, но в настоящее время эта цифра представляется гораздо выше (Дёмин М.А., 1989, с.16).

Участники рудопоисковых партий, русские рудознатцы собирали и документально фиксировали сведения о первобытных горных разработках. Их материалы во многом служили отправным пунктом для исследователей центральных академических экспедиций. Начальник Уральских заводов В.И. Генин в сочинении о горнозаводском производстве в Сибири описал Колывано-Воскресенский завод и древние рудники. Иван Лейбе подготовил рукопись «Историографическое описание Змеиногорских и других алтайских

рудников». Изложение он начал с легенды о таинственном народе «Чудь». И. Лейбе отмечал, что разработки рудных месторождений в древности производились преимущественно открытым способом, но встречались шахты глубиной до трёх четырёх сажень. По мнению И. Лейбе, народ, впервые освоивший горное дело на Алтае, жил несколько веков назад до прихода на территорию русских и происходит от знатного рода Чингисхана. О следах древнего горного производства писали начальник Сибирской пограничной линии Г. Вейрман и учёный-минеролог И.Ф. Герман. Г. Вейрман считал, что «чудские» копи принадлежат неизвестным народам, а не джунгарским калмыкам и не киргизам Большой орды (Дёмин М.А., 1989, с.32). И.Ф. Герман считал, что «чудские разработки» старейшие в мире, так как о них не упоминается не в одной истории. Нужно отметить, что в своих трудах специалисты горного дела не претендовали на историческое обобщение. Их основной задачей было расширение горного производства. И изучение его связано именно с этой задачей. Более конкретные исследования проводились позднее. В 1733 г. организована Великая Северная экспедиция. Четыре её отряда обследовали различные участки побережий Тихого и Северного Ледовитого океанов. Внутренние районы Сибири изучал академический отряд экспедиции. В его состав входили: натуралист И.Г. Емелин, историк Г.Ф. Миллер, студент, впоследствии известный исследователь Камчатки С.П. Крашенинников. Интерес исследователей вызвали следы древнего горного дела. Г.Ф. Миллер, изучая часть погребального инвентаря, пришёл к выводу такому же, как и И. Лейбе, древний народ, проживающий на территории Рудного Алтая в это монгольские племена Чингисхана и его приемников, а так же уйгуры.

Неоценимый вклад в исследование данной проблемы внёс П.С. Паллас. По его мнению, первобытные мастера добывали полезные ископаемые и выплавляли из них металлы в таком количестве, «что позавидовать им не можно» (Паллас П.С., 1786, с.483). Им же тщательно и изучались следы «чудских» горных промыслов на Змеиногорском месторождении, «...При новых работах находятся употребляемые ими орудия: кирки и другие горные инструменты были литы из меди; так, что железо им совсем известно не было» (Паллас П.С., 1786, с 484). Исследователь уже тогда обратил внимание на то, что древние рудокопы «управлялись с трудно плавящими рудами». Им тщательно изучались методы горного дела, исследовались современные рудники, давалось их географическое описание. В другой своей книге «О старинных рудных коях Сибири и их подобии с венгерскими», П.С. Паллас сообщает о древних горных работах (в том числе об уникальном случае находки скелета рудокопа и рядом с ним кожаной сумки, наполненной «изобильной золотом охрой») и высказывает предположение, что древние рудокопы Сибири могли являться предками «венгерцев», которые, по его мнению, «со всем своим искусством и речением ушли далее». Г.И. Спасский впервые опубликовал в «Сибирском вестнике» рисунки орудий первобытных рудокопов и металлургов (каменные молоты, бронзовые кайло и тесло). По его мнению, чудские рудокопы не умели работать на твёрдых горных породах, что приводило к необходимости переходить от одного прииска к другому, чтобы была возможность производить работу только с поверхности. Исследователь считал, что чудской народ истреблён или выгнан из Сибири за несколько веков до включения Сибири в состав Российского государства. Пришедшие не только потеряли все навыки добычи и выплавки цветных металлов, но и не сохранили о прежних обитателях никакого воспоминания. Изучение следов горного дела привели учёного к выводу о одновременности «чудских» рудников и принадлежности их к различным народам.

В XIX веке исследование остатков горного дела отличались более узкой задачей, связанной с расширением горнометаллургического производства. Изыскания в это время, в основном, сводились к компиляции уже ранее полученного материала. Некоторые исследователи так же приходили к мнению о том, что чудские разработки разновременные. Так анонимный автор статьи в Горном журнале (1838 г.) писал об остатках кожаной сумки, деревянной лопатки и медного кайла, найденных в чудских разработках. Основываясь на том, что в чудских коях не встречаются железные вещи, а в курганах, называемых «чудскими», находят железные предметы, упомянутый исследователь приходит к выводу о том, что «чудские» могильники и «чудские» разработки – следы двух совершенно разных племён, различного периода времени. Эта мысль получает дальнейшее развитие в работах Г.Е. Щуровского, который соотносит копи только с теми курганными могильниками, в которых находят изделия из золота, серебра и меди. Исследователь

полагает, что название слова «чудь» происходит от слова «чуждый» или «чужой». Вероятнее всего в значении иноземный, «не наш». И у него приводится одно интересное наблюдение, касающиеся чудских работ, относящееся к середине XIII века. В описание Силезии говорится: «Город Гольдберг (Золотая гора) одолжен своим названием древним золотым рудникам; разработка их была так обширна, что в 1241 году 2500 рудокопов принимали участие в сражении против татар. Это самое сражение разрушило город и горные работы взятые в плен рудокопы отведены в Сибирь. Легко может статься, что эти пленные от части способствовали распространению горных работ в Сибири» (Левитский Л.П. 1941, с. 46).

Э.И. Эйхвальд написал специальную работу «О чудских копях», в которой приходит к выводу, что курганные могилы всей Сибири, Приуралья, Поволжья, все известные древние рудники принадлежат древнему финскому племени (чуди). «Древние финны, следовательно, должны были являться достаточно культурным, промышленным, с техническими навыками, народом, разрабатывавшим копи, знавшим металлургию меди и обработку золотых и оловянных руд. Но данный аспект не согласуется с характеристикой данной финнам Тацитом, по которой финны отличаются отвратительной дикостью и нищетою: у них нет ни оружия, ни копей, ни пенатов... все надежды они возлагают на стрелы, для острия которых за неимением железа употребляют кости». А. Баженов утверждает, что «... остатки копей на Урале и в Сибири свидетельствуют о развитии горного промысла у финских племён, остатки печей для плавки руд указывают на знакомство этих племён уже в доисторические времена с обработкой металлов». Исследователь Н.О. Лавров писал о древнейшем горнометаллургическом производстве в горах Колыванно – Воскресенского округа. Описав следы сохранившегося древнего горного промысла на ряде крупных рудников, исследователь высказал мнение, что самое древнее горнометаллургическое производство находилось в Рудном Алтае. Свой вклад в изучение древней металлургии внёс В. К. Котульский. В 1917 году он исследовал впервые древние разработки на олово, обнаруженные на Калбинском хребте, где добывали оловянный камень, который использовали при плавке бронзы. Результаты исследования опубликовал в «Рудном вестнике» за 1917 год.

В начале XX века сотрудниками архива Алтайского края были собраны различные данные по древнему горному делу Алтая. В архивном деле «Древнейшая цивилизация, загадочное племя «Чудь»» (1928 г.), подготовленная группой исследователей, делается попытка раскрыть культурную принадлежность народа «чудь» на основе гипотез и предположений некоторых исследователей. Относительно племенной принадлежности народа чуди приводятся наблюдения Киапота, который высказал мысль о том, что «чудь» является предками финнов, и от них произошёл древне-тюркский народ Хунны. В.В. Радлов на основе археологических раскопок пришёл к заключению, что тюркской культуре предшествовала «Угра-самоедская цивилизация». Неизвестный автор середины XVII века одним из первых упоминает об исчезнувшей «чуди», жившей в древности по Оби и Иртышу и покорённой «воинством» Чингисхана. По поводу происхождения «чудских» жителей авторы работы приводят несколько версий. Согласно самой распространённой, в отдаленные времена Алтай заселяли люди – «чудь», не имевшие ханов. Незадолго до прихода в Сибирь русских, древние жители, не жилая подчиниться чужой воле, укрылись вместе с имуществом в своих жилищах, предварительно, сделав сверху земляные или каменные насыпи. Подрубив в этих сооружениях столбы, они похоронили себя заживо. Со словами «чудь» сибирские жители по наблюдению историка И.Е. Фишера, связывали не определённые угро-финские («чудские») племена, а неизвестные народы, которых русские называли «чудаками».

На Золотушенском и Белоусовском медных рудниках были найдены сумки древних рудокопов с медной рудой. В «чудских» копях и курганах были обнаружены вещи сделанные из бронзы. Сбор такого материала не проводился специально, все находки случайны и заключения сделанные по ним зачастую являются ошибочными. Таким образом, представители артели «Краевед» обосновали необходимость целенаправленных археологических исследований, проведения типологии найденных орудий горного дела, металлогического анализа руды и найденных предметов (насколько химический состав руд с древних разработок соотносится с более поздними). Григорьев и этнограф С.Н. Гуляев высказали мнение о том, что «чудь» является народом урало-алтайского племени,

местом расселения которого, по их мнению, является Туран. Потомками «чуди» они считают басков в Пиренейских горах (на границе Франции и Испании) и дравидов в Индии. Н.С. Гуляев признаёт на основе антропологических измерений костей «чудь» предками скифов. Сибирский публицист и этнограф Н.М. Ядринцев на основе изучения и сравнения рисунков, извлечённых из «чудских» могил, с орнаментом скифов, находят между ними преемственность. Большинство археологов того времени приходило к заключению, что «чудь» является предками скифов. Основанием к этому служило сходство предметов, находимых в южно – русских и сибирских курганах (ЦХАФАК. Ф.86. Оп.1. Д.13. с.20). Несмотря на то, что древнее племя «чудь» исчезло очень давно, оно оставило большое количество памятников: могильные курганы, каменные изваяния, копи. По предположению той же группы исследователей, народ «чудь» занимал в разное время нижнюю часть Средней Азии и Южной, всю северную Европу, спускаясь на запад до Пиренеев и на юге до Чёрного моря и Кавказа. По мнению авторов, «чудские» народы населяли все степные области Средней Азии, об этом свидетельствуют могильные курганы, копи, разбросанные почти по всей указанной территории. «В курганах киргизской степи неоднократно были обнаружены каменные изваяния- «чудские бабы». Подобные изображения встречаются и на Алтае и в Восточной Сибири» (ЦХАФАК. Ф.86. Оп.1. Д.13. с.12-14). Определение точного места расселения народа осталось для исследователей нерешённой проблемой. В этом же деле имеются указания на различные памятники, оставленные чудскими народами: каменные изваяния, курганы, копи. Интересен материал о следах древней рудодобычи. В кургане около Гольцовского рудника был откопан инструмент из белого мрамора для наматывания веревок. В этом же деле отмечается, что в «чудских» копиях и курганах встречались орудия и вещи из бронзы. В Змеиногорском руднике был найден наконечник бронзового копья. Приводятся также и другие сведения, которые, по мнению авторов рукописи, позволяют интерпретировать древние чудские находки.

В архивном деле «Возникновение горного дела на Алтае и основание Барнаула» (1928 г.) (ЦХАФАК. Ф.86. Оп.1. Д.56) также составленным артелью «Краевед», делается попытка раскрыть историю освоения алтайских рудников по следам древних рудокопов. Исследователями привлекаются архивные дела Уральского горного правления. Этот материал является источником для изучения горного дела, так как исследования непосредственно связаны с древними разработками. Следует отметить, что к этим архивным делам нужен критический подход учитывающий уровень исторических представлений того времени, тем не менее, большой массив собранной информации о древнейших горнометаллургических этапах развития Рудного Алтая актуален и сейчас. Архивные материалы и фонды, связанные с горным делом, представляют большой потенциал для дальнейшего исследования данной темы, интерес к которой не угасает на протяжении нескольких веков. Кроме того, важной задачей исследователей является введение неопубликованных материалов в научный оборот. Существующие архивные источники можно разделить на несколько групп. **Первая группа** – рапорты и производственные документы Колывано-Воскресенского завода, которые имеют описания рудников и рудных месторождений, а также горных работ XVIII века. Так, в архиве Алтайского края хранится документ с описанием горных работ при Зырянском и Бухтарминском рудниках (ЦХАФАК. Ф.1 Оп.2. Д.44). Значение таких документов – в информации о горных работах конца XVIII века - начала XIX века, которые могут помочь в реконструкции древнего горного дела. Горные разработки XVIII-XIX вв. не сильно отличались от древних, что подтверждает визуальный осмотр выработок. Некоторую специфику металлургической деятельности, непосредственно связанной с обработкой руды, возможно, реконструировать при глубоком изучении таких документов.

Вторая группа – материалы рудных экспедиций и поисковых партий. Такие партии начали создавать с середины XVIII века. Одной из первых экспедиций была экспедиция Андрея Бэера в 1745 году, направленная к Телецкому озеру. Возглавлял ее Шелегин. Хотя экспедиция не удалась, ее итогом явилось составление карты, на которой показана местность между Колыванью и Телецким озером. На карте имеется текст о том, что экспедиция организована по секретному распоряжению сената (ЦХАФАК. Ф.1. Оп.2, доп. Д.152). На подобных картах обозначались места «чудских» разработок и их краткое описание.

Третья группа – документы и коллекции горных пород, руд и минералов, которые формировались при Алтайских рудниках и являются важным источником по исследованию проблемы. Особенно большая коллекция была передана Барнаульскому музею в 1831 году. «Изучение руд и минералов имело практическое значение, горным рабочим необходимо было знать встречающиеся руды и минералы». Причем многие экспонаты сделаны в отвалах «чудских» копей (ЦХАФАК. Ф.1601. Оп.1. Д.49.) В Центре хранения Архивного фонда Алтайского края отложился уникальный чертежный и картографический материал, позволяющий реконструировать историю рудокопного дела. Неоднократно упоминаются «чудские копи» на страницах «Полевого журнала» и «Каталога первой поисковой партии по разведке и описанию местности по левому течению реки Алей»: «...от выше показанного завода Шульбинского вверх по оной в 12 верстах найден о производимых при том месте древними народами называемые чудью с их рудных плавок шлак..., и где за долгопрошедшими уже временами при самом том месте и поныне остаются некоторые следы» (ЦХАФАК. Ф.169. Оп.1. Д.362. Л.32). На плане меднорудного прииска, объявленного крестьянином Василием Дмитриевым (1835), обозначены «чудские копи», а в документах о работах данного месторождения говорится: «... в разрезах № 5 и 6 видны какие – то не правильные копи и подле них так называемые чудские молотки» (ЦХАФАК. Ф.1. Оп.2. Д.3360. Л.1; Ермакова Л.И., 2000, с.61). В своей совокупности данный вид источника позволяет выяснить технологию организации и ведения поиска новых месторождений, уровень научных знаний о размещении в земной коре полезных ископаемых. Другой вид источника – карты и планы по горнозаводскому делу XIX века. Коллекции данных документов хранятся в Алтайском государственном краеведческом музее. Наиболее ранняя карта по горному делу датирована 1827 г. «Карта части рек Иртыша и впадающей в оной Бухтармы, Убы, Шульбы, и прочих по разделению оных хребтами в реку ж Обь, Катуню, Бии и Чарыша и Ануя и Алея. Сочинена выбором из учинённых партий в разделении на шесть дистанций к измерению по писанию рудников и приисков, находящихся по описанным урочищам» (ЦХАФАК. Ф.1. Оп.2. Д.3360. Л.1). Из всего комплекса картографических материалов АГКМ по горному делу она является самой подробной картой, охватывающей значительную часть округа. Её изучение может дать сведения как географического, так и исторического характера. Основную ценность карт представляет геологическая информация, на них показаны залегающие различных месторождений, расположение охристых и колчедановых руд, кварца, объём эксплуатации полезных ископаемых. Фиксируется гидрографическая сеть, деревни, рудники. Все эти документы содержат информацию прямо или косвенно связанную с древним рудокопным делом. Изучение таких документов может являться отдельной темой для исследования.

Библиография

1. Алехин Ю.П. Древние горняки и металлурги юго-западного Алтая // Охрана и использование памятников истории горного дела и камнерезного искусства Алтайского края. – Барнаул: Изд-во ВООПИК, 1986. – С. 81-84.
2. Алехин Ю.П. Рудный Алтай в древности и средневековье // Серебряный венец России. Очерки истории Змеиногорска. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1999. – С. 17-65.
3. Антюфеева Т.В. Антропогенная трансформация природных комплексов в горнорудных районах. Автореф... канд. географ. наук. – Барнаул, 2004. – 20 с.
4. Геродот. История в девяти книгах. Кн. IV. – М.: Наука, 2002. – С. 8-10.
5. Ведомости о деятельности поисковых партий, путевые журналы и опыты // ЦХАФАК. Ф.1. Оп.2. Д.52.
6. Возникновение горного дела на Алтае. 1928 г. // ЦХАФАК. Ф.86. Оп.1. Д.56.
7. Гончаров А.В., Кунгуров А.Л. Археологические исследования в Рудном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Том 1X. Часть 1. – Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2003. – С.327-330.
8. Гришин Ю.С. Древняя добыча меди и олова. – М.: Наука, 1980. – 204 с.
9. Гришин Ю.С. К вопросу о древнейших способах поисков медных руд // Проблемы советской археологии. – М.: Наука, 1978. – С. 81-83.
10. Демин М.А. Первооткрыватели древностей. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1989. – 120 с.

11. Демин М.А. Чудские копи Алтая // 250 лет горного производства на Алтае. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1977. – С. 27-30.
12. Демин М.А. Вопросы древнейшего горного дела Алтая в трудах исследователей первой половины XIX века // 250 лет горного производства на Алтае. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1977. – С. 40-42.
13. Древнейшая цивилизация Чудь. 1928 г. // ЦХАФАК. Ф.86. Оп.1. Д.13.
14. Ермакова Л.И. История горнорудного дела в материалах центра хранения архивного фонда Алтайского края // 300 лет горно-геологической службе России. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2000. – С. 61-68.
15. Иванова Е.П. Архивные источники по древнему горному делу Рудного Алтая. – Сургут: Изд-во СурГУ, 2003. – С. 17-20.
16. Иванова Е.П., Кунгуров А.Л. Исследование памятников древнего горного дела в Рудном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Том X. Часть 1. Мат-лы год. Сессии ИАиЭ СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2004. – С. 261-264.
17. Карта Алтайского округа с нанесением рудников и приисков // ЦХАФАК. Ф.50. Оп.1. Д.245.
18. Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). – М.: Наука, 1989. – 320 с.
19. Кузнецова Э.Ф. Древняя металлургия и металлообработка Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1986. – 352 с.
20. Левитский Л.П. О древних рудниках. – М.-Л.: Наука, 1941. – 220 с.
21. Лузгин Б.Н. К ревизии минерально-сырьевой базы Алтайского региона // Экономика природопользования Алтайского региона: история, современность, перспективы. – Изд-во АлтГУ, 2000. – С. 138-141.
22. Лузгин Б.Н. Экономическая геология Русского Алтая. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1998. – 210 с.
23. Описи рудников и приисков Алтайского округа с кратким их описанием. 1824-1847 гг. // ЦХАФАК. Ф.1. Оп.3. Д.36.
24. Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства по повелению Санктпетербургской императорской Академии наук. Часть вторая, книга первая. – СПб, 1786.
25. Розен М.Ф. Библиография Алтая. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1992. – 180 с.
26. Розен М.Ф. Очерки об исследователях и исследованиях Алтая XVII – начало XX веков. 1983 г. // ЦХАФАК. Ф.1606. Оп.1. Д.49.
27. Розен М.Ф. Древняя металлургия и горное дело на Алтае. 1980 г. // ЦХАФАК. Ф.1606. Оп.1. Д.60.
28. Розен М.Ф. Некоторые новые данные о древних горных работах на Змеиногорском руднике и дополнение рисунками Краеведческому музею. 1947 г. // ЦХАФАК. Ф.1601. Оп.1. Д.67.
29. Розен М.Ф. Древняя металлургия и горное дело на Алтае // Древние горняки и металлурги Сибири. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1983. – С. 19-23.
30. Розен М.Ф. Некоторые новые данные о древних горных работах на Змеиногорском руднике // Советская археология. – 1952. – Т. XVI. – С. 327-330.
31. Розен М. Ф. Колывань и гора Змеиная. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1983. 96 с.
32. Тацит П.К. Аналлы: Малые произведения. – М.: Наука, 2001.
33. Чекалин В.М. К истории изучения и освоения недр северо-западного Алтая // // 300 лет горно-геологической службе России. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2000. – С. 90-96.
34. Чекалин В.М. Минерально-сырьевые ресурсы юго-западного Алтая на службе человека в прошлом, настоящем и будущем // Экономика природопользования Алтайского региона: история, современность, перспективы. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2000. – С. 144-152.
35. Черников С.С. Древняя металлургия и горное дело Западного Алтая. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1949. – 112 с.
36. Черных Е.Н. О терминах «металлургический центр», «очаг металлургии» и др. // Советская археология. – 1967. – № 1. – С.295-301.
37. ЦХАФАК. Ф.1. Оп.2. доп. Д.152.
38. ЦХАФАК. Ф.1. Оп.2. доп. Д.44.

Маточкин Е.П.
(г.Горно-Алтайск)

КАЙЧИ: ВЗГЛЯД НА ПЕТРОГЛИФЫ

Интерпретация наскальных изображений – сложнейшая проблема гуманитарного знания. В редких случаях научная мысль может предложить более или менее обоснованную трактовку содержательного смысла петроглифических памятников. Наибольшего успеха исследователи добиваются там, где в рисунках прослеживаются некоторые математические закономерности. Чаще всего они сводятся к лунно-солнечным календарям или к временному циклу беременности женщин. Подчас семантика рисунков тяготеет к мифопоэтическим представлениям, к образам фольклора и эпических сказаний, известным по записям этнографов у аборигенных народов.

И всё же, наметившиеся подходы вряд ли могут претендовать на исчерпывающую полноту: уж слишком большая дистанция отделяет современность от создателей рисунков. Ведь уже стало общепризнанно, что в петроглифах нашли отражения не только эстетические пристрастия древних, но и их верования, их представления о мире.

В этой связи было бы чрезвычайно интересно узнать, как воспринимает петроглифы традиционное этническое сознание, носители которого хотя и очень редки, но всё же существуют в настоящее время. К таким редким представителям можно отнести людей с неординарными интуитивными способностями – кайчи и шаманов.

В статье приводятся высказывания трёх таких человек – А.Г. Калкина, Т.Б. Шинжина и шаманки из Хакасии – Г.Г. Казачиновой. К ним автор обратился с просьбой рассказать, как они воспринимают петроглифы Кучерлы. В качестве переводчиков в беседе с А.Г. Калкиным выступали его сын Элбек и сноха Мария. Однако и они не в силах были разъяснить некоторые его фразы, так как он облакал их в такие слова, которые не встречаются в современном алтайском языке. В силу этого полностью воспроизвести разговор с выдающимся кайчи не удалось и его высказывания приводятся фрагментарно.

Беседа с Калкиным происходила в селе Ябоган дважды. Первый раз – в течение трёх дней 28-30 августа 1986 года и второй раз – 28 сентября 1988 года. При первой встрече Калкину были показаны копии петроглифов грота Куйлю, выполненные тушью в натуральную величину. Вопросов о том, что здесь изображено у Алексея Григорьевича не было, хотя известно, что он видел плохо.

Процесс осмысления изображений происходил поэтапно. Сначала Калкин воспринимал рисунок в общем и целом как некое явление, потом давал петроглифам ту или иную интерпретацию. В последующие дни, углубляясь в древние образы, он приводил всё новые подробности о их семантике. В статье его высказывания приводятся в том порядке, как это происходило во время беседы.

Петроглифы Грота Куйлю – замечательный памятник культуры Алтая, находящийся неподалёку от Белухи в долине реки Кучерла (1-5). Возраст самых древних рисунков насчитывает около 5 тыс. лет. С тех пор там не прерывался историко-художественный процесс, и самые поздние рисунки появились совсем недавно. У местных жителей это место окружено особым почитанием: сюда нельзя приходить с дурными мыслями и громко разговаривать. Ручеёк, вытекающий неподалёку из-под скалы, считается целебным для глаз.

Изучение петроглифов Грота Куйлю началось мною в 1984 году и продолжалось в течение нескольких лет. В полном объёме они так и не были опубликованы. К сожалению, многие изображения здесь очень пострадали от времени и сохранились фрагментарно. Они подчас с трудом поддаются «прочтению» и поэтому в публикациях приходится прибегать к определённой реконструкции.

Там же, на Кучерле находится ещё один петроглифический памятник, открытый мною, – петроглифы Чёрной речки (6). Когда я показал их Калкину в 1988 году, он сказал: «Ранее я думал, что в древности у нас не было по-настоящему хороших художников. Оказывается, они есть. Я их видел у Белухи».

Таныспай Шинжин, с которым я беседовал 18 сентября 2004 года, подчеркнул, что народное творчество – это тоже настоящее искусство, а всякое искусство может иметь

разное словесное толкование. Тем не менее, в целом он соглашался с интерпретациями Калкина и давал мне дополнительные разъяснения.

Итак, ниже приводятся комментарии кайчи к петроглифам грота Куйлю.

Рис. 1. Композиция с маралухой

Калкин: «Это камень богатыря. Раньше там жили богатыри, они и выбивали рисунки. В давние времена был хозяин земли, верховный Бог. Здесь изображено, как он прилетел на землю рожать и кормить своих детей. Затем он улетел обратно. Существует такая легенда, как ангел превратился в маралуху и пришёл на землю, чтобы наполнить её живыми существами. Она называется «Таш тюрек – турю бурхан» (каменное сердце – живой ангел). Это сказание ещё не записано.

Веточка над головой означает, что ещё какой-нибудь зверь должен появиться».

Шинжин: «Художники просто так животных не рисовали. Ранее человек не выделял себя из природы, считал себя частью всего живого, почти равным маралу. Более того, нередко маралы попросту обожествлялись. Маралуха на рисунке – это своего рода светоч жизни. Алтайцы, видя размножение зверей в лесу, думали, что Бог выделяет людям маралов для пропитания столько, сколько надо. Маралух не убивали, в маленьких телят не стреляли, а только в старших.

Это очень красивая композиция. Ветка дерева над головой, возможно, означает зарождение нового, новой жизни. Ветка олицетворяет лес, тайгу, исконный алтайский дух вместе с маралухой. Разветвляющийся рог указывает на будущее продолжение рода.

Три полосы на спине, вероятно, свидетельствуют о том месте, где был создан рисунок. Это могут быть три вершины или три дороги. Вообще, в рисунке много треугольников, а треугольник символизирует вершину.

Интересная деталь – крючок на спине – это что-то вроде пуповины. Пуп изображён не только внизу живота, но и вверху. Он связывает маралуху с верхним миром. Это знак связи с высшим миром, с Корбустаном».

Рис. 2. Верхний ярус алтарного камня

Калкин: «Колдун – это, возможно, такой зверь был. У него много рогов – такой знак. С рогами синяя корова в «Маадай-Кара». В Кош-Агаче видели барана с четырьмя рогами.

Пятно на шее левой маралухи – особое место, тюрьма. Человек в него не попадает. Эрлик-бий из подземного мира выстрелил – земля разверзлась. Кастах – живая стрела – знак Эрлика обратно приходит, на земле лежит. Тогда век меняется. Приходит война, голод, огонь.

На небе есть люди, маралы, бараны. Кара-Кула свою жизнь хотел сохранить на небе. Большая медведица.

Есть море, река, Кан-кереде. Кан-кереде – самая большая царь-птица».

Шинжин: «Пятно на шее маралухи – тюрьма, сакральное понятие. Там находится душа. Если отсечь, то душа богатыря, людей, зверей, шаманов погибнет. Эрлик сильно стреляет, попадает сюда, в этот круг, который есть своего рода оберег для животного мира. Из-под земли стрела выпущена, и если она останется на земле в светлом мире, то будет война, несчастья с народом, огонь, пожары, голод. Нечистая сила в одном или в другом кастахе приносит смену веков, смену жизни, уже отнюдь не мирную смену.

Необычный зверь – смесь с шаманом. Это существо глотает душу маралухи или вдыхает ей душу. Тут могут быть разные толкования. Вверху, возможно, оно забирает душу, а внизу с помощью фаллоса вселяет и зарождает.

Марал – животное, связанное с божеством. Корова же принадлежит скоту с холодным носом, которого создал Эрлик. Корову алтайцы относят к нечистой силе, хотя молоко и пьют. Изображённое существо – это, в основном, существо верхнего мира. Кто-то рождается, кого-то оберег охраняет, где-то нечистая сила забирает душу. Рисунок наводит на размышления.

Бык с ромбом. Ромб – знак крыла. Стрела летает, бык тоже летает. Три маралухи улетели на небо. Всё связано с небесным миром».

Рис. 3. Средний ярус алтарного камня

Калкин: «На собрание собрались маралы, бык-хозяин воды, коза, бычок. Начальником на собрании был медведь.

Бубен всё знает, рассказывает. Здесь, может быть, сам Эрлик камлает. Там самое холодное место. Каменный дворец. Огня нет. Солнце не глядит. Тёмная ночь в его дворце. Айгстан – злой дух, второе имя Эрлика.

Кочкор. Козёл с неба прилетел. Может, это месяц превратился в козла. Людоед Дъельбегень поймал его. Луну увёз на небо. Теперь он там на небе. Как-то в один год увидели людоеда-луну 24 раза.

Марал – сын Ориона, которого мучили. Для Алтая есть такой марал – память. Он караулит места, где есть аржан, ключ, Сумер. Он – хозяин может превратиться в 12 животных: козла, коня, даже в мышь.

Хозяин Алтая под видом кочкора. Шаманит в бубен.

Медведь – кам. Когда шаман камлает, надо жертву принести Алтаю. Айбыстан – самка дикого барана. Самца кочкора заколют, в жертву хозяйке Алтая принесут. Тайилга сделана.

У хорошего шамана до девяти бубнов бывает. Это, наверное, бубен, чтобы в новолуние шаманить. Здесь, должно быть, новая луна. Когда луна старая, не принято шаманить, силы нет.

Эти звери – следующие звери в жертву. Медведь – слуга, помощник. Это не медведь, он чёртом обернулся. Медведь – кара-ютпа. Если не принесут в жертву айбыстан, кара-ютпа всех съест, шкуру в подарок оставит, шаман костюм оденет. Я знаю сокровенное сказание про кара-ютпу. Его надо исполнять несколько дней. Если не исполню, никто никогда не узнает.

Верблюда, сарлыка, козу не режут, тайилгу не делают. Хозяйка Алтая их не любит, не ест».

Шинжин: «Шаман, тайилга. На горе марал бьёт в бубен.

Очень хорошо выбито. Кочкор. Вот его мир, вот его потомство. Разветвление дерева идёт высоко. Среди животного мира здесь центральное место занимает кара-ютпа – чёрный глотатель подземного характера. Гора, большое дерево. На его ветках весь мир со всеми богами. Каждый бог превращается в разные образы. Надо, например, Хан-Алтаю

быть женщиной, он превращается в женщину. Гора – живой дух. У него есть скот. Он правит скотом. Скот – животный мир. Хозяин его сохраняет, распределяет охотнику. Хозяин может быть маралом, мужчиной на белом коне. Хозяин – властелин не только природы, но и всего животного мира. Алтайцы растения тоже считают животным миром. Дуб – живое существо».

Рис. 4. Правая композиция среднего яруса алтарного камня

Калкин : «Шаман после камлания превратился в орла и улетает на небо.

Шаман превратился в Кан-кереде и полетел на небо. Его душа полетела на небо верхнего бога искать. Справа от него чудовище олицетворяет вход в подземный мир – яму, из которой пришёл Эрлик».

Шинжин: «Вот орёл. Процесс камлания. Дух бубна может птицей взлететь в верхний мир. Кан-кереде в сказаниях – это чистая небесная человек – птица. Помогает в борьбе богатырям».

Г.Г. Казачинова, писатель, шаманка из Хакасии в письме от 12.12.1998 г.: «Это шаманка. – Почему? – Потому что между ног прорисован ребёнок. – Почему именно ребёнка? Мы – я, мать и бабушка ходили собирать съедобные коренья. Там встретили наскальные рисунки. Была я довольно маленькая и бесконечно задавала вопросы. На мой вопрос, не писка ли торчит между ног человека, они очень спокойно, рассудительно, доходчиво объяснили, что часто бывало так, что женщина не могла забеременеть, родить детей. За это в селении её презирали, а родственники мужа ненавидели. Через пять лет, если она не родит ребёночка, муж имел право отвезти её к родителям.

И вот бездетная женщина в священные дни приходила к скале, молилась, оставляла ритуальную пищу, чтобы духи эти (рисунки) кормились. И, особенно, молилась голове ребёнка, висящего вниз головой между ног. Она пальцем водила, предварительно окунув в сметану, масло и прочие жирные куски и воображала, что рождает и что кормит своего ребёнка. Тогда она, бывало, и на самом деле беременела.

На рисунке шаманка камляет, рядом животное пура. И если она из рода Харги (харга – ворон), то ей помогает из-под земли вылезти даже родовой тёсь в виде родовой птицы. Обычно шаманка рассчитывает на себя, но тут, видимо, обессилила и призвала самого сильного тёся. Это момент деторождения не самой шаманкой, а великим женским духом.

Шаманка не при чём. Например, у этого рождающегося ребёнка бездетная женщина хут (душу) просить не будет, потому что это ещё в нижнем мире находится. Видите, черта отделяет. Хут нужно просить у здоровой детородящей сущности.

В наскальных рисунках могло быть так: утром мог появиться новый рисунок. Но никто не знает, кто это делал. Шаманы говорили, что это сущности делают. И если даже шаман мог сам сделать, то это было не в его обычном земном состоянии, а в изменённом, тонком».

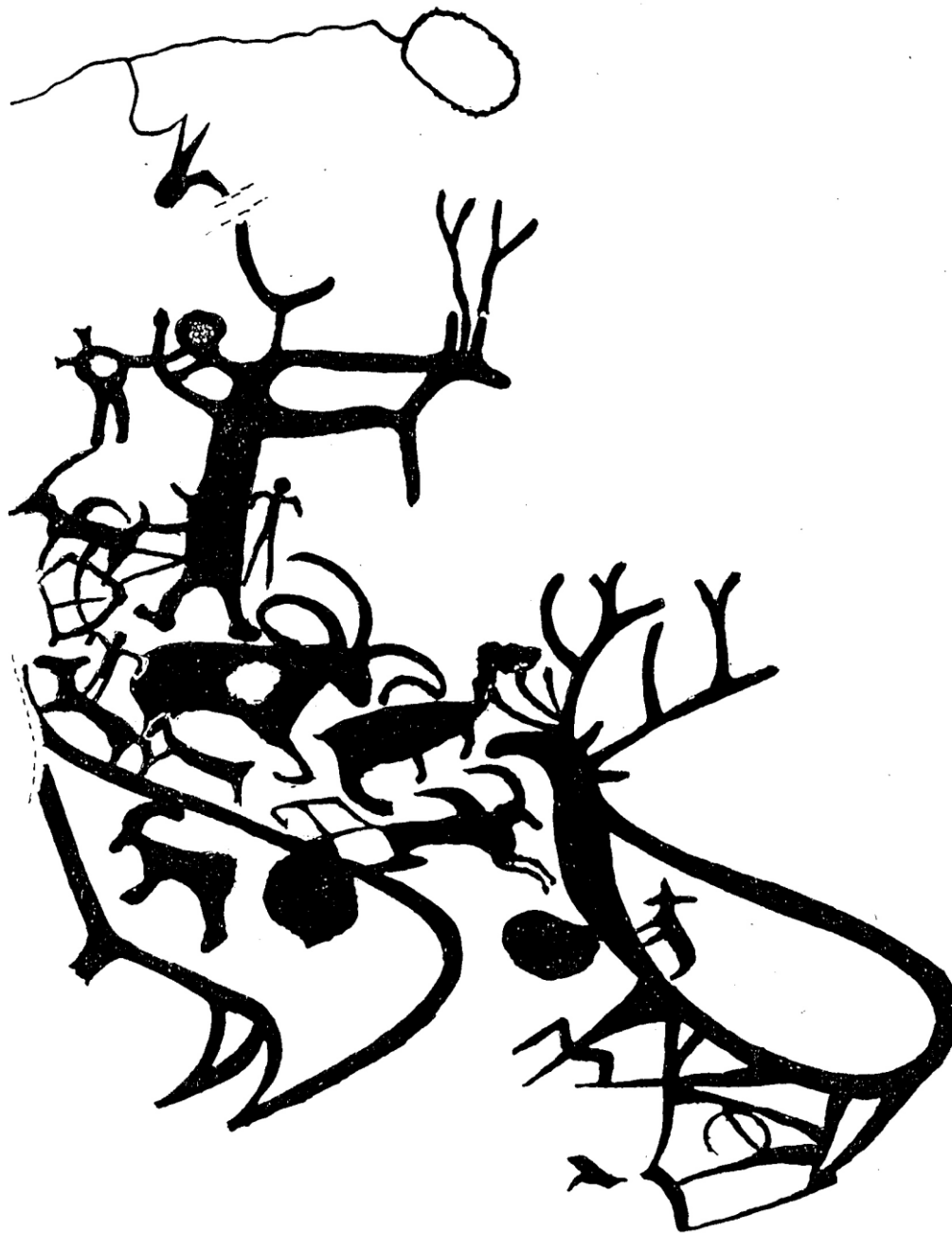

Рис. 5. Композиция на северной стене

Калкин: «Круглое пятно у шеи марала – торба. Она бывает и внутри оленя, в ней душа. Золотая торба в самом олене – душа каана. Богатырь выстрелил и торба выпала.

Вдоль дерева летит богатырь.

Под землёй есть живое дерево – стоветвистый тополь. Он многое знает. Кам подойдёт, попросит оленей, табун лошадей. Живое дерево бай-терек помогает народу. Живое дерево шагать может. На земле есть его братья. Они сами могут ходить. Лыжи из них сделать – побежишь, как на моторе.

Третий рог кочкора – крыло летящей стрелы. Три звезды, когда упали на землю, превратились в маленького телёнка.

Дочь неба – Венера. Поэты, художники обязательно должны рисовать Венеру, тогда небо радуется».

Шинжин: «Душа летит вдоль дерева. Динамика композиция направлена вверх. Дерево само по себе живое существо, рождает марала, всех поддерживает. Все около него останавливаются – и богатырь и животный мир. Под ним может спрятаться до тысячи лошадей. При жеребце бывает 20-30 кобылиц с молодняком. 60 жеребцов и их кобылицы под деревом спрячутся. Дерево – создатель, хранитель всех душ. Оно, как душа, может пойти. Вся жизнь вокруг него.

Дерево караулит все надземные существа, отводит чёрные силы. Доброе дерево, всё сосредоточено вокруг него. В доброе дерево врос марал. Марал сам по себе олицетворяет священное дерево. Потому в композиции все к нему приходят, все от него улетают, под ним собираются. Там козёл караулил, здесь – марал. Марал тоже хозяин Алтая».

Итак, во взгляде на петроглифы двух информаторов проявилось неординарное видение алтайских кайчи, их способность проникать в далёкие пласты национального наследия. Глубина их памяти такова, что охватывает сюжеты петроглифов, созданные не позднее эпохи бронзы (рис. 1).

Их стиль мышления ориентирован на языческое мировосприятие. Космос предстаёт в органической взаимосвязи трёх миров – преисподней, среднего, земного и верхнего. Персонажи мыслятся действующими во всех этих сферах, а пространственные масштабы не привязаны к физическим константам и послушны воле великих духов-демиургов, управляющих всем, что происходит на свете.

Кайчи воспринимают изображённых на скалах героев, прежде всего в их духовных ипостасях, а не только в материальных обликах, к которым привязан анализ учёных. Эти духовные сущности, имеющие в петроглифах конкретный вид, мыслятся полиморфными, обладающими способностью воплощаться ещё и в другие зримые состояния. Во взаимодействии этих воплощений раскрывается принципиально иное временное видение наскальных рисунков. Они осознаются кайчи не в виде остановленного кадра, а в процессе некоего событийного явления, имеющего своё начало и важный результат. А то, что выбито на камне – это лишь одно из мгновений, быть может, кульминационное.

Нельзя не отметить уникальность мышления Калкина, находящее отражение подчас даже в его внешнем облике. В процессе беседы иногда наступали такие моменты тишины, когда рассказчик, кажется, улетал в какие-то нездешние сферы. На его лице выступала какая-то странная улыбка, а взгляд закатывался куда-то далеко и будто пропадал совсем. Это продолжалось недолго, после чего взор его возвращался на землю и вновь обретал реальность. Мне это было особенно заметно, поскольку я во время беседы рисовал портрет и пристально всматривался в его глаза. Эти «уходы в другой мир» меня всегда поражали. Я и сам при этом, кажется, испытывал отдалённое веяние нездешних миров.

Эти его «отключения» проявлялись в интуитивных прозрениях, и трактовка сюжета как бы поворачивалась другой гранью. Подчас она формулировалась в виде коротких определений и не раскрывалась в должной полноте. Обычно к подобным определениям он не возвращался, однако эти мимолётные видения также имеют глубокую семантику. Это, в частности, относится к его высказыванию о смысле композиции верхнего яруса алтарного камня, которое он охарактеризовал кратко как «Большая медведица». За этими словами действительно кроется интересная семантическая концепция, которая приводится в моей статье (7).

Однако чаще всего его сознание увязывало изображения древности с образами алтайского эпоса. Малейшие детали рисунков давали повод вспомнить о героях известных ему сказаний. Мир фольклорных образов в его сознании постоянно притягивался к духовному миру древних художников, запечатлённому в петроглифах. Синкретизм мышления действительно был присущ Калкину: известно, что в сотрудничестве с И.И. Ортонуловым рождались картины, увиденные изначально внутренним взором великого кайчи (8).

Складывается впечатление, что он обладал способностью подключаться к энергетическому полю архетипов. Древние наскальные рисунки возбуждали в его мышлении пласты необычайно глубокой памяти и тогда изобразительные архетипические образы находили свои параллели в словесном архетипическом выражении.

Примечания

1. Куйлуда табылган петроглифтер (на алтайском языке) // Эл-Алтай, 1986. – №3. – С.56-65.
2. Петроглифы грота Куйлю – памятник древнего искусства Сибири // Эпоха камня и палеометалла Азиатской части СССР. – Новосибирск: Наука, 1988. – С. 80-88.
3. Древние представления о мире в петроглифах грота Куйлю // Тезисы докладов 1-й межд. конференции «Алтай. Космос. Микрокосм». – Барнаул: Ак-Кем, 1993. – С.167-169.
4. Шаманистические композиции грота Куйлю // Сибирь в панораме тысячелетий (Материалы международного симпозиума): В 2 т. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. – Т.1. – С. 367-378.
5. Зооморфный образ богини-матери грота Куйлю // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая: Сборник научных статей. Выпуск XI. Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та, 2000. – С. 98-100.
6. Петроглифы Чёрной речки // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР: Сб. науч. тр./ АН СССР. – М.: Ин-т археологии, 1990. – С. 158-161.
7. К расшифровке петроглифов грота Куйлю // Семантика древних образов. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 35-53.
8. Выставка одной картины // Звезда Алтая. – 11 июля 2002.

Алмадакова Н.Д.
(г.Горно-Алтайск)

О НЕКОТОРЫХ ПАРАЛЛЕЛЯХ СОВРЕМЕННОГО АЛТАЙСКОГО И ДРЕВНЕТЮРКСКОГО ЯЗЫКОВ

Древнетюркский язык, или язык письменных памятников тюркоязычных народов VII-XIV вв., служит общим фоном для древней истории большинства тюркских языков, включая тюркские языки Южной Сибири, к которым относится и алтайский язык.

В древнетюркском и алтайском языках много на всех уровнях грамматики много общего. При этом каждый обладает целым рядом отличительных черт на всех уровнях языковой системы. В настоящем пытаемся рассмотреть лишь некоторые аспекты общего и особенного в современном алтайском и древнетюркском языках.

Так, например, состав словообразовательных аффиксов в алтайском и древнетюркском языках обнаруживает достаточно большую и устойчивую общность. Между тем имеется ряд специфических черт. В алтайском языке отсутствуют корреляты древнетюркских аффиксов залогового типа =git=, =sik и транспонирующего =ad=. Алтайские транспонирующие аффиксы =лал=, =ты=, =ан= не отмечены в древнетюркском.

В современном алтайском языке система межкатегориального словообразования представлена более шире, чем в древнетюркском. В древнетюркском языке многообразна система внутрикатегориального словообразования.

В современном алтайском и древнетюркском языках с сфере морфонологических аспектов существует последовательная ассимиляция гласных в аффиксах по закону небной гармонии. Есть ряд особенностей в фонетическом варьировании как аффиксов, так и основ.

В алтайском языке ассимиляция гласных в аффиксах в отношении широких огубленных гласных по признаку губности последовательна. В древнетюркском языке в аффиксах огубленные гласные отсутствуют.

Рассмотрение аффиксов залогового типа и сопоставление с материалами древнетюркского языка позволило заключить, что они совпадают: так называемый основной залог не имеет морфологического показателя; каузативный залог характеризуется аффиксами =т=, =тыр=; возвратный залог с показателем =н=; в формах страдательного залога представлен аффикс =л=.

Что касается других глагольных форм алтайского языка, например, деепричастные формы глагола, то их параллели встречаются и в древнетюркском языке. Заметим только, что в современном алтайском языке некоторые формы, например, форма на =калы/=талы, по передаваемому ею значению отличается от древнетюркской формы. В древнетюркском форма на =талы/=тели имеет значение цели, в алтайском - темпоральное (временное) значение.

Алтайский язык обнаруживает общие черты с древнетюркским языком и в системе падежей. Совпадают формальные показатели родительного, винительного, местного, творительного падежей. Что касается дательного (дательного-направительного) падежа, что в древнетюркском языке, кроме аффиксов, аналогичных аффиксам алтайского языка, отмечается также аффикс =гару/=геру. Творительный падеж в современном алтайском языке выражается формой на =ла/=ле. Кроме этой формы, в алтайских фольклорных произведениях встречается форма со словом была/биле. Заметим, что в некоторых случаях это слово употребляется слитно, в некоторых - раздельно. В любом случае следует отметить, что в алтайском языке сохранилась древняя форма творительного падежа.

О родственных генетических связях алтайского языка и его диалектов с другими тюркскими языками свидетельствуют материалы по лексике, состоящей из общетюркского пласта.

Первичный анализ некоторых тематических групп слов позволил заключить, что 90-95 % лексики современного алтайского языка находят параллели в древнетюркском языке. Однако, что в некоторых случаях произошли фонетические изменения в большой или наименьшей степени. Отмечаются также расхождения и в семантическом отношении.

Общие черты и особенности рассмотрим вкратце на терминах родства и свойства в алтайском и в древнетюркском языках.

Так, алтайское слово *карындаш* (в древнетюркском *qaryndos*) обозначает одноутробных детей как мужского, так и женского пола, о чем свидетельствует существующий традиционный вопрос, когда хотят узнать, сколько у человека сестер и братьев: Сенде (слерде) канча карындаш? Слер канча карындаш? – имеется в виду: Сколько в семье всего детей, кроме вас? (буквально: Есть ли у Вас братья и сестры?). На что традиционно отвечают в зависимости от количества детей в семье: Бис ... (беш, эки, уч и т.п.) карындаш.

Как и в других тюркских языках, в алтайском языке слово *карындаш* также обозначением младшего брата. Кроме того, это диалектах, например, туба диалекте слова карындаш, значение «младший брат» передается аналитическим словом кижү карындаш. В чалканду и куманды диалектах в значении «младший брат» употребляются формы кищу карындаш (чалканду), кичү карындаш, кичеш карындаш, кичиг карындаш (куманды).

Слово карындаш в алтайском языке обозначает не только одноутробных братьев и сестер, младшего брата, но и двоюродных братьев по отцу, родственников по родоплеменным отношениям.

В значении «младший брат по крови», «младшая сестра по крови» в алтайском языке употребляется слово ийни (ийним). Аналогичное слово есть и в древнетюркском языке (*ini*). Это слово в значении «младший брат» с некоторыми фонетическими изменениями сохраняется во всех тюркских языках.

В алтайском языке употребление слова ийин характерно для носителей диалекта алтай-кижи, причем проживающих в Усть-Канском районе, или выходцев из этого района. В теленгитском диалекте это слово не встречается, оно не отмечается и в северных диалектах алтайского языка.

Древнетюркское слово *bölö* в значении «дети мужского и женского пола двух родных сестер» отмечается и в современном алтайском языке: bölö, (алтай-кижи), пөлө (туба, чалканду), пуле (куманды). Что касается теленгитского диалекта, то в значении «дети двух родных сестер» употребляется слово *чаны*. А слово *bölö* употребляется только в сочетании со словом чаны для обозначения троюродных братьев и сестер, тех, у которых бабушки по линии матери являются родными сестрами, а матери приходятся другу чаны – дети двух родных сестер.

Из краткого анализа видно, что алтайские слова, входящие в рассматриваемую тематическую группу – слова, обозначающие родственные отношения, – находят в древнетюркском языке параллели.

По нашим предварительным данным, слова, входящие и в другие тематические группы, например, названия домашней утвари, названия хозяйственных построек, слова, обозначающие явления природы, части тела, времена года и отрезки времени, названия животных и птиц, сохранились в современном алтайском языке.

Садалова Т.М.
(г.Горно-Алтайск)

АЛТАЙСКИЕ РОДОВЫЕ ДРАЗНИЛКИ

Родовые дразнилки относятся к одним из особых фольклорных жанров народов Центральной Азии. Их обозначают терминами: «сöөктöрдин чолозы», «сöөктöрдин нерези», «сöөктöрдин сөгүжи», «сöөктöрдин модоры».

Родовые дразнилки публиковались в разных изданиях, начиная с фольклорно-этнографических публикаций XIX века, но более компактно они представлены в книге «Алтай кеп куучындар» (Горно-Алтайск, 1994 г. в составлении И.Б. Шинжина, Е.Е. Ямаевой). В своей статье мы приводим примеры из данного издания.

По своей тематике родовые дразнилки представляют, в основном, небольшие стихотворные тексты, в которых раскритиковывается та или иная черта одного из родов: сварливость, нетерпеливость, непоследовательность, лживость, хвастовство, чревоугодие и т.д. Например, родовая дразнилка көбөков начинается так:

Чугунный казан быстро вскипает,
Человек из рода көбөк вспыльчивый...
(Көбш казан көбүрчек,
Көбөк кижичи ачынчак...)

Или про представителей рода жеттас дразнят за то, что они любят воровать:

Жеттас заходит, смеясь,
Жеттас выходит, своровав...
(Кирзе, каткычы жеттас,
Чыкса, уурчы жеттас...)

Родовые дразнилки ситуативные, их произносят, когда хотят подшутить над представителем другого рода; когда хотят рассмешить аудиторию в случае неожиданного проявления именно той черты характера, которая высмеивается у этого рода.

Более древним аспектом в родовых дразнилках является то, что в них указывается тотемное животное, которому поклоняется этот род: бык, коза, верблюд. Например, про род мундусов сказано, что быки, собравшись стадом не будут, а мундусы, собравшись народом не будут. В тексте дразнилки подчеркивается не только несплоченность мундусов, но и называется тотемное животное – бык. В родовой дразнилке мундусов, возможно, зашифрована этимология самого этнонима «мундус». Дразнилка начинается со слов: «Мундус, мундус, мун алу» («Мундус, мундус, тысячи дураков»). В свое время известный лингвист В.Н.Тадыкин выделил в этом этнониме ключевое слово: «ас» для объяснения всего этнонима: «мен+туу+ас», что переводится как: «тысячи горных азов». На наш взгляд, в этимологизировании данного этнонима следует обратить на числовое обозначение в родовой дразнилке: «мун» («тысячи»), в связи с чем можно предложить следующую расшифровку: «мун+туу+ас» («тысячи+горных+азов»). Азы являются одним из древнейших коренных народов Сибири и Алтая, они упоминаются в древнетюркских письменных поэтических памятниках. Этноним «аз» (как и числовые обозначения) присутствует в названиях и других алтайских родов: «төртас», «жытас», «төйлөс», «тодош» (возможные варианты расшифровок: «төрт+ас», «жети+ас», «теле+ас», «тод+ош/ас»).

Другое ключевой этноним, который был предложен В.Н.Тадыкиным для расшифровки современных родовых этнонимов – это слово «эл» в названиях родов: «сагал», «кергил» («сак+эл», «кыр+эл»). В этом же перечне можно продолжить этимологизацию этнонимов: «каал», «моол»/«монол». Хотя в случае родового названия: «кергил», можно предложить и вариант: «кырык+эл» («сорок+эл»). То, что этноним сагал может быть двухсоставным, подтверждает односоставный этноним «сагат» (саг – корень слова, ат – обозначение множественного числа в монгольском языке), бытующий у западно-монгольских урянхайцев. Монгольское окончание множественного числа –ат проявляется в родовых названиях: «ирк+ит», «мерк+ит», «мер+ет», «пыр+ат»/«бур+ут» и т.д. Наверное, в расшифровке древних этнических самоназваний может помочь выделение и других ключевых этнонимического термина: «ук» («род, племя»). Очевидно, что данный термин присутствует в родовых названиях: «көб+өк», «кыпч+ак», «жаб+ак» (можно провести аналогию и с этнонимом «каз+ак»). Конечно же, мы в этой статье не стремились на окончательные выводы по этимологизации родовых и этнических названий, а коснулись этого вопроса только в связи с наличием возможных подсказок в родовых дразнилках для размышления по этому поводу.

В дразнилках может быть указание на древний обряд почитания родовых деревьев. Например, про иркитов сказано, что: «Отец – жимолость, мать – береза» («Адазы – ыргай, энези – кайын»).

В текстах дразнилок встречаются «цитирования» мифологических рассказов о происхождении родов с упоминанием названий родовых божеств. В частности, про меркитов говорится так:

Родившиеся из градинки,
Племянники (божества) Музыкай-каан...
(Мус бұрчектен жарылган,
Музыкай-каанның жеени...)

Аналогичные мифы о происхождении рода бытуют у мундусов.

Родовые дразнилки – это всегда взгляд со стороны, то есть, мнение членов другого рода, в историческом прошлом иногда враждебно настроенного по отношению к этому роду из-за постоянных межплеменных или межродовых конфликтов. В некоторых текстах дразнилок есть указание на ареал их проживания или родовые территории. Например, про майманов сказано:

Корневые майманы
В верховьях центрального Чамала
Кругом расположившись, жили...
(Күр майман,
Күр-Чамал бажында
Күреелей журтаган...)

Про пыратов говорится:

Из середины черного леса вышел
Черный пырат.
(Кара агаштын өзөгинен чыккан
Кара пырат.)

В дразнилках очень часто поднимается вопрос о социально-политическом положении родов, так как в жизни кочевого общества статус рода имел очень важное значение в связи с постоянной сложной политической ситуацией. Принадлежность же к аристократической родовой группе в периоды их правления позволяла занимать высшую иерархическую нишу многим сородичам. Поэтому авторы дразнилок, обычно оппонировавшие данному роду, старались принизить его статус. Например, про көбөков сказано: «хоть и много көбөков, но в большинстве все слуги»; про меретов также подчеркивается, что несмотря на пять их разветвлений, все пятеро слуги и т.д.

В отдельных родовых дразнилках ссылаются на родовые тайны или постыдные поступки представителей рода. Например, род кыпчаков кризисные исторические времена, когда род был на грани истребления допустил инцест: предводитель рода женился на собственной дочери (сестре/снохе) и род продолжил свое существование. В родовой дразнилке кыпчакам постоянно намекают на это или иногда прямо говорят об этом факте, но сами кыпчаки, стараются скрыть свою причастность к этой родовой тайне своего

предка. В родовых дразнилках напоминают случай убийства майманского зятя. В дразнилках обыгрываются комические ситуации, которые приключались с представителями того или иного рода. Род кожоо прославился тем, что кто-то из них прятался под казаном, а уши оказались наружу и мышь погрызла их.

В большинстве дразнилок высмеиваются общечеловеческие пороки и основные черты характера представителей того или иного рода: тодоши любят хорошо поесть, керги-лы неусидчивые и любят поругаться, төлөсы на общественных сборищах стараются сесть на почетное место, көбөки хвастливы, иркиты злопамятны, куманды сварливы, сагалы не приспособлены к практической жизни. Очень часто сами представители родов, зная отрицательные родовые черты, могут из этого, наоборот, сделать себе некий имидж: тодоши, засиживаясь во время застолья, подчеркивают свое пристрастие к хорошей еде, көбөки после произнесения многоречивых монологов говорят, что это не его собственный порок, а следствие принадлежности к роду көбөков.

Родовые дразнилки, заключая в себе этнопсихологическую характеристику родов, служат психологическим тренингом для разрешения межродовых конфликтов и «усмирения» особых амбиций представителей того или иного рода, так как родовые институты не потеряли свою значимость и на современном этапе развития алтайского общества.

С родовыми дразнилками тесно связаны родовые предания, импровизационные песни-состязания («чечеркеш», «сөгүш кожон»).

Таким образом, родовые дразнилки, являясь фольклорным жанром, в то же время несут в себе многоаспектную информацию и требуют к себе более пристального внимания у исследователей смежных наук.

Киндикова Н.М.
(г.Горно-Алтайск)

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ДРЕВНЕТЮРКСКИХ СОБЫТИЙ В СОВРЕМЕННОЙ АЛТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Интерес современных писателей к древнетюркскому периоду не случаен. Во-первых, они интуитивно почувствовали свое генетическое родство с предками. Их интересовал вопрос о происхождении тюркских народов. В то же время сама земля Алтая, Хакасии, Тывы, на которой возвышаются таинственные курганы, воздвигнуты молчаливые каменные изваяния, обнаруживаются письмена и рисунки, призывает поэтов художественно осмыслить древнетюркское время.

В народном сознании до сих пор бытуют исторические песни, предания и сказания о древних тюрках. Например, эпос «Маадай-Кара» относится к крупным эпическим произведениям, отражающим период возникновения раннефеодальных отношений и «военной демократии» на Алтае (VI-VIII вв.)

В 50-60-е годы XX века публикуются исследования об археологических раскопках в Сибири, в частности, на Алтае, которые способствовали развитию научной и художественной мысли. О древних кочевниках размышляют Л. Кокышев в стихотворении «Вопрос», Э. Палкин «Курган», М. Кильчичаков «Курганы рассказывают», Ю. Кюнзегеш «Надписи на камне» и др. Задаваясь вопросом "Кто мы — алтайцы?". Л. Кокышев пытается найти ответ:

Если мы — кочевники вечные,
То кто же соорудил доспехи воинов?
Если народ пребывал в рабстве,
То кто же соорудил курганы?..

В эти годы разворачивается большая работа по расшифровке древнетюркских надписей, публикуются научные труды. Особый интерес представляют труды тюркологов С.Е. Малова, Н.А. Баскакова, Л.Н. Гумилева, И.В. Стеблевой и других.

В последнее время о древнетюркских памятниках заговорили не только как о лингвистическом и археологическом материале, но и как об историческом и культурном источнике литературы современных тюркских народов.

О древнетюркских надписях как о литературных памятниках впервые упомянуто в монографии известного тюрколога Н.А. Баскакова «Алтайский фольклор и литература» (1948). В своей работе исследователь писал, что при изучении алтайской народной литературы исследователю необходимо использовать все памятники устной и письменной литературы, относящиеся к древнетюркской эпохе VI-VIII-XII веков и монгольской эпохе XIII-XVII вв.

Вслед за Н.А. Баскаковым древнетюркскими памятниками заинтересовался его ученик, алтайский фольклорист и литературовед С.С. Суразаков. Он одним из первых исследователей-литературоведов пришел к выводу о принадлежности древнетюркских надписей к литературным памятникам. С.С. Суразаков подчеркивал, что орхонские памятники являются достоянием, древнейшим наследием тюркоязычных народов.

Анализируя, расшифрованные и опубликованные С.Е. Маловым тексты, С.С. Суразаков попытался изучить стиль и поэтику надписей, сумел определить их жанр. В то же время он не отрицал и наличия в них стихового начала, обратил внимание на связь древнетюркских надписей с устной поэзией тюркоязычных народов Сибири. Исследователь отметил наличие в орхонских текстах таких фольклорных жанров, как песня, плач, благопожелание, героический эпос и т. д.

Сопоставляя фольклорные и письменные памятники, С.С.Суразаков убедительно доказал, во-первых, что в орхонский период тюрки Алтая уже имели свой сложившийся богатый эпос, и он оказал влияние на стиль письменных памятников; во-вторых, что дошедший до нас эпос племен Алтая имеет генетическую связь с эпосом древних тюрков Алтая, о чем свидетельствует сохранение до наших дней того же эпического стиля, влияние которого мы обнаруживаем в орхонских памятниках.

Огромный переворот в представлениях тюркологов осуществлен Л.Н. Гумилевым, посвятившим свой труд («Древние тюрки», 1967) изучению ранее неисследованных аспектов мировой истории — возникновению и распаду древнетюркского каганата.

В алтайском эпосе Л.Н. Гумилев находит архаические мотивы, сюжеты, восходящие к эпохе тюркского каганата. Например, он приводит алтайскую легенду о том, что белый волк спасает Ак-Тайчы от Эрлика и вскармливает ее белым молоком диких маралух.

Благодаря этому обломку седой старины мы можем представить себе не только то, что провозглашали тюркские правители, но и то, что рассказывал и слушал их народ.

Существенный вклад в разработку теории и истории древнетюркской литературы внесла известный тюрколог И.В. Стеблева.

В частности, И.В. Стеблева еще раз подчеркивает мысль о том, что древнетюркские произведения являются «общим наследием тюркоязычных народов». Как пишет исследователь, ритмика, обнаруженная в произведениях древнетюркского рунического письма, в разной степени совпадает с ритмическими особенностями фольклорного стиха тюркоязычных народов Алтая, Южной и Восточной Сибири, Поволжья, Средней и Малой Азии.

Таким образом, только в 70-е годы XX века (вслед за археологами, историками, лингвистами, литературоведами) алтайские поэты приступили к непосредственному изображению древнетюркских событий (стихотворения Л. Кокышева, Э. Палкина, А. Адарова, Б. Укачина, Ш. Шатинова, П. Самыка, Б. Бедюрова).

В стихотворении Л. Кокышева «Древние тюрки» (1970) поэтически воссоздана картина тех далеких времен. Воины, собравшиеся на погребение великого кагана, мечтают об очередных походах и завоеваниях. Даже соседний Китай, по изображению автора, обеспокоен внезапным нападением тюркютов...

Современных поэтов интересует связь прошлого с настоящим и будущим. Б. Бедюров в стихотворении «Каменное изваяние» сопоставляет два мира: мир предков и мир современников. Каменное изваяние выступает олицетворением и прошлого и будущего вечного Алтая. Сможет ли каменное изваяние принять современный ему мир зависит от того, как сумеют сосуществовать эти два мира. Подобные ассоциации отмечаются и в стихотворениях «Я — каменное изваяние» Ш. Шатинова, «Памятник Тоньюкуку» Б. Укачина и др.

Герой в стихотворении «Я — таш кезер» уподоблен таш кезеру, то есть древнетюркскому каменному изваянию, воздвигнутому в честь видного богатыря или вождя племени, гордо стоящему в открытой степи, олицетворяющему собой древность и святость алтайской земли. Таш кезер — образ большого лирического обобщения, условность, доведенная до символа. Одновременно это и олицетворение взаимосвязи времен: прошлого, настоящего и будущего.

Поэты единодушны в бережном отношении к памятникам истории и культуры, которыми будут гордиться не одно поколение, страны и континенты. В 90-е годы появились новые произведения, свидетельствующие о всевозрастающем интересе к этой теме. Оспаривая противоречивые мысли ученых, поэт А. Адаров утверждает, что находки археологов — это, прежде всего, наследие алтайского народа.

Кровь твоя течет в наших жилах,
 Дума твоя обитает в наших мыслях.
 Вечная твоя песня звучит до сих пор.
 Пусть увозят тебя в саркофаге,
 Но душа твоя осталась на Алтае,
 Под вечными вершинами.

В подтверждение всему этому А. Адаров приводит красавиц-богатыршей из алтайского героического эпоса, воспетых до настоящего времени талантливыми сказителями Алтая. Несмотря на то, что тело красавицы из Укока увезли для научного изучения — душа ее, по словам поэта, обитает на земле Алтая.

Умение автора "перевоплощаться" в создаваемые образы ярко проявилось в венке сонетов под названием «Тени Кюль-тегина». Поэт А. Адаров незаметно уводит читателя в неведомые края и времена и оттуда оживляет образы легендарных героев, исторических личностей, к таковым относится, к примеру, каган Кюль-тегин, царствовавший в VIII веке. В ту эпоху чувствовалась мощь тюркского государства. Не случайно, автор поэтически воссоздает древнетюркскую эпоху и гордится деяниями своих предков.

В сонетах под названием «Тени Кюль-тегина» (1995) А. Адаровым воссоздан образ легендарной личности — Кюль-тегина. Поэт как будто слышит голос предков: его тревожные мысли перекликаются с мыслями древнетюркского героя. В поэтическом воображении душа Кюль-тегина возвращается на родину и не узнает облик современного Алтая:

Как будто потерял я родину,
 Маячат передо мной чужие лица.
 Откуда они родом? Кто они?
 Спрашиваю я у окружающих.
 Где наш великий народ?

А. Адаровым созданы немало стихов и поэм. Все это свидетельство большого дарования и мастерства зрелого поэта.

Обращение современных поэтов к прошлому, истории народа свидетельствует о росте их национального самосознания и о значительном углублении их художественного мировидения.

Алтайских, а также других тюркоязычных поэтов Сибири объединяет прежде всего общность мировидения и мировосприятия, концепция единства мира и человека, взаимосвязь прошлого, настоящего и будущего. Традиционное становится вечным в историко-культурном развитии тюркоязычной лирики.

Наши предки освоили мир на уровне своего мифопоэтического мышления. По их представлению, окружающий мир существует в гармонии с человеком; об этом свидетельствуют обычаи, традиции, ритуалы, сохранившиеся до сегодняшнего дня: поклонение небу (Кёк Тенгри), почитание объектов природы — гор, рек, озер, деревьев и т.д. Новое поколение, осмысливая мир через архаическое мировоззрение народа, пытается продолжить древние традиции предков.

Согласно миропониманию древних тюрков, окружающий мир понимается как единое целое, а человек в нем лишь частица вселенной. Все это четко прослеживается в тюркомонгольском фольклоре и литературе; алтаец, по воле судьбы оказавшись на чужбине, обращается к Алтаю со словами благословения:

О, верхнее божество!
 О, небо со светилами: луной и солнцем!

О, Алтай мой, с горами и лесами,
Спаси мою душу!

Вселенная, в представлении алтайца, видится шестигранной; это означает, что кроме четырех сторон света существует и вертикальное измерение, которое связывает земную и космическую ось. Символически она выражена в образе коновязи. Трехмерность Алтая удачно описана в эпосе, часто встречается в стихах современных поэтов.

Окружающий мир для алтайца до сих пор представляется живым, святым, одухотворенным. Подобное мировосприятие мы находим и в лирике тывинцев, хакасов, саха-якутов. Алтайские поэты по своему мировосприятию остаются древними кочевниками, до сих пор почитают огонь, обожествляют природу, поклоняются хозяину Земли (духу огня, гор, рек и т. д.). Отсюда мотивы благопожелания, благословения в лирике, восхваления, гимна, слова (стихи С. Суразакова, Б. Укачина, П. Самыка, Б. Бедюрова, С. Сартаковой, Б. Бурмалова и др.). Алтаец относится к огню, как к матери, величая его «от-эне». Не окажись рядом с человеком огня, все становится бессмысленным. Он для него имеет сакральную силу. В одноименном стихотворении С. Суразакова, лирический герой признается, что, оказавшись атеистом, он перестал почитать огонь, но в душе остался все равно благодарным огню-матери, дарившем людям тепло, свет и энергию.

В поэтической системе П. Самыка огонь-мать обретает глубокий, символический смысл. Такие понятия как огонь, очаг, мать в совокупности образуют начало всего сущего. Огонь в очаге символизирует процветание жизни на земле, мать — не только хранительница своего очага, святого огня, но и продолжательница человеческого рода. Лирический герой Б. Бедюрова (стихотворение «Перед отъездом»), оставаясь наедине с огнем, разговаривает с ним как с живым существом. В поэтическом видении автора огонь олицетворяет собой мудрую мать.

Огонь, очаг, мать — ведущие темы лирических стихов С. Сартаковой. В ее поэтической системе эти понятия получили свое реальное воплощение, их смысл связан с обычаями алтайского народа. В стихотворении «Песня матери» рождение нового человека сопровождается соблюдением традиционного ритуала предков: окропление земли белым молоком, поклонение Солнцу, небу.

Не только огонь, вся природа Алтая остается для многих поэтов святым храмом, о чем свидетельствуют ритуалы, обычаи, совершаемые на перевалах: привязывание ленты на деревьях, окропление Алтая молоком, угощение едой духов Алтая и т. д.

Дух Алтая вечен, всемогущ, свят и требует особого почтительного отношения к себе. Отсюда и стихи современных поэтов, глубоко связанные с обрядовым действием (стихотворения Б. Укачина «Благопожелания», «Молитва у кедра», Б. Бедюрова «Благословление кедру», «Оплакивание убитого медведя», П. Самыка «Молитва Духу Алтая», «Солнцепоклонник» и др.).

Такая же взаимосвязанность природы и человека присуща мировидению современных поэтов. В стихотворении «Сын Солнца» П. Самыка проявляется синтез фольклорного и современного художественного мышления:

Отец мой — Солнце,
Мать моя — Земля.

Таким образом, на исходе XX века алтайские поэты пытаются возродить давно забытое, вековечное, традиционное, вернуть алтайскому менталитету духовную ценность. Не случайно, они заострили проблему взаимоотношения человека и природы, экологические проблемы выдвигают одновременно с этническими и этическими.

В поисках своих корней, родословной, современные поэты обращаются к мифам и преданиям народа. В тюрко-монгольском фольклоре встречаются мифы о происхождении родовых коллективов от птиц и зверей. В стихотворении «Лебедь» Л.В. Кокышева лирический герой вспоминает случай из жизни: в детстве бабушка сводила его на целебный источник, чтобы побороть недуг внука. Обращаясь к лебедям, как к божествам, она просила их оберегать душу ребенка:

Род комдошей неустойчив,
Сохраните душу моего внука.
Лебеди, как будто услышав ее,
Улетали высоко, высоко.

Эту же мысль в более обобщенном виде находим в стихотворении Б. Бедюрова «Песня о синем волке». В его основе лежит мировоззренческий пласт, уходящий глубоко в мифологию о происхождении тюрков от синего волка. Отсюда и почитание синего волка, особое отношение к нему. Лирический герой Б. Бедюрова уподоблен образу синего Волка — одинокого, постаревшего, всеми проклятого. Он чувствует приближение своей смерти. В лунную ночь забытый всеми Волк скулит, точнее, «поет» прощальную песню. Песня его посвящена последней схватке с врагом, но не смертельной, а победоносной, даже судьбоносной:

Жизнь отойдет, я рухну не дыша;
И вздрогнут каменеющие веки,
И вырвется бессмертная душа,
И ночь ее подхватит и мгновенно
Умчит в страну, где вечная весна
И синее безоблачное небо
Взыскуют пробужденья ото сна.

Речь идет, таким образом, о бессмертии души синего Волка, которая до сих пор жива в исторической памяти народа.

Совершенно другую интерпретацию обретает образ синего волка в стихотворении С. Сартаковой «Чтобы вылечить рану свою...» Лирическая героиня в образе раненой волчицы плетется в свое логово, чтобы в тени, вдали от чужих, любопытных глаз облизать свою рану. Последние строки этого стихотворения звучат как торжество добра над злом.

Образ волка получил необычное воплощение в стихотворении молодого поэта, пишущего на русском языке, Алексея Тадинова «Песнь синего волка» (1996). Точнее, это не песня, а плач по утерянной свободе, «утраченной воле», «опустошенному гнезду». Стихотворение построено на противопоставлении настоящего и прошлого. Лирический герой вспоминает:

Мы были когда-то с горами одно,
И степь была нам колыбелью,
Мы были всегда и во всем заодно,
И песни одни мы пели.
Как мы хмелели от первых побед!
Вольная стая сугробами мчится,
Верили: свято хранит нас от бед
Мать — Голубая Волчица.

Образ волка в стихотворении представлен в универсальном понятии свободы, которую должны обрести родственные души; утверждается мысль об объединении тюркских народов, которые когда-то имели единый корень.

Как видно, у алтайских поэтов своя образная система в поэзии, без которых трудно понять их концепцию. В некоторых стихах она совсем или почти не просматривается, другие настолько многомерны, что их толкование нельзя свести к чему-то единому, заключенному в определенные рамки. Под текстом обычно прочитывается глубокий этно-эстетический смысл.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдулганеев Михаил Тимофеевич – старший научный сотрудник НПЦ «Наследие», кандидат исторических наук. 656043, г.Барнаул, ул.Ползунова, 39. Тел.: 8(385-2)23-09-16, 51-60-29, факс: 8(385-2)23-63-31, e-mail: nasledie@barnaul.ru

Алмадакова Надежда Дмитриевна – старший научный сотрудник Научно-методического центра Министерства образования Республики Алтай, кандидат филологических наук. 649000, Республика Алтай, г.Горно-Алтайск, пер.Театральный, 20. Тел.: 8(388-22)2-35-21

Бобров Леонид Александрович – аспирант Новосибирского государственного университета. 630090, г.Новосибирск-90, ул.Пирогова, 2. Тел.: 8(3832)39-75-70

Вдовина Татьяна Алексеевна – сотрудник Агентства по культурно-историческому наследию Республики Алтай. 649000, Республика Алтай, г.Горно-Алтайск, пр.Коммунистический, 79. Тел.: 8(388-22)2-36-08, e-mail: vdovina-ta@mail.ru

Киндикова Нина Михайловна – профессор кафедры алтайского языка и литературы Горно-Алтайского государственного университета, профессор, доктор филологических наук. 649000, Республика Алтай, г.Горно-Алтайск, ул.А.Ленкина, 1. Тел.: 8(388-22)2-40-38

Кирюшин Кирилл Юрьевич – научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, научный сотрудник НПЦ «Наследие» (г.Барнаул), кандидат исторических наук. 656043, г.Барнаул, ул.Ползунова, 39. Тел.: 8(385-2)23-09-16, 54-84-07, факс: 8(385-2)23-85-95, e-mail: nasledie@barnaul.ru

Кирюшин Юрий Фёдорович – ректор Алтайского государственного университета, заведующий кафедрой археологии и этнографии, профессор, доктор исторических наук. 656099, г.Барнаул-99, пр.Ленина, 61. Тел.: 8(385-2)26-06-06, факс: 8(385-2)66-75-84, e-mail: rector@hist.asu.ru

Кубарев Владимир Дмитриевич – главный научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, доктор исторических наук. 630090, г.Новосибирск-90, пр.Лаурентьева, 17. Институт археологии и этнографии СО РАН. Тел.: 8(383-2)30-35-72, факс: 8(383-2)30-11-91, e-mail: vd@online.nsc.ru

Кунгуров Артур Леонидович – доцент кафедры археологии, этнографии и источниковедения Алтайского государственного университета, доцент, кандидат исторических наук. 656099, г.Барнаул, пр.Ленина, 61. Кафедра археологии, этнографии и источниковедения. Тел.: 8(385-2)66-81-58, e-mail: kaei@hist.dcn-asu.ru

Маточкин Евгений Палладиевич – старший научный сотрудник Национального музея Республики Алтай им. А.В.Анохина, кандидат искусствоведения. 630090, Новосибирск-90. ул.Академическая, 34-24. Тел.: 8(383-2)30-40-55, e-mail: pallady@ngs.ru

Матрёнин Сергей Сергеевич – аспирант Алтайского государственного университета. 656049, г.Барнаул-49, пр.Ленина, 61, каб.211. Кафедра археологии, этнографии и источниковедения. Тел.: 8(385-2)66-81-58, e-mail: kaei@hist.dcn-asu.ru

Ойношев Василий Петрович – директор Агентства по культурно-историческому наследию Республики Алтай, кандидат филологических наук. 649000, Республика Алтай, г.Горно-Алтайск, пр.Коммунистический, 79. Тел.: 8(388-22)2-36-08, e-mail: akip@mail.gornu.ru

Пугачев Дмитрий Анатольевич – старший научный сотрудник НПЦ «Наследие». 656043, г.Барнаул, ул.Ползунова, 39. Тел.: 8(385-2)23-09-16, 30-02-76, факс: 8(385-2)23-63-31, e-mail: nasledie@barnaul.ru

Садалова Тамара Михайловна – научный сотрудник Агентства по культурно-историческому наследию Республики Алтай, кандидат филологических наук. 649000, Республика Алтай, г.Горно-Алтайск, пр.Коммунистический, 79. Тел.: 8(388-22)2-36-08, e-mail: akip@mail.gornu.ru

Соёнов Василий Иванович – доцент Горно-Алтайского государственного университета, старший научный сотрудник Института алтаистики им.С.С. Суразакова, доцент, кандидат исторических наук. 649000, Республика Алтай, г.Горно-Алтайск, а/я 278. Тел.: 8(388-22)2-53-77; 2-66-35, e-mail: Soyonov@mail.gornu.ru

Степанова Надежда Федоровна – старший научный сотрудник Барнаульской лаборатории ИАиЭт СО РАН при АлтГУ, кандидат исторических наук. 656049, г.Барнаул-49, пр.Ленина, 61. Алтайский госуниверситет. Тел.: 8(385-2)66-84-23, e-mail: nstepanova@mc.dcn-asu.ru

Суразаков Александр Сазонович – заведующий группой философии и культурологии Института алтаистики им. С.С.Суразакова, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук. 649000, Республика Алтай, г.Горно-Алтайск, ул.Социалистическая, 8. Институт алтаистики им. С.С.Суразакова. Тел.: 8(388-22)2-66-35

Трифанова Сынару Вениаминовна – сотрудник Агентства по культурно-историческому наследию Республики Алтай. 649000, Республика Алтай, г.Горно-Алтайск, пр.Коммунистический, 79. Тел.: 8(388-22)2-36-08, e-mail: trifanovasv@mail.ru

Худяков Юлий Сергеевич – главный научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, заведующий кафедрой археологии и этнографии Новосибирского государственного университета, профессор, доктор исторических наук. 630090, г.Новосибирск-90, пр.Лаврентьева, 17. Институт археологии и этнографии СО РАН. Факс: 8(383-2)30-11-91, e-mail: khudjakov@ngs.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю. (г.Барнаул) РЕКОНСТРУКЦИЯ НЕКОТОРЫХ АСПЕКТОВ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ПОСЕЛЕНИЯ ТЫТКЕСКЕНЬ-2	3
Кубарев В.Д. (г.Новосибирск) ПЕТРОГЛИФЫ АРАЛ-ТОЛГОЯ И ПРОБЛЕМЫ ДАТИРОВАНИЯ ДРЕВНИХ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ АЛТАЯ И МОНГОЛИИ	13
Суразаков А.С. (г.Горно-Алтайск) ФИЛОСОФИЯ ПАЗЫРЫКЦЕВ: ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ПЕРВООСНОВЕ МИРА	29
Матрёнин С.С. (г. Барнаул) СПОСОБЫ ЗАХОРОНЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ГОРНОГО АЛТАЯ ВО II В. ДО Н.Э. – V В. Н.Э.....	35
Абдулганеев М.Т., Пугачев Д.А., Степанова Н.Ф. (г.Барнаул) ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСЕЛЕНИЙ ЭПОХИ ЖЕЛЕЗА У С.КАРАГУЖ НА Р.ИША (СЕВЕРНЫЙ АЛТАЙ)	51
Соёнов В.И. (г.Горно-Алтайск) АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ЧОЙСКОГО РАЙОНА РА	64
Трифанова С.В. (г.Горно-Алтайск) МАТЕРИАЛЫ К АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЕ КОШ-АГАЧСКОГО, ОНГУДАЙСКОГО И УЛАГАНСКОГО РАЙОНОВ РА	67
Ойношев В.П., Трифанова С.В. (г.Горно-Алтайск) НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ У С.БЕШ-ОЗЕК ШЕБАЛИНСКОГО РАЙОНА	76
Соёнов В.И. (г.Горно-Алтайск) МАТЕРИАЛЫ К АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЕ ШЕБАЛИНСКОГО И УСТЬ-КАНСКОГО РАЙОНОВ РА (по результатам полевых работ 2003 года)	79
Вдовина Т.А. (г.Горно-Алтайск) К АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЕ МАЙМИНСКОГО РАЙОНА РА	90
Худяков Ю.С., Бобров Л.А. (г.Новосибирск) ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ КОНТАКТЫ И ВЗАИМОВЛИЯНИЕ РУССКИХ С ТЮРКСКИМИ НАРОДАМИ ЗАПАДНОЙ И ЮЖНОЙ СИБИРИ В ВОЕННОМ ДЕЛЕ В XVI – XVII ВВ.	103
Кунгуров А.Л., Иванова Е.П. (г.Барнаул) ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СВЕДЕНИЙ О ДРЕВНЕМ ГОРНОМ ДЕЛЕ НА ТЕРРИТОРИИ РУДНОГО АЛТАЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЯМИ XVIII – НАЧАЛА XX ВВ.	128
Маточкин Е.П. (г.Горно-Алтайск) КАЙЧИ: ВЗГЛЯД НА ПЕТРОГЛИФЫ	134
Алмадакова Н.Д. (г.Горно-Алтайск) О НЕКОТОРЫХ ПАРАЛЛЕЛЯХ СОВРЕМЕННОГО АЛТАЙСКОГО И ДРЕВНЕТЮРКСКОГО ЯЗЫКОВ	141
Садалова Т.М. (г.Горно-Алтайск) АЛТАЙСКИЕ РОДОВЫЕ ДРАЗНИЛКИ	143
Киндикова Н.М. (г.Горно-Алтайск) ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ДРЕВНЕТЮРКСКИХ СОБЫТИЙ В СОВРЕМЕННОЙ АЛТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ	145
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	150

Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Выпуск 2 Сборник научных трудов

Ответственные редакторы – **В.И.Соёнов, В.П.Ойношев**

Статьи публикуются в авторской редакции

Составление, оформление, компьютерная верстка, корректура, макет – **В.И.Соёнов**

Подписано в печать 12.09.2005. Формат 60x84 1/8.
Печать оперативная. Гарнитура – «Ариал». Усл.печ.л. – 19,0.
Тираж – 200 экз.

649000, Республика Алтай, г.Горно-Алтайск, пр.Коммунистический, 79.
Агентство по культурно-историческому наследию Республики Алтай.
Тел.: 8(388-22)2-36-08, e-mail: akin@mail.gorny.ru